ВИТАЛИЙ

ГУБАРЕВ

Королевство кривых зеркал



ДЕТСКАЯ КЛАССИКА

Королевство кривых зеркал
Виталий Георгиевич Губарев

Аннотация
Виталий Георгиевич Губарев. Королевство кривых зеркал
Возвращение Виталия Губарева
Королевство Кривых Зеркал
Глава первая,. в которой Оля ссорится с бабушкой и слышит голос волшебного зеркала
Глава вторая,. в которой Оля знакомится со своим отражением и попадает в сказочную страну
Глава третья,. в которой Оля путешествует по сказочному городу и убеждается, что не всё то золото, что блестит
Глава четвёртая,. в которой Оля и Яло попадают во дворцовую кухню
Глава пятая,. в которой Оля и Яло превращаются в придворных пажей
Глава шестая,. в которой паж с родинкой на правой щеке даёт королю урок арифметики
Глава седьмая,. в которой король посвящает пажей в «одно важное государственное дело»
Глава восьмая,. в которой Оля и Яло проникают в Башню смерти

Глава девятая,. в которой Оля и Яло слышат разговор короля с Нушроком
Глава десятая,. в которой Оля и Яло попадают в замок прекрасной дамы
Глава одиннадцатая,. в которой Нушрок предлагает прекрасной даме стать королевой
Глава двенадцатая,. в которой рассказывается о том, как Оля едва не погибла в водопаде
Глава тринадцатая,. в которой Яло убеждается в существовании подземного хода
Глава четырнадцатая,. в которой Яло встречается с Олей
Глава пятнадцатая,. в которой Оля освобождает Гурда и побеждает Нушрока
Глава шестнадцатая,. и последняя, в которой Оля снова слышит голос волшебного зеркала
В тридевятом царстве
Глава 1
Глава 2
Глава 3
Глава 4
Глава 5
Глава 6
Глава 7
Глава 8
Глава 9

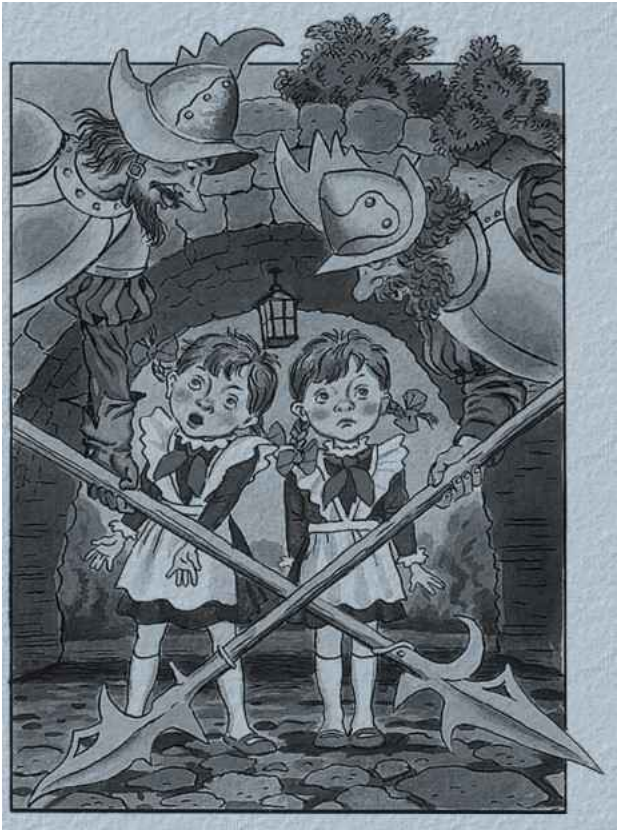
Глава 10
Глава 11
Глава 12
Глава 13
Глава 14

Аннотация

Повести-сказки Виталия Георгиевича Губарева (1912–1981) переносят читателей в мир фантастики и приключений, где герои противостоят силам зла. Благородство, мужество и находчивость помогают ребятам преодолеть все испытания и с честью выйти из труднейших ситуаций.

Открывается книга интересной статьей литературоведа И. Л. Жуковой о жизни и творчестве писателя.

Художники: Сергей Бордюг, Наталья Трепенок.



Виталий Георгиевич Губарев
Королевство кривых зеркал

Возвращение Виталия Губарева

Бывают книги — добрые и верные друзья на всю жизнь. Их не устаёшь перечитывать и каждый раз открываешь что-нибудь новое. К таким книгам принадлежит весёлая и поучительная сказка Виталия Губарева «Королевство кривых зеркал». Однако в её жизни — а у книг тоже своя, часто драматическая жизнь и свои отношения с читателями — был период забвения, точнее сказать — отлучения от читателя: с 1970 года сказку не переиздавали. А без поддержки переизданиями книги часто становятся невостребованными. По счастью, сказка Виталия Губарева была экранизирована нашим лучшим режиссёром-сказочником Александром Роу и стала любимым детским фильмом. А вот остальным произведениям разностороннего и одарённого писателя повезло меньше: его исторические, сказочные и фантастические повести выпали из читательского поля зрения и только с перестройкой, с начала 1990-х, вернулись к нам.

Нам хотелось также восстановить вехи литературной биографии Виталия Губарева — жур-

налиста, писателя-сказочника, драматурга, чьё творчество — одна из лучших страниц детской литературы XX века.

Виталий Георгиевич Губарев прожил большую, насыщенную заботой и ответственностью за людей жизнь.

Он был человеком в высшей степени совестливым и сострадательным и считал это в людях признаком истинной интеллигентности.

В литературном труде — повестях и сказках для детей — ив жизни, которая была посвящена большому общему делу, он привык отдавать всего себя — «гореть» идеей, работой. Такое неравнодушие привело его в журналистику, а литературная одарённость, соединённая с порывом к общему благу, создала писателя, чьи произведения задевают, волнуют читателя и сегодня. Он был всезнающим и всеведающим газетчиком и мобильным журналистом — иным и не мог быть редактор детской и молодёжной прессы — «Пионерской правды» и «Комсомольской правды». Коллеги по работе отзывались о нём так: «Мы его любили больше всех. Он „горел“ на работе. Высокая культура в нём чувствовалась». В 30–60-е годы во всех популярных изданиях — «Огоньке», «Работнице», «Крестьянке», журналах «Вожатый»,

«Сельская молодёжь», «Советская женщина», «Смена» — публиковались его рассказы и очерки. Начиная с 50-х годов и до наших дней в детских театрах страны идут его пьесы.

«Пьесы пошли, как девятый вал», — признавался Виталий Георгиевич. Эти годы были самыми продуктивными в его жизни, но мы меньше всего знаем об этом периоде. Собственным имиджем и рекламой своих сочинений он был озабочен меньше всего. Это не было в его обычае. Скромность и множество неотложных дел, связанных с газетой и общественным пионерским движением, которому он стремился придать патриотическую, краеведческую устремленность, не оставляли для этого времени. Документированной литературной биографии писателя ещё не создано. Мы предлагаем лишь некоторые штрихи к портрету этого замечательного человека, которые, возможно, прольют свет и на его творчество.

Виталий Георгиевич Губарев родился в Ростове-на-Дону 30 августа 1912 года.

В своей повести для подростков «Монтигомо — Ястребиный Коготь» (1965), действие которой происходит в Ростове, он даёт красочные описания родного города — цветущих весною акаций,

величественного Дона и любимых мест ростовчан — набережных и пляжей.

Раннее детство мальчик провёл не в Ростове, а на хуторе Большая Козинка с бабушкой Марией Григорьевной Губаревой (1867–1946). Она была дочерью морского офицера и являлась дальней родственницей художника Айвазовского, а также и писательницы Веры Пановой. Высокообразованная женщина, она заведовала в Больших Козинках школой. В этой школе Виталий начал учиться, а в 12 лет, когда он написал свою первую пьесу «Где ты, счастье?», её разыграли в Народном доме артисты-школьники.

Образ бабушки, бабунечки, бабушечки мы встретим потом и в повестях, и в сказках Виталия Губарева. Он — один из самых обаятельных, выписанных со множеством точных и трогательных чёрточек.

У бабушки Марии Григорьевны было трое сыновей. Отец Виталия — старший сын — погиб в Первую мировую войну, когда мальчику не было и трёх лет. О нём известно, что он писал стихи и уже начал печататься.

Виталий рос с мамой и отчимом Кузьмой Куприяновичем Дегтяревым, впоследствии деканом Ростовского педагогического института.

Мама — Антонина Павловна — получила гимназическое образование и тоже преподавала — теперь уже в школе, называвшейся «Единой трудовой школой I и II ступени», которую и закончил, уже в Ростове, Виталий.

Литературная одарённость проявилась у мальчика очень рано — в 8 лет. Но кто знает, как бы сложилась его судьба, не встреть он на своём пути талантливого редактора Полнена Яковлева. «Когда я, худенький и белобрысый, робко протиснулся в редакционную комнату с вопросом: „Где тут у вас рассказы принимают?“, он внимательно прочитал написанное, показал, где лишнее, чего не хватает, и много возился со мной», — вспоминал Виталий Георгиевич. «Это был абсолютный интеллигент, мягкий, добрый, ласковый человек» — так он отзывался о своём первом редакторе.

П. Яковлев начал печатать 12-летнего корреспондента в газете «Ленинские внучата» и журнале «Горн». И тот почувствовал, что литературный труд — нужное и важное дело.

1924 год. Вдумайтесь, сам ещё мальчик, подросток, он пишет рассказы и повести о своих сверстниках-мальчишках. «Гнилое дерево» — о дружбе сельских и городских ребят; «Сын телеграфиста» — о мальчике — герое Гражданской

войны; повесть «Красные галстуки» — о беспризорниках; рассказ «Куб разности». «В ночном» — лирический рассказ, навеянный тургеневским «Бежиным лугом» (здесь мы видим литературных учителей Губарева — это Тургенев и Чехов). Рассказы печатаются в ростовских журналах «Горн» и «На подъёме» (в будущем — журнал «Дон»).

1926 год. За рассказ «Ночная встреча» 14-летний писатель получил гонорар в размере 6 рублей. На второй гонорар за повесть «Второступенцы» (в такой он как раз и учился) смог купить костюм, из-за чего его появление на улицах Ростова сопровождалось ворчанием босяков: «О, буржуй идёт!»

В 1928 году Ростовская школа II ступени была закончена. Виталию выдали прекрасную характеристику, и он полностью посвятил себя корреспондентской работе, став собственным корреспондентом «Крестьянской газеты» по Северному Кавказу. В тогдашней крестьянской России это была вторая по значению после «Правды» газета, выпускавшаяся в Москве, в которой главным редактором был Семён Урицкий. При «Крестьянской газете» было приложение для детей — газета «Дружные ребята». Виталия уговорили присылать и материалы для детей. «Три

года я провёл на колёсах, дома почти не был».

Газете «Дружные ребята» так понравились его материалы, что в 1931 году срочной телеграммой его вызвали в Москву: «Приехать к такому-то часу 12 августа».

О своём появлении в Москве он рассказывал потом с юмором: «Приехал с портфельчиком на Казанский вокзал. Редакция находилась на Воздвиженке в доме № 9. Надо было ехать на трамвае. А трамваи тогда брали штурмом. Один трамвай пропустил, во второй не смог протиснуться, в третий как рванул — и услышал: „Ну, сразу видно, нахальный москвич“». «Я думал, на совещание зовут. А ребята схватили — оставайся! Так и остался. Ночевать улёгся на редакционном столе, с пачкой газет под голову. Потом снимал угол. Обедать ходил в столовую. Но в выходные дни начинался голод. Прославленный общепит в выходные не работал. Да и вся страна голодала, всё было по карточкам». Но ощущение времени было таким: «Мы все были счастливы молодостью и духовным подъёмом. Жили весело и дружно. Над газетой работали с утра до позднего вечера. Хлеб, полученный по карточкам, съедали сразу, в остальное время довольствовались чаем».

Есть в литературной биографии Виталия Гу-

барева момент, который мы не будем обходить молчанием. Это участие в 1932 году в комиссии по расследованию убийства пионера Павлика Морозова. В дальнейшем в числе многих других авторов Виталий Губарев написал повесть об этом. Однако нравственные проблемы, ставившиеся в той и последующих повестях Губарева, не исчезли. Они вновь и вновь встают перед обществом. Виталий Губарев мучительно и бескомпромиссно искал ответ на вопрос: можешь ли ты, юный человек, предотвратить преступление или скроешь его из соображений родственности и личной безопасности? Сам Виталий Георгиевич был человеком бесстрашным и самоотверженным. По зажиточным селам Кубани ездил, когда корреспондентов, казавшихся крестьянам чужаками-горожанами, убивали. Как писатель он надеялся, что его повести помогут понять и выбрать нравственные категории, без которых любое общество и отдельный человек существовать не могут: категорию внутреннего голоса совести, нравственного суда над собой, нравственного выбора. Осознавший их не сможет закрыть глаза на преступление против норм человечности. Он апеллировал к совести и в реалистической повести «Монтигомо — Ястребиный

Коготь», и в повести-сказке «Королевство кривых зеркал». Это было знаком времени и его личной нравственной позицией.

Осенью 1941 года на правдинца Виталия Губарева была возложена задача эвакуировать сотрудников издательства и типографии ввиду угрозы наступления немцев на Москву. Это осуществлялся план эвакуации важнейших предприятий города. Надо было везти и устраивать людей под Омск. 3000 человек, и среди них — 1000 детей. В Москву Виталий Георгиевич вернулся уже в 1942 году и сразу же поехал на фронт корреспондентом газеты «Комсомольская правда». Мотался на машинах по дорогам войны. Ездил к партизанам Смоленщины запечатлеть вручение бойцам орденов. Вместе с наступающей армией шёл по Болгарии и Румынии. «Если Болгария не была оккупирована немцами и ни одного солдата не направила против нас, то в Румынии, воевавшей на стороне гитлеровцев, каждую ночь мы теряли бойцов, — рассказывал Виталий Георгиевич, — один раз мы еле спаслись».

Возможно, в освобождающейся от ига фашизма Европе он увидел прообразы будущей сказки «Королевство кривых зеркал». Во всяком случае, зарождение замысла относится к 1947 году. Ра-

бота над ней шла долго. В 1951 году сказка была опубликована издательством «Молодая гвардия» и вскоре переведена на болгарский, немецкий и чешский языки. «Литературная газета» откликнулась на появление книги хвалебным отзывом. Звонили из театров с предложениями поставить сказку. Первым позвонил руководитель Театра кукол Сергей Владимирович Образцов, потом позвонили из Театра юного зрителя. Писатель отдал сказку в более близкий подросткам ТЮЗ и в 1952 году переложил её для сцены.

Талантливая, блестяще написанная сказка, в которой не потускнело ни одно слово, и сейчас нужна нам и нашим детям так же, как и тогда, в 1951 году, при первом своем издании. В 50-е годы она триумфально шла по стране в драматических театрах, ставилась в виде балетных спектаклей и оперетты, и наконец, лучший режиссёр-сказочник А. Роу снял по этой повести великолепный фильм… Однако главная причина её бессмертия — в самой природе сказки, написанной талантливо и ярко, в созданных Губаревым сказочных метафорах, иносказаниях, что выразили сущность самой жизни. В те годы, когда ещё никто не помышлял о сломе тоталитарной системы, появилась сказка о короле Топседе VII — Деспоте.

Его министры придумали зеркала, в которых он отражался умным правителем, бесправные же и голодные труженики видели себя толстыми и сытыми.

Читатель — ребёнок и подросток, попадая вместе с Олей-Ялo в эту сказочную страну, — учится смотреть на себя со стороны, анализировать свои поступки, видеть недостатки.

50-е годы можно назвать «драматургическим периодом» в жизни Виталия Губарева.

В 1954 году написана фантастическая комедия «Великий волшебник», в 1955-м — пьеса «Барышня».

60-е годы — вновь повествовательный период. Пишутся повести — сказочные, фантастические, реалистические. Все — острые, проблемные.

1959 год — «Трое на острове», 1961 год — «Путешествие на Утреннюю Звезду».

В 1965 году была написана повесть-сказка «Часы веков». После зеркала ещё одно удивительное изобретение человечества — часы — обнаружило свою чудодейственную силу. С их помощью школьница по прозвищу Муха попадает в доисторические времена. Вновь у писателя привычный предмет обнаруживает историческую сущность и вырастает до всеобъемлющей метафоры. Малень-

кий старичок-часовщик по фамилии Великанов, открывший дверку в другие века и тысячелетия, наставляет Машу-Муху: «Величие человека — в уме и добром сердце». О впечатлении, которое произвела эта повесть, мы можем судить по читательскому письму, хранящемуся в архиве писателя. Этим внимательным и чутким читателем был философ и богослов Александр Мень:

«Книга Виталия Губарева, автора хорошо знакомого и любимого детьми, не совсем обычная. В ней жанр занимательно-фантастический, приключенческий переплетается с жанром научно-популярным. Сразу можно сказать: книга читается с увлечением. Её с удовольствием прочтут и взрослые. А это один из признаков удачи писателя. В „Часах веков“ перед читателем развёртывается красочная картина прошлых эпох. Герои её, кстати, очень живые и симпатичные, как всегда у Губарева, становятся свидетелями борьбы среди доисторических животных и наблюдают первые попытки обезьян употребить орудия. Хотелось бы, чтобы автор продолжил работу над книгой и создал продолжение, которое позволит заглянуть в более раннюю историческую эпоху.

5 мая 1965 года, Александр Мень».

Виталий Георгиевич хотел оживить волшебством воображения Русь XV века, Великий Новгород. Археологические раскопки, проводившиеся в Новгороде в 1951–1957 годах, открыли

миру берестяные грамоты — памятники деловой и частной переписки. К 1961 году их число достигло 400. Всех потрясли расшифровки берестяных грамот мальчика Онфима, сделанные археологом А. В. Арциховским. Виталий Георгиевич как журналист и детский писатель не мог пройти мимо этого культурного события. Так, последним его произведением для детей стала историческая повесть «Преданье старины глубокой» (1970).

Сказочные и фантастико-приключенческие повести переносят нас в удивительные миры далёких планет и королевств, в прошлое и будущее человечества, высвечивают наше настоящее сквозь призму сказочной условности.

На мыслеплане волшебника мы перелетаем на розовую планету Утренняя Звезда, встречаемся с храбрыми и надежными мальчишками — Ильёй, Никитой и Алёшей — современными тремя богатырями (повесть «Путешествие на Утреннюю Звезду»).

В королевство Карликия, очень похожее одновременно и на старую колониальную Англию, и на новую Россию, мы попадаем вместе с русской школьницей Оксаной (повесть «В тридевятом царстве»). Эта повесть — подарок всем читателям, забрасывавшим автора письмами-просьбами о

продолжении полюбившихся приключений Оли в «Королевстве кривых зеркал». Теперь героиня повзрослела, закончила среднюю школу и у неё новое имя — Оксана, но она так же свободолюбива и весела, остроумна и бесстрашна, чужда социальных предрассудков, как и её «старшая» книжная сестрёнка.

Романтика дальних странствий соединяется в творчестве писателя с остросатирическим, гротескным изображением установленных бездарными правителями порядков маленьких и больших королевств.

«Ваше величество, мои сеятели риса не вышли на работу! Они требуют хлеба!» — «Дайте вашим рабочим побольше кривых зеркал, и они успокоятся». Это блестящий афоризм из повести «Королевство кривых зеркал», причем зеркала можно легко заменить телевидением, рекламой, прессой, настолько ёмкий образ создал писатель.

«Твой отец имеет титул графа?» — спрашивает юная королева Изабелла Оксану, которая на короткое время поменяется с ней местами, подобно принцу и нищему из романа Марка Твена. «Мой отец, так же как и мама, имеет титул учителя», — парирует не без иронии Оксана. Этот полный достоинства, ума и независимости взгляд пере-

дал своим любимым персонажам-детям автор.

Умер Виталий Георгиевич Губарев в 1981 году, читая режиссёру только что написанную пьесу. А свет его книг продолжает светить нам, и я уверена, что читатель полюбит душевно красивых и сильных героев этих произведений и задумается о жизненном подвиге их создателя, Виталия Губарева.

Ирина Жукова

Королевство Кривых Зеркал



Глава первая, в которой Оля ссорится с бабушкой и слышит голос волшебного зеркала



Хочу вам рассказать о девочке Оле, которая вдруг увидела себя со стороны. Увидела так, как можно увидеть не себя, а совсем другую девочку — скажем, сестру или подругу. Таким образом,

она довольно долго наблюдала самоё себя, и это помогло ей избавиться от недостатков, которых она раньше в себе не замечала.

И знаете, что самое главное в этой истории? Оля убедилась, что даже, казалось бы, маленькие недостатки в характере могут стать серьёзным препятствием на пути к цели. Она попала в одну сказочную страну, где ей пришлось пережить много опасных приключений, подобных тем, о которых она читала в старых сказках. Может быть, вы тоже читали эти старые сказки, где короли, разные принцы и придворные дамы так добры, справедливы, прекрасны и вообще так приторно сладки, будто вымазаны мёдом. И вот однажды девочка Оля совершила путешествие в сказочную страну и увидела там… Впрочем, я лучше расскажу всё по порядку.

…В то утро Оля вела себя из рук вон плохо. Она встала позже, чем следовало, а когда бабушка будила её, брыкалась и, не открывая глаз, говорила противным скрипучим голосом:

— Отстань! Ну что ты ко мне пристала?

— Оля, — настойчиво говорила бабушка, — ты можешь опоздать в школу.

Голос у бабушки был спокойный и ласковый, потому что все бабушки очень ласковы. Они так

любят своих внучек, что не сердятся даже тогда, когда капризные девочки говорят им дерзости.

— Опять читала в постели допоздна, — вздохнула бабушка, поднимая упавшую на пол книгу, на обложке которой крупно было написано: «Сказки». — А теперь вот подняться не можешь.

Оля села на кровати, свесив босые ноги, и сердито посмотрела на бабушку одним глазом, так как другой всё ещё был закрыт.

— Какая ты… недобрая… Никогда поспать не даёшь!

Олино платье оказалось под кроватью. Одну туфлю она долго не могла отыскать и, наконец, обнаружила её под книжным шкафом.

Потом, когда бабушка заплетала ей косы, она дёргалась и говорила: «Больно!», хотя на самом деле больно ничуточки не было.

А после завтрака Оля никак не могла найти свои учебники.

— Вчера я положила их на этот стол. Куда ты задевала их? — ворчала она на бабушку, топая ногой.

— Я никогда не теряю своих вещей, — спокойно отвечала бабушка. — Будь любезна и ты класть вещи на своё место.

— Нет, — кричала Оля, — я всегда кладу всё на

место! Это ты нарочно спрятала мои книги.

Тут даже бабушкиному терпению пришёл конец, и она, немного повысив голос, проговорила:

— У, бесстыдница! Как только папа и мама вернутся с работы, я им всё расскажу.

Угроза подействовала: Оля побаивалась папы и мамы. Она негромко проворчала: «Подумаешь!..» — и, надув губы, полезла под кровать. Конечно, под кроватью книг не оказалось; не оказалось их в ванной и в кухне. Неизвестно, сколько времени продолжались бы поиски, если бы бабушка не заглянула в Олин портфель.

— Видишь, какая ты рассеянная, Оля! Ведь ты же сама вчера положила все свои учебники себе в портфель. О, как бы я хотела, чтобы ты посмотрела на себя со стороны! Вот стыдно тебе стало бы…

Оля, которой уже и так было стыдно, что она понапрасну обидела бабушку, чмокнула старушку в щёку, взяла портфель и пошла в переднюю одеваться. В передней стояло большое зеркало, перед которым она так любила вертеться.

— Одевайся поскорее, Оля! — крикнула ей вслед бабушка. — До звонка осталось десять минут.

Но Оля и не думала одеваться. Из зеркала на неё смотрела девочка в чёрном переднике, с

красным галстуком на шее. Девочка как девочка — две русые косы с бантом и два больших голубых глаза. Но Оля считала себя очень красивой и поэтому, очутившись перед зеркалом, долго не могла оторваться от него. Так было всегда.

— Как, ты ещё не ушла? — вскрикнула бабушка, появляясь в передней. — Нет уж, сегодня я непременно расскажу всё папе и маме!

— Подумаешь!.. — ответила Оля и начала одеваться.

— Учишься в пятом классе, а ведёшь себя, как маленькая. Ох, если бы ты могла посмотреть на себя со стороны!

— Подумаешь!.. — повторила Оля, помахала бабушке рукой и, ещё раз украдкой взглянув на себя в зеркало, скрылась за дверью…

В этот день Оля вернулась из школы злая-презлая: она поссорилась с подругами. Вообще она часто ссорилась с подругами и почти всегда была виновата во всём.

— Какая ты капризная! — сказали ей подруги. — Больше мы не будем с тобой дружить!

— Подумаешь!.. — выпятила Оля нижнюю губу и сделала вид, что нисколько не огорчена. Но на самом деле на душе у неё было прескверно.

Кончался декабрь, на улице темнело рано. А

так как после школы Оля не могла удержаться от соблазна заглянуть в кино, где шла новая картина, то, когда она пришла домой, в морозном небе уже светились звёзды. И тут, к своему ужасу, Оля увидела, что на лестнице не горят лампы. А темноты она боялась больше всего на свете.

Пугаясь шума собственных шагов, Оля стремительно взбежала на свой этаж и подняла такой звон, что у бабушки тряслись руки, когда она открывала дверь.

— Что случилось? — испуганно спросила старушка. — А где твой ключ?

— Бабунечка, я потеряла свой ключ, — тяжело дыша, сказала Оля.

Бабушка всплеснула руками.



— Это уже в третий раз! Ну что теперь делать? Свой ключ я отдала слесарю домоуправления. Ах,

Оля, Оля, какая ты растеряшка! Беги к слесарю, он, наверное, уже сделал новый ключ.

— Бабунечка… на лестнице так темно… Наверно, перегорели пробки.

— Боишься?

— Я просто… не люблю темноты…

— Ах ты, трусишка! Ну ладно уж, схожу сама. — Бабушка оделась, погрозила Оле пальцем: — Шоколадку в буфете до обеда не трогай! — и скрылась за дверью.

Оля стала раздеваться на ходу. В одном месте она оставила калоши, в другом — шапочку, в третьем — пальто. Затем, после небольших колебаний, она достала из буфета шоколадку и съела её. Ей было скучно. Она взяла книгу, на обложке которой было написано: «Сказки», и начала листать её. Одна картинка привлекла внимание Оли. С высокого холма открывался вид на удивительный город со множеством разноцветных зданий с высокими шпилями. Нарядные люди гуляли по площади вокруг фонтана. «Вот бы и мне погулять там!» — подумала Оля и вдруг услышала какой-то странный звон в передней.

Она побежала в переднюю. Но всё было тихо.

«Наверно, послышалось», — подумала Оля и, бросив взгляд на зеркало, как обычно стала вер-

теться перед ним.

Она оглядела себя с головы до ног, несколько раз повернулась кругом, потом сощурила глаза и высунула язык. Потом Оля рассмеялась и начала выбивать ногами дробь.

И тут ей показалось…

Нет, этого не может быть! Чутко прислушиваясь, Оля снова стукнула каблуками об пол и теперь уже вполне отчётливо разобрала, как в глубине зеркала стеклянным, мелодичным звуком отозвалось эхо. Да, эхо отозвалось в зеркале, в той самой передней, которая в нём отражалась, а не в той, настоящей, в которой стояла Оля.

Это было так странно, что Оля онемела, широко открыв свои голубые глаза. И в тишине она ясно услышала, как кто-то вздохнул длинно и печально. Оле стало страшно… Она выждала минуту и негромко спросила:

— Кто это вздыхает?

— Я, — негромко ответил красивый звенящий голос, словно ударились друг о дружку хрустальные стёклышки.

— Кто ты? — перевела дыхание Оля. — Здесь никого нет.

— Это я, зеркало, — снова зазвенел голос.

Оля отскочила в сторону и, помедлив, сказала:

— Но ведь вещи не умеют разговаривать…

— А ты представь, что находишься в сказке, — ответил голос.

— Всё равно это очень странно… Я боюсь тебя, зеркало.



— Напрасно, девочка… Я доброе волшебное зеркало. Я не причиню тебе никакого зла. Не правда ли, я тебе нравлюсь? Ты так любишь смотреть в

моё стекло!

— Это правда, — сказала Оля, осмелев и делая шаг к зеркалу.

А голос звучал:

— Бабушка часто говорит, что хотела бы, чтобы ты увидела себя со стороны…

— Но разве это возможно? — удивилась Оля.

— Ну конечно, возможно. Только для этого тебе надо побывать по ту сторону зеркала.

— Ах, как интересно! — воскликнула Оля. — Разреши мне, пожалуйста, побывать по ту сторону зеркала!

Голос ответил не сразу, как будто зеркало погрузилось в задумчивость.

— С твоим характером, — произнёс наконец звенящий голос, — опасно очутиться по ту сторону зеркала.

— Разве у меня плохой характер?

Снова раздался вздох:

— Видишь ли, ты, конечно, хорошая девочка… Я вижу добрые глаза — значит, и сердечко у тебя доброе. Но у тебя есть недостатки, которые могут помешать тебе в трудную минуту!

— Я ничего не боюсь! — решительно махнула косичками Оля.

— Что ж, пусть будет по-твоему, — произнёс

голос.

И передняя наполнилась вдруг звоном, словно разбились тысячи хрустальных стекляшек. Оля вздрогнула, и книга, которую она держала под мышкой, полетела на пол.

Глава вторая, в которой Оля знакомится со своим отражением и попадает в сказочную страну

Хрустальный звон всё усиливался. По гладкому стеклу зеркала побежали голубые волны. С каждой секундой они становились всё голубее и голубее, и теперь уже зеркало ничего не отражало. Затем голубые волны рассеялись, словно туман, и хрустальный звон затих. Оля снова увидела в зеркале переднюю и своё отражение. Однако стекло исчезло. Осталась только одна рама от зеркала, через которую — Оля отчётливо почувствовала это — повеяло ветерком.

Набрав в лёгкие воздуха и зажмурив глаза, будто она собиралась нырнуть в воду, Оля быстро подняла ногу, переступила через раму и, столкнувшись с кем-то, полетела на пол. Она схватилась за ушибленный лоб, открыла глаза и села. Перед ней, схватившись за лоб, сидела девочка с русыми косами и большими голубыми глазами.

— А ведь мы обе виноваты, что столкнулись, —

сказала девочка, смущённо улыбаясь. — Ты слишком быстро сделала шаг вперёд. И я сделала шаг вперёд. Ведь я привыкла делать то же, что и ты! Я не догадалась сразу, что теперь мне нужно уступать тебе дорогу.

— Ничего, мне не очень больно, — проговорила Оля, потирая лоб, — только, наверное, вскочит шишка.

— Там, в своей передней, ты обронила книжку, — сказала девочка Оле, — вот она.

И девочка протянула книгу, на которой было написано: «икзакС». Оля усмехнулась и внимательно оглядела отражённую переднюю, в которой находилась. Всё в ней было наоборот. То, что дома стояло справа, здесь оказалось слева, а то, что там стояло слева, здесь оказалось справа.

Вдруг хрустальный звон привлёк её внимание. Оля увидела, что в зеркальной раме снова появились голубые волны. Она торопливо подбежала к зеркалу, но его поверхность уже успокоилась. Оля прислонила к зеркалу лоб и почувствовала холодок стекла. «Как же я теперь попаду домой?» — подумала она. Ей вдруг стало тревожно и грустно. Она видела в зеркале переднюю своей квартиры, которая была так близко и в то же время так далеко теперь. Какой милой ей показа-

лась эта передняя! Вон на полу лежит её любимая книга, на которой написано: «Сказки». А вон на вешалке висит папино летнее пальто, которое мама вынула из сундука, чтобы оно проветрилось: от пальто пахло нафталином.



Оля оглянулась.

Здесь, в отражённой передней, тоже висело пальто, такое же, как у папы, но сколько Оля

ни тянула носом воздух, она не почувствовала запаха нафталина.

— Я не хочу здесь оставаться, — сказала Оля и сердито посмотрела на девочку. — Я хочу домой.

— Нельзя, — серьёзно проговорила девочка, поднимаясь с пола. — Голубые волны не могут появляться так часто.

— А если я… разобью стекло?

— Тогда будет ещё хуже. Ты на всю жизнь останешься по эту сторону зеркала.

Слёзы брызнули из Олиных глаз и закапали на пол. «Дзинь, дзинь!» — зазвенели слезинки; ударившись об пол, они превращались в стёклышки и разбивались на сотни крошечных частей.

— Зачем же ты огорчаешься? — ласково заговорила девочка. — Нам с тобой не будет скучно.

— Как тебя зовут? — всхлипывая, спросила Оля.

— Меня зовут Яло. А тебя зовут Оля?

— Правильно! — воскликнула удивлённая Оля. — Как ты узнала?

— Это очень просто. Ведь я твоё отражение. Значит, имя у меня такое же, как у тебя, только наоборот. Оля наоборот будет Яло. Видишь, у меня всё наоборот: у тебя родинка на правой щеке, а у меня на левой.

— Это очень забавно, — улыбнулась Оля сквозь слёзы. — Если ты моё отражение, значит, ты…

— Что?

— Ты не обидишься, если я тебя спрошу?

— Конечно, нет, — ответила девочка. — Что тебя интересует?

— Если ты моё отражение — значит, ты должна быть левшой?

— Так и есть. Я всё делаю левой рукой. И это значительно удобнее, чем правой.

— Здесь всё очень смешно, — сказала Оля и вдруг поёжилась. — Скажи, пожалуйста, откуда так сильно дует?

— Не знаю, — пожала плечами Яло и вдруг указала на книгу. — Посмотри, страницы твоей книжки шевелятся.

Девочки склонились над книгой, страницы которой действительно трепетали под ветром. Откуда он? Оля открыла книгу как раз на той странице, где был нарисован сказочный город с разноцветными домами со шпилями. Как это ни странно, но ветер дул с этой картинки!

— Браво! — вдруг захлопала в ладоши Яло. — Оля, давай погуляем по этому городу.

Олины глаза от изумления расширились.

— Ты в своём уме? Это же… книга. Картинка

такая маленькая.

Яло, посмеиваясь, приставила открытую книгу к стене, и картинка вдруг на глазах у девочек выросла до самого потолка.

Оля тихонько ахнула.

— По эту сторону зеркала всё может быть, — сказала Яло. — Ты ведь попала в сказку, Оля. Пойдём посмотрим город, а завтра ты вернёшься домой.

— Завтра?! — с ужасом вскрикнула Оля. — Да знаешь ли ты, что будет делаться дома? Меня будет разыскивать вся городская милиция… А мама, наверное, подумает… Бедная мамочка, она подумает, что я попала под трамвай, потому что я всегда очень неосторожно перехожу улицу!

— Ты напрасно беспокоишься. Дома никто и не заметит, что тебя нет. Даже если ты пробудешь здесь целую тысячу лет! Когда бы ты ни вернулась обратно, ваши часы будут показывать тот же час, ту же минуту и даже ту же самую секунду, когда ты переступила через раму. Вот посмотрика на часы.

Оля подняла голову и увидела на стене часы — точно такие, какие висели дома в передней. Только циферблат на этих часах был нарисован наоборот, и стрелки двигались не вперёд,

а назад.

— Ну, если так, тогда пойдём! — рассмеялась Оля.

Девочки взялись за руки и, обдуваемые лёгким ветерком, без всякого труда вошли в сказочный город.

Глава третья, в которой Оля путешествует по сказочному городу и убеждается, что не всё то золото, что блестит

Девочки вышли на вершину холма, с которого открывался удивительный вид. У их ног начиналась огромная стеклянная лестница. Она уходила далеко вниз, и там внизу, у её подножия, раскинулся город. Он был весь из разноцветного стекла, и его бесчисленные башни и шпили отражали солнце и слепили глаза.

Держась за руки, Оля и Яло начали спускаться по лестнице. Ступени, словно струны, зазвенели под их ногами. По бокам лестницы стояли широкие зеркала. Заглянув в одно из них, Оля увидела двух очень толстых и широколицых девочек.

— Неужели это мы? — растерянно спросила она.

— Да. Кажется, мы.

Девочки достигли подножия лестницы и остановились. Перед ними расстилалась площадь, которую окружали красивые дома из жёлтого, красного, синего, зелёного и белого стекла. Кра-

сивые дамы в длинных шёлковых платьях и кавалеры в расшитых золотом пышных костюмах гуляли вокруг фонтана, из которого высоко в небо взлетали прозрачные струи. Падая на землю, эти струи превращались в стекло, разбивались на миллионы сверкающих осколков и наполняли воздух музыкальным звоном. От фонтана веяло приятной прохладой. Всё искрилось в ярком солнечном свете. Там и тут по площади проезжали коляски с какими-то важными и надутыми людьми. Звонко стучали по мостовой подковы лошадей. И повсюду на площади, так же как и на лестнице, были расставлены кривые зеркала.

Оля и Яло с любопытством рассматривали необыкновенных людей. Вот мимо прошёл высокий худой старик в парчовом камзоле и в чёрных чулках, обтягивающих его тонкие ноги.



— Дедушка, — обратилась к нему Оля, — скажите, пожалуйста, как называется эта страна?

— Я не дедушка! — сердито огрызнулся прохожий. — Я церемониймейстер его величества короля Топседа Седьмого. Противные девчонки! Разве вы забыли, что наша страна называется Королевство кривых зеркал?

Высоко вздёрнув голову, надменный старик удалился. Девочки переглянулись, едва сдерживая смех.



— Яло, он сказал, что короля зовут Топсед, — соображала Оля. — Если здесь, как ты сказала, всё

наоборот, значит, он… Деспот?

— Деспот, Оля!

— Вот какой это король!

Девочки обогнули площадь и вошли в маленький, тесный переулок. Чем дальше они шли по этому переулку, тем ниже и беднее становились дома. Вот перед ними стена длинного строения из чёрного стекла, освещённая изнутри какими-то мерцающими огнями. Из широкой двери клубами вырывался дым.

— Там, кажется, пожар?! — воскликнула Оля.

Они вошли в дверь и спустились по скользким ступеням в подвал.

— Как трудно дышать! — закашлялась Яло, прикрывая рукой рот.

Девочки увидели тёмное, наполненное дымом помещение. В полумраке вспыхивали огни каких-то печей. Едва различимые в дыму, как призраки, двигались полуобнажённые мужчины и юноши, занятые непонятной работой. Они были худы и измучены.

И вдруг жалобный крик раздался в мастерской. Худенький подросток, покачнувшись, упал на землю. И сейчас же к нему подошёл человек в разноцветной одежде, с кнутом в руке.

— Опять этот Гурд не хочет работать! — сказал

человек.

И Оля услышала, как в воздухе свистнул кнут.

Раз! Кнут опустился на обнажённую спину мальчика, оставив на ней красную полосу. Мальчик даже не пошевелился: он был без сознания. Человек снова взмахнул кнутом, но тут Оля бросилась вперёд и, задыхаясь от волнения, крикнула:

— Что вы делаете? Не смейте! Вы же убьёте его!..

Человек повернул к девочке разъярённое лицо:

— Я главный надсмотрщик министра Нушрока! Кто смеет делать мне замечания?

— Неужели вам не жаль его? — задыхаясь, проговорила Оля. — Смотрите, какой он слабый и маленький.

— Отойди прочь! Иначе, клянусь королём, тебе придётся плохо, девчонка!

Вокруг Оли и надсмотрщика столпились зеркальщики. Они смотрели на Олю с такой благодарностью, что это придавало ей смелость.

— Вы не должны его бить! — твёрдо сказала Оля. — Посмотрите, посмотрите, он, кажется, уже умер… Помогите ему!..

— Вынесите это чучело на воздух! — крикнул надсмотрщик. — Не думаешь ли ты, девчонка,

что министр Нушрок станет беспокоить королевского врача ради этого мешка с костями?

Мальчика подняли, вынесли на руках из подвала и положили на мостовую лицом к солнцу. Веки его слабо задрожали.

— Ну вот, я же говорил, что мальчишка притворяется! Он просто не хочет работать! — прорычал надсмотрщик. — Нет, Гурд, теперь тебе не миновать королевского суда!

Кто-то тронул Олю за локоть. Она оглянулась и увидела бледную Яло, протиснувшуюся сквозь толпу.

— Сумасшедшая! — взволнованно прошептала Яло. — Бежим скорее отсюда! Я так боюсь этого человека с кнутом!

— Я никуда не пойду, пока не узнаю, что будет с мальчиком, — упрямо тряхнула косичками Оля.

Раздался звон подков.



— Кажется, катит Нушрок, — тихо проговорил сгорбленный старик с глубокими морщинами

на лице.

Оля шёпотом спросила его:

— А что здесь надо Нушроку?

Он взглянул на неё удивлённо.

— Вы, девочки, наверно, чужестранки? Нушрок — хозяин всех зеркальных мастерских в нашем королевстве… Вот и этих мастерских. Мы делаем здесь наводку зеркал. Видишь, какие мы все худые? Это оттого, что мы отравлены ртутными парами. А посмотри-ка на наши руки. Видишь, они покрыты язвами. Это потому, что мы отравлены ртутью. Скупой Нушрок не хочет заменить оловянно-ртутную амальгаму серебром. Серебро ему дороже, чем жизнь людей!

— Нушрок — это значит Коршун! — тихонько пояснила Яло.

— Тише!.. — прошептал старый рабочий. — Он подъезжает. Не смотрите ему в глаза, девочки! Его взгляда никто не выдерживает.

На вороных лошадях в толпу въехали стражники с длинными копьями. Все торопливо расступились.

А ещё через несколько секунд к мастерским подкатила сверкающая карета. Слуги распахнули дверцы, и Оля увидела выглянувшего из кареты человека, лицом похожего на коршуна.

Нос у него был загнут книзу, словно клюв. Но не нос поразил её. Девочка вздрогнула, увидев глаза Нушрока. Чёрные и хищные, они словно пронизывали всех насквозь. Оля заметила, что с Нушроком никто не хочет встречаться взглядом и все смотрят в землю.

Хищные глаза министра медленно осмотрели толпу, скользнули по неподвижно лежащему мальчику и остановились на надсмотрщике. Надсмотрщик опустил голову и снял шляпу.

— Что случилось? — пискнул человек с лицом коршуна.

Оля подумала, что голос у него такой же противный, как и глаза.

— Гурд снова не хочет работать, господин министр, — почтительно проговорил надсмотрщик, не поднимая глаз.

Гурд вдруг застонал и приподнялся, опираясь на руки.

Министр страшным, немигающим взглядом уставился на мальчика.

— Почему ты не хочешь работать?

— Господин министр, — еле слышно проговорил мальчик, — я голоден… Мне трудно работать.

— Ты лжёшь! Каждый день ты получаешь хо-

роший ломоть хлеба.

— Какой же это ломоть, господин министр? Это совсем маленький кусочек, величиной со спичечную коробку. Я отдал его своей больной матери, — тихо, но горячо говорил Гурд. Он с трудом поднялся на ноги и, покачнувшись, опёрся рукой о стенку. — У меня осталась только крошка хлеба… Вот она, на моей ладони. Видите? Я берёг её к вечеру.

— Ах, как изолгался народ! — покривил губы Нушрок. — Это, по-твоему, крошка? Ну-ка, поднеси её к зеркалу…

В чёрном развевающемся плаще Нушрок вдруг выскочил из кареты и подтолкнул мальчика к кривому зеркалу, одному из тех, которые повсюду стояли в этом странном городе.

— Подойди поближе к зеркалу! — завизжал Нушрок, брызгая слюной. — Что ты видишь в зеркале, мальчишка? Ну?

Оля увидела в зеркале толстого мальчика с огромной булкой в руке.

— В зеркале видна целая булка! — усмехнулся надсмотрщик.

— Целая булка! — вскрикнул министр. — И после этого ты говоришь, что тебе нечего есть?

Гурд внезапно выпрямился. Его усталые глаза

блеснули.

— Ваши зеркала врут! — гневно проговорил он, и его щёки даже слабо порозовели.

Гурд нагнулся, подхватил с земли камень и с силой швырнул его в зеркало. С весёлым звоном осколки стекла посыпались на мостовую. Толпа ахнула.

— Я рад, что разбил это кривое зеркало! Хоть одним лживым зеркалом будет меньше на свете! Вы для того и расставили по всему городу эти проклятые зеркала, чтобы обманывать народ! Только всё равно вашим зеркалам никто не верит! — выкрикивал Гурд в лицо Нушроку.

— Взять его! — завизжал Нушрок. — В Башню смерти!

Два стражника подхватили мальчика и потащили по переулку.

— Прощай, Гурд! — крикнул кто-то. — Прощай, мальчик!

— Братья! — раздался другой голос. — Долго ли мы будем ещё терпеть всё это?!

Кто-то в толпе запел, и песню подхватили десятки голосов:

Нас угнетают богачи,
Повсюду ложь подстерегает.

Но знайте, наши палачи,
Всё ярче Правда расцветает!

Нас ждут великие дела,
Вы нашей Правде,
братья, верьте!
Долой кривые зеркала!
Сожжём, разрушим
Башню смерти!

— Прекратить!.. — бесновался Нушрок, бегая от одного к другому.

Полы плаща, словно чёрные крылья, метались за его спиной.

Наклонив копья, стражники ринулись на зеркальщиков и оттеснили их в подвал.

Нушрок нырнул в карету и махнул перчаткой. Дверцы захлопнулись, лошади рванулись, и окружённая стражей карета со звоном укатила. На улице остались лишь девочки да одинокий стражник у входа в мастерскую.

— Скажите, зачем этого несчастного мальчика отвезли в башню?

Высокий стражник посмотрел на Олю сверху вниз, усмехнулся:

— Как зачем? Смешная ты девчонка. Как только

королевский суд вынесет приговор, мальчишку сбросят с Башни смерти, и его тело разобьётся на тысячи осколков.

Оля вскрикнула:

— А кто может отменить этот приговор?

— Только сам король. Но он никогда не отменяет приговоров своего суда.

Яло потянула Олю за рукав:

— Оставь его, Оля. Нельзя быть такой неосторожной. Ещё немного, и мы попали бы с тобой в большую беду.

Оля взяла Яло за руку:

— Пойдём, Яло!

— Куда?

— Во дворец короля.

— Что-о?..

— Я не успокоюсь до тех пор, пока Гурд не будет свободен!

— Гурда больше ничего не спасёт. Ты слышала, что сказал стражник?

— Всё равно мы пойдём во дворец короля! Его надо спасти, Яло! Обязательно!

— Но тебя… тоже могут казнить.

— Всё равно! Идём!

Яло смотрела на Олю округлившимися от изумления глазами. Яло не подозревала в ней

столько решимости и бесстрашия. Ведь она, Яло, частенько видела Олю и ворчливой, и капризной, и такой ленивой, что даже становилось скучно её отражать.

Почему же сейчас такой смелостью сверкают глаза Оли? Читатели, конечно, догадались почему. Потому что, несмотря на свои недостатки, Оля была справедливой девочкой. И теперь она была полна только одним чувством — тревогой за жизнь угнетённого мальчика.

— Пойдём! — повторила Оля.

— Что ж, — вздохнула Яло, — пойдём.

Девочки пошли по переулку.

— В этой стране так много блеска, — помолчав, сказала Оля. — Сначала мне здесь даже понравилось. Но, видно, бабушка права, когда говорит, что не всё то золото, что блестит!

Глава четвёртая, в которой Оля и Яло попадают во дворцовую кухню

На небе уже искрились звёзды, когда Оля и Яло добрались до королевского дворца. В залах дворца горели свечи, и его хрустальные стены и окна переливались всеми цветами радуги. За дворцовой оградой звенели фонтаны, а на деревьях сладко пели невидимые птицы.



— Как красиво! — вздохнула Оля. — Но как тяжело живётся людям в этой стране!

— Вон, наверно, главный вход во дворец, — сказала Яло, показывая на решётчатые ворота. — Только нас с тобой во дворец всё равно не пустят... Да я больше и не могу идти. Я сильно

натёрла себе ногу.

— Какую? — спросила Оля.

— Левую.

— А я правую… Как удивительно!

— Ничего удивительного нет, — проворчала Яло, — ведь я твоё отражение. И должна тебе сказать, что отражать тебя не очень-то приятно.

— Вот как? — рассердилась Оля. — В таком случае я тоже должна тебе кое-что сказать. Меня очень удивляет, что ты моё отражение, а нисколечко на меня не похожа!

— Не похожа? Чем же это? Разве тем, что я левша и родинка у меня на левой щеке, а не на правой?

— Не в родинке дело. Я заметила, что ты… не обижайся, пожалуйста, Яло… что ты труслива. Но я простила бы тебе, если бы в твоём характере не было ещё одной черты…

— Скажите пожалуйста, она бы простила мне! Ты говоришь со мной так, будто бы я у тебя в подчинении. Хоть я и твоё отражение, не забывай, что я такая же девочка, как и ты. Интересно, какая это у меня ещё неприятная черта?

— Ты можешь оставить человека в беде, Яло. Неужели тебе не жалко Гурда?

Яло помолчала.

— Прости меня, Оля, — в смущении заговорила наконец Яло. — Я не понимаю, почему я такая… Мне очень хочется быть хорошей, но, как я ни стараюсь, у меня ничего не получается. Ты знаешь, о чём я даже думала? О том, что эти мои недостатки — это твои недостатки. Но теперь я вижу, что ты такая добрая. Тут, верно, какая-то ошибка.

Оля почувствовала, как горячо стало её щекам. «Бедная Яло, — подумала она, — никакой ошибки тут нет. Ты привыкла отражать мои недостатки и никак не можешь от них избавиться. Когда заболела одна девочка из нашего класса и мы пошли навестить её, я всю дорогу ныла, что она живёт очень далеко. Я думала не о больной подруге, а только о себе самой. Вот так же, как Яло теперь!»

Оля положила руку на плечо Яло и тихо сказала:

— Знаешь, Яло, о чём я вдруг подумала, когда увидела Гурда? Я подумала, что настоящая пионерка не может заботиться только о себе, когда другие нуждаются в её помощи. — Она порывисто протянула спутнице руку: — Давай больше никогда не будем ссориться, Яло! Я знаю, что ты хорошая девочка и непременно освободишься от своих недостатков. Нужно только по-настоящему захотеть! Я это знаю по себе…

Прихрамывая одна на левую, а другая на правую ногу, девочки подошли к дворцовым воротам. Два стражника скрестили перед ними алебарды.

— Уважаемые стражники, — сказала Оля, — нам очень, очень нужно видеть его величество короля Топседа!

— Что-о-о?..

Стражники расхохотались так громко, что девочки испуганно отскочили в сторону.

— Девчонки, кажется, рехнулись! — сказал один из них.

— А ну-ка, проваливайте подобру-поздорову! — взмахнул алебардой другой.

Девочки побрели вдоль ограды.

А дворец сверкал. Из распахнутых окон доносились музыка и весёлые голоса. Было видно, как в огромном зале кружатся танцующие пары. Должно быть, король давал во дворце бал.

— Я говорила тебе, что нам во дворец не попасть, — вздохнула Яло, со страхом оглядываясь на стражников, которые всё ещё громко смеялись.

Оля стиснула ей руку.

— Никогда не нужно терять надежды, Яло! Так говорил мне папа. Только раньше я как-то не задумывалась над этими словами.

— Никакой надежды больше нет. Я очень устала. У меня болит нога, и я хочу есть, — хныкала Яло.

— Давай попробуем обойти вокруг дворца и найти другой вход.

— Это значит, нам придётся пройти ещё несколько километров.

— Пусть даже сто километров! Мы должны сделать всё, чтобы спасти Гурда! — сказала Оля и подумала: «Вот так же ныла и я, когда шла с девочками к больной подруге. Как была права бабушка, когда говорила, что мне нужно посмотреть на себя со стороны!.. И вот теперь я смотрю на себя со стороны. Какой стыд!..»

Яло начала отставать.

— Больше я не могу идти, — жалобно простонала она и села на землю.

— Яло, милая, ну потерпи ещё немного!

— Не могу.

Из глаз Яло закапали слёзы и зазвенели о плиты мостовой.

В это время мимо девочек проезжала какая-то подвода, покрытая блестящим брезентом. Две мужские фигуры виднелись наверху. Девочки слышали, как глуховатый голос сказал:

— Послушай, приятель, неужели король всё это

съест один? — И человек похлопал по брезенту рукой.

— Наш король на аппетит не жалуется, — ответил другой голос, и оба рассмеялись.

— Что это везут? — спросила Яло.

— Кажется, провизию во дворцовую кухню, — ответила Оля и вдруг оживилась: — Яло, я всё придумала! Скорей бежим! — Она потянула подругу за рукав. — Давай попробуем попасть во дворец на этой подводе.

Прихрамывая, девочки догнали подводу, вскочили на неё и забрались под брезент. Там они нащупали несколько корзин с чем-то пушистым и мягким и влезли в одну из корзин.

Через некоторое время подвода остановилась. Девочки почувствовали, что корзину, в которой они спрятались, сняли с подводы и куда-то несут. И оттого, что потянуло горячим воздухом и запахло жареным, они поняли, что их принесли в кухню.

— Что в этой корзине? — раздался чей-то резкий голос.

— Двадцать фазанов, господин главный повар, — хрипло ответил другой. — И такие тяжёлые, что оборвали нам руки!

— Охота была удачная, жаловаться не прихо-

дится, — добавил кто-то.

— Поставьте корзину вот здесь, у стены, — последовало приказание, и корзина стукнулась об пол.

В кухне кто-то сновал взад и вперёд, звенела посуда, стучали ножи, было слышно, как на плите дребезжали крышки кастрюль и что-то шипело. Девочки не видели, как по кухне сновали озорные поварята в халатах и белых колпаках, размахивая половниками, но зато они услышали их весёлую песенку:



Аппетит у короля,
Ох, велик, тра-ля-ля-ля!
Очень любит кушать он,
Целый день на кухне звон!

Целый день мы варим, варим,

Целый день мы жарим, жарим
И цыплят, и поросят,
И утят, и индюшат!
И соленья, и варенья
Королю на объеденье!
Ох, скорей бы, тра-ля-ля-ля,
Разорвало короля!

— Ах вы, пострелята! — зазвучал женский смех. — Вот услышит главный повар вашу песенку — не миновать вам Башни смерти!



Мало-помалу всё стихло. Издалека донёсся голос:

— Тётушка Аксал!

— Да, господин главный повар, — ответил женский голос.

— Разбери фазанов, тётушка Аксал, и вынеси их на лёд.

— Слушаю, господин главный повар.

— А я пошёл спать.

— Спокойной ночи, господин главный повар.

Возле корзины раздались шаги, и фазаны над головами девочек зашевелились.

Глава пятая, в которой Оля и Яло превращаются в придворных пажей

— Вот так фазаны! — изумлённо воскликнула тётушка Аксал. — Клянусь всеми кривыми зеркалами королевства, я, старая кухарка, никогда не видела дичи с бантами в косах!

Перепачканные, сконфуженные девочки встали перед женщиной в белом колпаке, который горой поднимался над её красным добродушным лицом.

— Ах вы, фазанята! Да как же вы попали в эту корзину? Недаром, видно, сказали, что охота была удачная!

— Мы… мы… — сказала Яло, облизывая пересохшие губы, — мы заблудились…

— Заблудились? — насмешливо перебила кухарка. — Однако шутки плохи. Знаете ли вы, фазанята, что вам будет за то, что вы непрошеными явились во дворец?

— Знаем.

— Они говорят «знаем» так спокойно, как будто я их спрашиваю, знают ли они свою маму.

Оля нерешительно выступила вперёд:

— Вы добрая женщина. Вас, кажется, зовут тётушка Ласка?

— Тётушка Аксал, девочка.

— Это одно и то же. Ну, хорошо. Пусть будет тётушка Аксал. Дорогая тётушка Аксал, вы поймите нас… Мы пришли во дворец. Ах, у нас такое горе! Мы пришли, чтобы…

— Никогда не видела, чтобы люди ходили в корзинах, — усмехнулась кухарка. — Какое же у вас горе, фазанята?



Оля не успела ответить, потому что за стеклянными колоннами раздались чьи-то шаги, и эхо

звонко повторило их в огромной пустой кухне.

— Кажется, возвращается главный повар, — сказала тётушка Аксал, и её лицо стало озабоченным. — И какая блоха его укусила? Вот что, фазанята, вам лучше не попадаться ему на глаза. Пойдёмте-ка в мою каморку, а там будет видно, что делать.

По узенькой винтовой лестнице девочки поднялись вслед за тётушкой Аксал в её крошечную комнатку, которая не блистала дорогой мебелью, но была очень опрятна и чиста.

— Вот вода и умывальная чашка. Помойтесь как следует. А в шкафчике есть, что покушать. Ведь вы, наверно, голодны?

— Ужасно! — воскликнула Яло.

Кухарка ласково провела рукой по её волосам и сказала:

— Отдыхайте, фазанята, я скоро вернусь.

Когда тётушка Аксал снова появилась в своей комнатке, девочки уже вымылись и поели. У Яло слипались глаза, и она с ожесточением тёрла их кулаками.

— Ну, а теперь выкладывай-ка мне всё, — сказала кухарка Оле. — Ты, я вижу, будешь покрепче сестрёнки. Смотри, как её разморило. А ведь, если меня не обманывают глаза, вы близнецы?

Выслушав рассказ о мальчике Гурде, тётушка Аксал задумчиво подпёрла подбородок ладонями.

— Доброе у тебя сердечко, девочка, — наконец проговорила она. — Только Гурда спасти трудно. Слышала я, что его уже отвезли в Башню смерти и заковали в кандалы на самой её вершине. Завтра король утвердит приговор суда.

— А если я очень-очень попрошу короля?

Тётушка Аксал грустно улыбнулась:

— Разве ты не знаешь, что наш король сам ничего не решает? Он подписывает то, что сочиняют министры. А министры всегда сочиняют то, что им выгодно. Они только о том и думают, как бы туже набить золотом свои мешки да устрашить людей. Ах, девочка, как хорошо всё это я знаю! Ведь мой брат работает в зеркальных мастерских Нушрока, а я сама когда-то добывала рис на зеркальных болотах Абажа.

— Абаж? — удивлённо приподняла брови Оля. — Это значит… Жаба?

Кухарка расхохоталась:

— Есть у нас такой министр. О, он такой же жестокий и злой, как Нушрок! Абаж владеет всеми рисовыми полями нашего королевства. Ты права, девочка: он действительно похож на

толстую жабу!

— Я всё-таки хотела бы, тётушка Аксал, поговорить с королём.

— Как же это сделать, девочка? — развела руками кухарка. — Даже я не имею доступа в королевские покои. Как же пройдёшь туда ты? Впрочем, постой… Может быть, я что-нибудь и придумаю. А сейчас ложитесь-ка поскорее спать. Утро вечера мудренее.

Девочки очень устали и поэтому даже не заметили, что добрая тётушка Аксал уступила им свою постель, а себе постелила на полу, на старом коврике. Они сразу уснули и не чувствовали, как старая кухарка укутывала их одеялом и ласково шептала что-то, склоняясь над ними. Оле приснились зеркальщики, Гурд и человек с лицом коршуна. Во сне она снова услышала песню зеркальщиков:

Нас угнетают богачи,
Повсюду ложь подстерегает.
Но знайте, наши палачи,
Всё ярче Правда расцветает!

Голоса становились всё громче и громче. И Олино сердце замирало от волнения.

Нас ждут великие дела,
Вы нашей Правде,
Братья, верьте!
Долой кривые зеркала!
Сожжём, разрушим
Башню смерти!

Оля проснулась первой. Тонкие солнечные лучи, словно шпаги, пронизывали стеклянные стены комнатки. Всё сверкало вокруг. В распахнутое окно из королевского парка доносилось пение птиц. Тётушки Аксал в комнате уже не было. Оля потянулась, зевнула, легко соскочила с постели и вдруг рассмеялась, услышав, как мальчишки-поварята где-то внизу распевают:

Аппетит у короля,
Ох, велик, тра-ля-ля-ля!

Она быстро оделась, умыла лицо холодной водой и сразу почувствовала себя бодрой. Потом она подошла к постели и начала тормошить Яло. Брыкнув ногой и не открывая глаз, Яло проворчала:

— Отстань! Ну что ты ко мне пристаёшь?!

— Яло, пора вставать!

Яло села на кровати и сердито посмотрела на

Олю одним глазом.

— Какая ты противная, Оля, даже поспать не даёшь!

Она долго ходила по комнате и никак не могла отыскать туфли и платье. Туфли почему-то оказались под умывальником, а платье — под кроватью.

— Скорей, Яло, — торопила её Оля. — Сейчас придёт тётушка Аксал.

— Подумаешь!.. — буркнула Яло.

— И не стыдно тебе будет перед этой доброй женщиной? Посмотри, какой разгром ты устроила здесь!

— Подумаешь!..

— Что за глупое слово!

— Это твоё любимое слово.

— Мне противно смотреть на тебя!

Яло насмешливо фыркнула:

— Вот как! А ведь ты смотришь на самоё себя.

Оля покраснела.

— Я уже… давно не такая, — потупясь, сказала она.

На винтовой лестнице раздались шаги. Тяжело дыша, в комнату вошла тётушка Аксал. В руках у неё был большой свёрток.

— Ну, девочки, — проговорила она, отирая пот

с красного лица, — задали же вы мне хлопот, клянусь всеми зеркалами королевства! Но не будь я тётушкой Аксал, если вы сегодня же не будете говорить с королём!

Девочки тихо ахнули.

— Да, да, фазанята! — весело продолжала она. — В этом свёртке костюмы придворных пажей. А пажам, как известно, дорога во дворец открыта. Ну-ка, переодевайтесь!

— Мы будем пажами?! — всплеснула руками Яло. — Ты подумай, Оля, как это интересно! Ты слышишь? О чём ты задумалась, Оля?

— Мне не очень нравится эта затея, — сказала Оля, смущённо взглянув на кухарку. — Вы только не сердитесь, тётушка Аксал. Жаль, что мы доставили вам столько хлопот, но… это получается какой-то обман.

— Что ты говоришь, деточка? Где ты видишь обман? Скажи-ка толком, а то я никак не могу понять тебя.



— Ну, вот эти костюмы. Ведь мы обыкновенные девочки, а все будут думать, что мы эти, ну — как они называются? — пажи.

— Да какой же это обман, деточка?! Это всего-навсего маленькая хитрость. И потом, кто в нашем королевстве не врёт? Может быть, ты думаешь, что не врёт король или его министры? Да они самые большие вруны!

Оля передёрнула плечами:

— Но я не король и не министр, тётушка Аксал. Я пионерка!

— Не знаю, что означает это слово, деточка, но вижу, что тебя воспитали очень хорошие люди, — растроганно сказала старая женщина.

— Оля, — зашептала Яло, — ты ведь любишь читать старые сказки, а ведь в этих сказках очень часто переодеваются и вообще хитрят.

Оля подумала:

— Ну уж если я попала в старую сказку, то, пожалуй… Нет, Яло, всё равно это как-то ужасно некрасиво!

— Но Гурд, Оля! Мы должны спасти его!

— Гурд… — вздохнула Оля. — Да, мы должны спасти его во что бы то ни стало! Хорошо, тётушка Аксал, давайте ваши костюмы.

Глава шестая, в которой паж с родинкой на правой щеке даёт королю урок арифметики

Два маленьких пажа в бархатных костюмах, с пышно завитыми светлыми волосами вошли в пустынный зал дворца. В зале никого не было. Позвякивая сверкающими туфельками по хрустальному паркету, пажи подошли к огромному обеденному столу и стали по бокам королевского кресла.

— Неужели король будет завтракать один? За этим столом могут усесться пятьсот человек! — сказал паж с родинкой на правой щеке.

— Тсс… кто-то идёт, — шепнул паж с родинкой на левой щеке. — Мне так страшно, что даже коленки подгибаются.

Из-за колонны вышел старец в парчовом камзоле и в чёрных чулках. Он ступал на своих тонких ногах торжественно и медленно.

— Яло, смотри, смотри, — быстро зашептал паж с родинкой на правой щеке, — это тот самый старик, которого мы встретили на городской площади возле фонтана. Помнишь, он рассердился,

когда я его назвала дедушкой?

— Помню, Оля, — закивал паж с родинкой на левой щеке. — Он, кажется, назвал себя церемониймейстером.

Старик между тем подошёл к пажам, остановился и молча осмотрел обоих. У него слегка тряслась голова.

— Послушайте, пажи, — заговорил церемониймейстер дребезжащим голосом, — вы не видели министра Абажа? Ему срочная депеша.

— Я… я не видела, — пробормотала Оля.

— Я тоже, — замотала головой Яло.

— Пажи должны всё знать! — недовольно сказал старик. — Погодите, погодите, я вас никогда не видел во дворце. Вы новые пажи его величества?

— Да, новые, — пролепетала Яло, сжимаясь от страха.

— Кто же вас сюда поставил?

— Нас? — растерянно спросила Оля.

— Да, да, вас. Так кто же?

— Вы! — вдруг выпалила Яло.

Это было так неожиданно, что Оля прикусила губу, чтобы не рассмеяться.

— Я?!

— Совершенно правильно, вы, господин це… церемониймейстер, — кивнула Яло.

— Хм… не помню. Какая отвратительная стала у меня память! Хм, ну конечно, это я вас поставил! Что же вы спорите?

— Мы не спорим.

— Молчать! — взвизгнул церемониймейстер и, услышав, как где-то мелодично начали бить дворцовые часы, закричал: — Главный повар! Главный повар!

Откуда-то выскочил маленький толстенький человек.

— Его величество сейчас должен завтракать. Что приготовлено на завтрак его величеству?



— Господин церемониймейстер, на завтрак его величеству королю Топседу Седьмому приготовлены три жареных кабана, пятнадцать копчёных индеек, десять маринованных осетров, двести

яиц всмятку, двадцать фаршированных фазанов, тридцать жареных уток, сто печёных яблок, пятьдесят килограммов винограда, полтонны мороженого и десять ящиков заморского вина.

— Это всё?

— Всё, господин церемонииймейстер…

— Вы с ума сошли! Его величество останется голодным! Прибавьте ещё что-нибудь!



В зале замелькали бесшумные слуги, уставляя стол яствами. Церемониймейстер ушёл, вероятно, чтобы встретить короля. И в это время в зал вошли два человека.

— Нушрок! — с ужасом шепнула Яло.

Главный министр шёл в своём чёрном плаще, из-под которого виднелся кончик шпаги. Рядом с ним двигалось что-то шарообразное. Это был толстый и словно бы состоящий из двух шаров человек, одетый в зелёный костюм, расшитый золотом. Большой шар был туловищем с четырьмя конечностями, а маленький шар — лысая голова с пухлым лицом. Выпуклые зеленоватые прищуренные глаза его прикрывали тёмные и сморщенные, как у жабы, веки. Но когда он медленно поднимал их и широко открывал глаза, в них можно было увидеть ум и хитрость.

И тогда казалось, что он вот-вот сделает молниеносный прыжок, словно жаба, высмотревшая на листке зазевавшуюся муху. Он посмотрел на стол, потом на Нушрока и сказал рокочущим грудным голосом:

— Король пригласил нас на совещание по какому-то важному государственному делу, а сам, оказывается, ещё не завтракал. Послушайте, главный министр, не смотрите на меня! Вы же знаете, что я не переношу вашего взгляда.

— Никто не переносит моего взгляда, Абаж! — усмехнулся Нушрок.

— Вы очень любите хвастаться своими глазами,

главный министр, — раздражённо пророкотал человек-жаба. — Не лучше ли нам поговорить о деле? Не кажется ли вам, что кривые зеркала перестали действовать на наш народ?

— Да, кажется, министр Абаж. Вчера мальчишка-зеркальщик даже разбил одно кривое зеркало!



— Жители королевства обнаглели, Нушрок! Чтобы держать народ в повиновении, пришло

время почаще прибегать к устрашению. — Абаж вынул из кармана большой ключ. — Вот что нужно нашему народу!

Чёрные глаза Нушрока сверкнули.

— Что это? Ключ?

— Да, ключ от цепей для моих сеятелей риса. На моих болотах стало очень неспокойно, Нушрок, и я приказал сделать цепи и замóк по вашему образцу.

Нушрок внимательно рассматривал ключ.

— Да, он действительно совершенно такой же, как ключ от цепей на Башне смерти. Это моё изобретение, Абаж! — с достоинством проговорил главный министр.

— Это ваше лучшее изобретение, Нушрок! Башня смерти известна всему королевству.

— Плохо только то, Абаж, что теперь есть второй ключ, которым можно отпирать цепи на Башне смерти.

— Пусть это вас не беспокоит, Нушрок. Мой ключ всегда находится при мне, а ваш висит над троном короля.

— Всё равно мне не нравится, Абаж, что в королевстве есть второй ключ, — сухо сказал Нушрок.

Оля и Яло настороженно прислушивались к

разговору министров.

— Ты слышала? — шепнула Оля. — Один ключ висит над троном короля.

— Слышала, — едва шевельнула губами Яло.

Из-за колонн снова вышел церемониймейстер и, вытягивая шею, торжественно объявил:

— Его величество Топсед Седьмой!

Где-то зазвучали фанфары, и все склонили головы. Окружённый свитой, к столу приближался Топсед Седьмой.

Король не торопился завтракать. Его короткие ножки медленно шаркали по полу. Он шёл, опустив приплюснутую голову на тёмно-зелёный, усыпанный драгоценностями камзол. Толстые, растянутые почти до самых ушей губы Топседа Седьмого шевелились, как будто он разговаривал сам с собой. И словно в такт своим мыслям, он то и дело взмахивал короткой ручкой с пухлыми маленькими пальцами. Низенький уродец шёл, неуклюже покачиваясь: слабым ножкам трудно было нести тяжёлое тело.

У своего кресла король остановился и поднял голову. У него были бесцветные, ничего не выражающие рыбьи глаза.

— На ста площадях по сто зеркал, — сказал Топсед Седьмой. — Сколько же это будет всего

зеркал?

Все вокруг почтительно замерли, и король начал по очереди опрашивать своих придворных:

— Вы знаете?

— Запамятовал, ваше величество. Мне в детстве трудно давалась арифметика.

— А вы?

— Двести зеркал, ваше величество.

— Дурак! А сколько по-вашему?

— Триста, ваше величество.

— Тоже дурак! А что думаете вы?

— Триста пятьдесят, ваше величество.

— Почему триста пятьдесят?

— Я думаю, что если триста неправильно, ваше величество, то, может быть, будет правильно три с половиной сотни.

— Вы дурак с половиной!

— Хи-хи-хи! — захихикал придворный. — Вы так остроумны, ваше величество!

— А сколько будет по-вашему, церемониймейстер?

— Три, ваше величество.

— Почему три?

— Ваше величество, простите меня. Когда я был маленьким, меня уронила няня, я ударился головой о паркет…

— Но ведь голова цела? — спросил король.

— Кажется, цела, ваше величество. Но с тех пор я могу считать только до трёх.

— Гм… Это забавно. Сколько будет два и два?

— Три, ваше величество.

— А от пяти отнять один?

— Три, ваше величество.

— Гм… Вы, кажется, самый большой дурак во всём королевстве.

— Совершенно правильно, ваше величество!

Король в глубокой задумчивости пожевал губами, рассеянно сбросил мантию на руки пажу с родинкой на правой щеке и передал шпагу пажу с родинкой на левой щеке. Затем он со вздохом опустился в кресло. Но ел король мало: мысли его были заняты решением сложной задачи.

— На ста площадях по сто зеркал! — раздражённо сказал король, бросая на стол салфетку. — Кто же мне скажет, наконец, сколько будет всего зеркал?

Оля слышала, как Нушрок прошептал, наклоняясь к Абажу:

— Может быть, сказать ему?

— Зачем? — таким же шёпотом ответил Абаж. — Пусть занимается своими глупыми подсчётами и поменьше вмешивается в наши дела.

Король поднялся и потряс над головой руками:

— Кто мне скажет?

— Десять тысяч, — раздался тонкий голосок.

Все удивлённо огляделись по сторонам.

— Кто это сказал? — спросил король.

— Я…

Все глаза устремились на пажа с родинкой на правой щеке.

— Клянусь красотой своего отражения, — сказал король, — я впервые слышу, чтобы мальчишка решал такие трудные задачи.

— Но это совсем не трудная задача.

— Ты так думаешь?

— Я в этом уверена… то есть уверен!

— Глупости! — поморщился король. — Это очень трудная задача, и я не сомневаюсь, что ты решил её неправильно. Ведь надо было сложить все сотни, а у тебя на это не было времени.

— Я не складывал сотни. Я просто умножил сто на сто.

— Вот как! Но ведь умножение ещё труднее сложения.

— Ничуть! В этом случае к сотне нужно прибавить два ноля. Если бы вы мне дали бумагу и карандаш, я мигом показал бы вам, как это делается.

— Эй, слуги! Дайте карандаш и бумагу моему пажу! — хлопнул в ладоши король. — Слушай, мальчишка, если ты лжёшь, я велю тебя высечь стеклянными розгами!

— Я думаю, вам не придётся утруждать себя таким неприятным приказанием. Сейчас я решу эту задачу. Пусть только кто-нибудь подержит это пальто.

— Какое пальто? — В глазах короля мелькнуло недоумение.

— Ну, вот это, которое вы сбросили мне на руки со своих… королевских плеч.

— Ах, мантию, — снисходительно усмехнулся король. — Слушай, паж, ты говоришь на каком-то странном наречии. Эй, примите кто-нибудь королевскую мантию у пажа!

Король и паж, отодвинув тарелки, склонились над столом. Разогнулись они не скоро, когда члены королевской свиты уже устало дремали, прислонившись к колоннам, а церемониймейстер всхрапывал так зычно, что можно было подумать, будто в зале ржёт лошадь. Только Нушрок и Абаж бодрствовали. Они сидели в конце стола и о чём-то горячо спорили.

Лицо Топседа Седьмого сияло.

— Прекрасно! Превосходно! — запищал он,

возбуждённый открытием. — Поразительно! Это действительно очень просто! Теперь я могу умножать любые числа. Эй, послушайте!..

Со всех концов зала, протирая глаза, к королю спешили придворные.

— Слушайте, вы! — кричал Топсед. — Знаете ли вы, сколько будет, если умножить… если умножить… ну, хотя бы сто семнадцать на двести четырнадцать?

Придворные безмолвствовали.

— Молчите? А я, ваш король, знаю! Будет одиннадцать тысяч семьсот!

— Гражданин король, — зашептал паж с родинкой на правой щеке на ухо королю. — Вы решили эту задачу неправильно.

Король заморгал рыбьими глазами.

— Что-о? Какой гражданин?

— Простите, я хотела… я хотел сказать… ваше величество, что вы решили задачу неправильно.

— Как неправильно? Я велю тебя высечь! Ты мне сам только что говорил, что к умножаемому нужно прибавить два ноля!

— Ваше величество, — упавшим голосом проговорил паж, — я три часа объяснял вам, что к умножаемому нужно прибавлять ноли в том случае, когда оно умножается на десять, на сто,

на тысячу и так далее.

— Гм…

— Я готов повторить урок вашему величеству.

— Хорошо, — зевнул король, — только, пожалуй, после обеда. Ты действительно великий математик. Я подпишу королевский указ о назначении тебя… Как тебя зовут?

— Оля.

— Что-о?..

— Его зовут Коля, ваше величество, — быстро заговорил паж с родинкой на левой щеке. — Уж вы, пожалуйста, извините его, видно, он так устал от математики, что стал заговариваться.

— А как зовут тебя, паж?

— Меня зовут Ялок, ваше величество.

— И ты тоже математик?

— Да, ваше величество, — важно кивнул головой паж с родинкой на левой щеке. Но тут же спохватился: — Коля всё-таки посильнее меня, ваше величество. Мы с ним братья и частенько вместе решаем задачи.

— Эй, слушайте все! — сказал король. — Я назначаю Колю главным математиком королевства, а его помощником будет Ялок.

Король собирался ещё что-то сказать, но в эту минуту в зал вошёл слуга с подносом и доложил:

— Депеша главному министру!

Сонный церемониймейстер вдруг схватился за голову.

— Господин Абаж, простите меня! Совсем забыл: вам тоже срочная депеша с ваших рисовых полей... Ах, какая память! — Он вынул из-за обшлага депешу и дрожащей рукой протянул Абажу.

Оля видела, что оба министра впились глазами в поданные им бумажки.

— Ваше величество! — высоким, срывающимся голосом вскрикнул Нушрок. — Зеркальщики подняли бунт, избили надсмотрщика!.. Ваше величество, обстоятельства вынуждают меня срочно покинуть дворец.

Оля и Яло многозначительно и радостно переглянулись.

— Ваше величество, — зарокотал Абаж, — мои сеятели риса не вышли на работу! Они требуют хлеба!

Король пожевал губами и сказал глубокомысленно:

— Дайте вашим рабочим побольше кривых зеркал, и они успокоятся.

Абаж повысил голос:

— Ваше величество, нам нужны не зеркала, а

солдаты!

Оба министра поклонились и вышли из зала. В наступившей тишине было слышно, как стучат по паркету их каблуки.

— И пусть уходят, — сказал король, — терпеть не могу моих министров!.. Коля и Ялок, я повелеваю вам обоим пойти в тронный зал. Я хочу вас посвятить в одно важное государственное дело.

Глава седьмая, в которой король посвящает пажей в «одно важное государственное дело»

Золочёный трон был усыпан драгоценностями. Но не эти сверкающие камешки привлекли внимание Оли и Яло. Большой ключ висел над троном. Ключ от кандалов Гурда!

— Дело в том, — сказал король, поудобнее усаживаясь на троне, — дело в том, что никто не знает, сколько зеркал насчитывается в моём королевстве. Сегодня ты, мой паж, помог мне решить одну часть задачи. В моём королевстве сто площадей, и теперь я знаю, что они украшены десятью тысячами зеркал. Но ведь зеркала имеются не только на площадях — они и во дворце, и на улицах, и в домах моих подданных. Каждый король должен чем-нибудь прославить и обессмертить своё имя. Постигаешь ли ты, паж, какую величественную задачу я призван решить? Потомки будут гордиться Топседом Седьмым, впервые в истории подсчитавшим все зеркала королевства! Готов ли ты принять участие в решении этой великой задачи?



Паж с родинкой на правой щеке смотрел на короля, с трудом удерживая улыбку.

— Я велю сегодня же отвести тебе и Ялоку лучшие покои во дворце, — продолжал Топсед. — Я

назначу вам жалованье, как высшим придворным чинам.

Паж с родинкой на левой щеке хитро взглянул на другого пажа и сказал:

— А можно ли, ваше величество, чтобы жалованье нам платили шоколадом?

— Чем? — удивлённо посмотрел на него король.

— Шоколадом, ваше величество.

— Гм… Ну, разумеется, сколько угодно шоколада, сколько угодно конфет, пирожных, мороженого и прочих сластей.

Паж с родинкой на левой щеке незаметно толкнул ногой другого пажа и шепнул:

— Соглашайся, Оля. Ты ведь любишь сладкое!

Оля сердито оттолкнула подругу.

— Я считаю, ваше величество… — начала она.

Но Яло перебила её:

— Ваше величество, вы предлагаете нам очень важное дело. Позвольте поэтому, прежде чем дать ответ, посоветоваться нам с братом.

— Да, — сказал король.

Яло отвела Олю в сторону.

— Что ты хотела сказать королю, Оля?

— Что я считаю его предложение глупым занятием, Яло! Лучше бы он подумал, как облегчить

жизнь зеркальщикам.

— Если ты так скажешь, он прикажет заковать нас в кандалы.

— Но это на самом деле глупое занятие, Яло! Не могу же я кривить душой!

Яло качнула головой.

— Ты корчишь из себя такую честную девочку, как будто никогда в жизни не говорила никакой неправды.

— Да, я никогда не говорила неправды, Яло!

— Ой, так ли? Я очень хорошо помню, как однажды ты читала сказки. А когда к тебе подходила бабушка, ты прикрывала сказки учебником географии и делала вид, что учишь урок.

Оля сильно покраснела, и на её глазах выступили слезинки.

— Так действительно было, Яло, — чуть слышно сказала она. — И мне очень стыдно, что я поступала так нехорошо.

— Что-то уж больно быстро ты исправилась, — проворчала Яло.

Оля вспыхнула:

— Уж не думаешь ли ты, что я исправилась оттого, что попала в это противное королевство? Если бы не Гурд, я ни на одну минуточку не осталась бы здесь.

— Странно, как только ты переступила раму волшебного зеркала, ты стала совсем другая.

— Потому что я посмотрела на тебя и…

— То есть ты хочешь сказать, что посмотрела на самоё себя?

— Ну, пусть посмотрела на себя!.. И оттого, что я смотрю на тебя, то есть на себя, мне и делается так стыдно.

— Но как же нам спасти Гурда? — задумчиво сказала Яло.

— Эй, пажи! — услышали девочки голос Топседа. — Вы что-то очень долго совещаетесь.

— Я приму предложение вашего величества при одном условии, — сказал паж с родинкой на правой щеке.

— Гм… ты осмеливаешься ставить мне условия?

— Совсем маленькое условие, ваше величество, и оно вам ничего не будет стоить.

— Я слушаю тебя, паж.

— В Башне смерти заключён маленький зеркальщик по имени Гурд. Завтра утром его должны казнить. Я прошу, ваше величество, помиловать этого мальчика.

Топсед Седьмой вскочил. В его рыбьих глазах сверкнула ярость.

— Ты вмешиваешься не в свои дела, паж! — махнул он короткой ручкой. — Я не могу миловать преступников по твоей прихоти. Я много их казнил! И я презираю всех этих зеркальщиков!

— Какой же он преступник, ваше величество? Он слабый, измученный мальчик!

— Не знаю! Такие пустяки меня не интересуют! Я верю тому, что мне докладывает мой министр Нушрок.

Оля, вспомнив, что говорила тётушка Аксал, горячо сказала:

— Я слышал, что Нушрок заботится только о том, как бы побольше притеснить народ да потуже набить золотом свои мешки! Нушрок — хозяин зеркальных мастерских, ваше величество, и в то же время министр. Вот он и придумывает такие законы, которые ему выгодны.

Король подозрительно взглянул на пажа:

— Гм… Где ты всё это слышал? А скажи-ка мне, паж, как называется город, в котором ты воспитывался?

— Этот город называется… — Олины щёки порозовели от волнения. — О, это замечательный город, ваше величество!

Лицо короля исказила гримаса злости, он спрыгнул на паркет и, покачиваясь, словно утка,

забегал по тронному залу.

— Я объявлю войну вашему городу! А? Я очень люблю воевать, паж!

Увидев улыбку в глазах пажа, король вдруг остановился:

— Чему ты улыбаешься, паж?

— Я вспомнил одну басню, ваше величество.

— Какая басня? Я не знаю никаких басен!

— В этой басне рассказывается про Слона и Моську, ваше величество.

— И что же?

— Однажды по улице шёл Слон, и вдруг на него набросилась Моська.

— Какая храбрая Моська!

— Но Слон всё шёл и шёл и не обращал внимания, как она тявкает.

— Глупая собака, надо было укусить Слона!

— Но тогда Слон просто раздавил бы её, ваше величество.

— Не понимаю, зачем ты мне болтаешь о собаках, паж, когда я говорю о войне. Война приносит славу и добычу!

— Война приносит горе и разорение! Все люди, кроме очень плохих, хотят жить в мире!

— Я обязательно объявлю войну вашему городу! — ещё громче закричал король.

— Но это будет война Моськи со Слоном! — сердито сказала Оля.

— Как? Ничего не понимаю!

Но тут в спор вмешалась Яло:

— Ваше величество, мы отвлеклись от главного… От зеркал.

Король заковылял к трону, грузно плюхнулся на него и заболтал в воздухе ножками.

— Я не намерен принять твоё условие, паж.

Паж с родинкой на правой щеке задумался:

— Тогда, может быть, я могу просить ваше величество отложить казнь на несколько дней?

— Гм… Это всё равно не спасёт твоего зеркальщика. Впрочем, пусть будет по-твоему. Я готов отложить казнь на неделю. Он всё равно умрёт раньше от жажды и голода. Итак, начинайте подсчёт зеркал. Если хотите, можете взять для разъездов по королевству одну из моих карет.

— Вы очень добры, ваше величество.

Король снисходительно потрепал пажей по щекам. Так как его руки были слишком коротки, ему пришлось подняться для этого на цыпочки.

— Какие вы, однако, симпатичные мальчики! Вы, должно быть, ужасные лгунишки и жулики! Я очень люблю таких мальчишек! Но, может, вы думаете, что вы красивее меня? А? Я по глазам

читаю ваши мысли! А ну, пойдите-ка сюда! — И король подвёл пажей к огромному вогнутому зеркалу.



Из зеркала на девочек смотрел преображённый король, а рядом с ним стояли два урода в костю-

мах пажей.

— Ну, что скажете? — рассмеялся Топсед. — А теперь ступайте и никогда не думайте дурно о своём короле.

Оля и Яло двинулись к дверям.

— Одну минутку, — остановил их король. — Пока вы будете заниматься подсчётом зеркал, я бы хотел предаться своему любимому занятию. Цифры — моя страсть. Нет ли у тебя, паж, какой-нибудь не известной мне задачки? Только я хотел бы что-нибудь такое… в пределах двух десятков. Мне предстоят серьёзные государственные дела, и я не могу утомляться.

— Пожалуйста, ваше величество, — подумав с минуту, сказал паж с родинкой на правой щеке. — Один глупец два дня считал и всё никак не мог сосчитать восемнадцать зеркал…

— Постой, — перебил король и подозрительно покосился на пажа. — Зеркала считаю я! Почему же ты сказал «глупец»?

— Ах, это просто так говорится в задаче, ваше величество. Но если это вам не нравится, я могу глупца заменить мудрецом. Итак, один мудрец два дня считал восемнадцать зеркал. В первый день он подсчитал в два раза меньше, чем во второй. Спрашивается, сколько зеркал он сосчитал

в первый день и сколько во второй? Записали, ваше величество?

— Да, очень любопытная задача… А теперь ступайте и требуйте всё, что вам необходимо, у своих слуг.

— Нам не нужны слуги. Но если вы разрешите, ваше величество, мы просили бы, чтобы с нами была кухарка вашей королевской кухни — тётушка Аксал.

— Никогда не слышал о такой. Не понимаю, зачем вам нужна грязная кухарка? Но уж если вы хотите, пусть так и будет.

…Вечером, когда девочки ужинали, тётушка Аксал с тревогой сказала Оле:

— Ты что-то совсем ничего не ешь. Уж не заболела ли ты, девочка?

Посмотри, с каким аппетитом ест твоя сестра.

— Я уже сыта, тётушка Аксал. А всё, что лежит на этом блюде, я возьму для Гурда. Он такой больной и худенький!

— Милая моя, вот почему ты не ешь! — всплеснула руками тётушка Аксал. — Уж не думаешь ли, что королю нечем будет позавтракать, если я возьму из кладовой кое-что для мальчика? Клянусь всеми зеркалами королевства, наш Топсед скоро лопнет от обжорства. Сейчас же ешь!

Слышишь? Ну, то-то!.. А когда вы отправитесь в Башню смерти?

— Сегодня же ночью… Только пропустит ли нас стражник?

— Ну ещё бы! Ведь вы же королевские пажи.

— Пусть только попробует не пропустить, — сказала совсем расхрабрившаяся Яло. — Я его так разделаю!..

Оля удивлённо посмотрела на Яло, усмехнулась и покачала головой.

Глава восьмая, в которой Оля и Яло проникают в Башню смерти

Глубокой ночью, наполняя умолкнувший город звоном, по улице промчалась карета, запряжённая четвёркой лошадей. Миновав окраину, она подкатила к огромной башне, тёмный силуэт которой вздымался над городом и исчезал где-то в облаках.

Из кареты выскочили две небольшие фигурки. Навстречу им из темноты вышел рослый стражник.

— Именем короля! — крикнул он, взмахивая алебардой. — Здесь запрещено ходить и ездить!

— Подумаешь!.. — раздалось в ответ. — Если бы ты и умом был так же велик, как ростом, ты давно понял бы, что перед тобой пажи его величества.

— Простите, господа королевские пажи! — испуганно забормотал стражник. — Кругом такая темень, что и мать родную не узнаешь. Одно мгновение, я сейчас засвечу факел.



Сгибаясь так, что тело его начало походить на букву «Г», стражник открыл перед Олей и Яло

тяжёлую дверь.

— В нашем глухом месте редко доводится видеть таких высокопоставленных особ. Только главный министр его королевского величества Нушрок и посещает нас, — продолжал оправдываться стражник.

— Пожалуйста, не кланяйтесь нам так низко, — сказала стражнику Оля. — А Нушрок часто бывает у вас?

— Присутствует при каждой казни.

— Зачем? Неужели ему интересно… это видеть?

— Да неужели вы не знаете? — Стражник огляделся по сторонам и понизил голос: — Он всегда сам и последнюю команду подаёт… Весь трясётся, глаза наливаются кровью. Известно, коршунская порода… А иной раз только смотрит на заключённого, и тот сам прыгает с башни. Вы-то небось лучше меня знаете, что его взгляда никто не выдерживает.

Девочки молча переглянулись.

— Скорее наверх! — шепнула Оля и протянула Яло руку.

Ступени винтовой лестницы гулко зазвенели под их ногами. Через полминуты они очутились в полной темноте.

— Мне страшно, Оля, — зашептала Ялo. — Давай вернёмся.

— Вперёд, Ялo, вперёд!

Лестница круто уходила вверх.

Вспугнутые шумом шагов и светом факела, во мраке заметались летучие мыши, наполняя воздух трепетом и шуршанием. Некоторые мыши проносились так близко, что задевали девочек своими невидимыми скользкими крыльями.

— Олечка, милая, вернёмся!

— Ни за что!

— Я так боюсь темноты… Оля, ведь ты тоже боялась ходить по тёмной лестнице.

— Вперёд, Ялo, вперёд!

В темноте блеснули и скрылись два зеленоватых глаза, кто-то дико захохотал и заплакал, и бесконечное эхо полетело по пролётам лестницы, повторяя эти страшные звуки.

— Кто это, Олечка?

— Наверно, сова, Ялo, мне тоже страшно. Очень страшно, Ялo!.. Но мы должны идти! Мы должны спасти Гурда!

Гулко звенит лестница. Сколько ступеней осталось позади? Быть может, сто? А может быть, и тысяча… А вокруг свист и шелест невидимых крыльев, дикий хохот и тяжкие стоны.

— Хочешь, Яло, я расскажу тебе что-нибудь, чтобы нам не было страшно?

— Да, Олечка, расскажи, пожалуйста.

— Слушай… Однажды на сборе нашего отряда… Ох, мне кажется, что это было так давно, Яло! Мы беседовали о том, каким должен быть пионер. К нам на сбор пришёл один старый человек. У него были совсем седые волосы, а лицо весёлое и ласковое. Всю свою жизнь этот человек боролся, Яло, за счастье простого народа. Враги хотели убить его — и не могли. Его заковывали в кандалы, но он бежал из тюрем. Ему было очень трудно, но он шёл и шёл к своей цели. И он нам сказал, что у каждого человека должна быть в жизни высокая цель. И к этой цели надо всегда стремиться, Яло, как бы ни было трудно! И потом, когда этот человек ушёл, мы сочинили песенку о нашем отрядном флажке.

И Оля негромко запела:

Ничто не остановит нас,
Когда нам цель ясна!
«Вперёд, вперёд!» — дала наказ
Любимая страна!
И коль отряд пошёл в поход,
Не отставай, дружок,

Ведь нас всегда вперёд ведёт
Отрядный наш флажок!

Он, словно зорька поутру,
Горит над головой,
Он гордо реет на ветру
И манит за собой.

И сердце бьётся горячей
У каждого в груди,
И мы шагаем веселей, —
Ведь флаг наш впереди!
Как наши деды и отцы,
Идём за рядом ряд.
Нам каждый скажет: «Молодцы,
Хороший ваш отряд!»

А если трудный час придёт,
Не унывай, дружок!
Пусть тьма, пусть ночь, —
Шагай вперёд
И помни наш флажок!

Оля пела всё увереннее и звонче, и Яло начала робко вторить ей. С каждой секундой голоса их

крепли, и весёлое эхо понесло эту песню во все уголки башни.

— Как хорошо, Олечка! «Пусть тьма, пусть ночь, — шагай вперёд!..» Мне совсем не страшно, Олечка!

— Мне тоже, Яло, не страшно! Мне уже совсем не страшно!

Как будто испугавшись песни, умолкла сова, забились в щели летучие мыши. Откуда-то вдруг потянуло ветерком, и над головами девочек блеснули звёзды. Оля и Яло вышли на крышу Башни смерти. Рядом с её вершиной проплывало лёгкое белое облако. Далеко внизу спал стеклянный город. Крохотные домики искрились в лунном свете.

Девочки оглядели площадку крыши и вскрикнули: в центре площадки, лицом к звёздам лежал закованный в кандалы мальчик. Оля и Яло бросились к нему, опустились на колени, склонились к его лицу, силясь услышать дыхание мальчика. Лицо и руки Гурда были холодные.

— Мы опоздали, Оля, — прошептала Яло.

Оля, не отвечая, торопливо открыла стеклянную фляжку и брызнула на лицо мальчика водой. У Гурда слабо дрогнули веки.



— Яло! Скорей! Подержи его голову.

Стеклянная фляжка застучала о зубы мальчика.

Он сделал судорожный глоток и застонал.

— Гурд, милый, открой глаза… Ты слышишь нас?

— Гурд!

Не открывая глаз, мальчик едва слышно спросил:

— Вы пришли казнить меня?

— Мы твои друзья, Гурд!

— Это мне снится, — прошептал Гурд. — Не уходите только… Снитесь мне ещё.

— Мы спасём тебя! Обязательно спасём, Гурд!

Мальчик с трудом открыл глаза:

— Кто вы?

— Нас зовут Оля и Яло. Только ты, пожалуйста, ни о чём не спрашивай нас сейчас. Ты очень слаб.

— Вы уйдёте?

— Но мы непременно вернёмся за тобой. Мы спасём тебя. Ты должен немного окрепнуть. В этом пакете еда для тебя.

Далеко-далеко на востоке посветлело небо. Девочки поднялись.

— До свидания, милый Гурд!

— Не уходите…

— Мы вернёмся, Гурд!

— Я буду вас ждать, — прошептал мальчик.

Оля и Яло быстро сбежали по лестнице. Они больше не замечали летучих мышей, не слышали хохота и стона сов.

Стражник снял перед ними шляпу. Девочки растолкали уснувшего кучера, и Оля крикнула:

— Во дворец!

Звеня сбруей, лошади помчались по дороге.

Через час, укладывая девочек спать, тётушка Аксал ласково ворчала:

— Ах, фазанята, и откуда у вас столько смело-

сти, добрые вы мои девочки! Всё сердце у меня исстрадалось, пока я вас дожидалась.

Оля устало потянулась в постели и, уже засыпая, проговорила:

— Тётушка Аксал… там у меня в кармане кусочек замазки. Я сняла слепок, как вы учили, с замка на кандалах Гурда. Пусть же ваш брат, тот, что работает в зеркальных мастерских, сделает ключ. Не забудьте, тётушка Аксал!

Глава девятая, в которой Оля и Яло слышат разговор короля с Нушроком

Поздно утром тётушка Аксал разбудила девочек.

— Король, наверно, скоро захочет узнать, сколько вы насчитали зеркал, фазанята. А мне нужно успеть ещё завить вам волосы.

— Мы сейчас встанем, тётушка Аксал! — сказала Оля, чувствуя, что никак не может открыть глаза. — Ох, как мне хочется спать!

— Ещё бы, не спали целую ночь!

— Ещё несколько секундочек, тётушка Аксал, — умоляюще протянула Оля и вдруг рывком вскочила с постели, взметнув за собой одеяло, и рассмеялась: — Ну, вот и я! Доброе утро!

Она, улыбаясь, попрыгала по комнате, чтобы совсем прогнать сон, но её глаза сейчас же стали озабоченными.

— Вы чем-то расстроены, тётушка Аксал?

— Нет, нет, ничего, девочка.

Яло поднялась вялая и ворчливая. Когда тётушка Аксал завивала ей волосы, она дёргалась и

вскрикивала: «Больно!», а на лице у доброй женщины от волнения выступили красные пятна.

Оля поморщилась:

— Тётушка Аксал, пожалуйста, не обращайте на неё внимания, потому что на самом деле ей нисколечко не больно.

— Откуда ты знаешь? — проворчала Яло.

— Уж я-то знаю!.. — вздохнула Оля и внимательно посмотрела на кухарку. — Тётушка Аксал, почему вы ничего не говорите нам о ключе? Сделал ли ваш брат ключ от замка на кандалах Гурда?

— Ох, девочки! — горестно покачала головой тётушка Аксал. — Не знаю, что вам и сказать. Ключа нет. Зеркальные мастерские оцеплены королевскими войсками.

Девочки испуганно вскрикнули.

— Что же делать? — Оля сжала руками голову и почувствовала, как у неё в висках и под ладонями громко застучала кровь: «Тук-тук!.. Тук-тук!..»

— Гурд погибнет, тётушка Аксал!.. — прошептала Яло.

— Нет! — вдруг сказала Оля. — Он не погибнет! Мы возьмём ключ, который висит над троном короля.

Наскоро позавтракав, девочки отправились

в тронный зал. Топсед Седьмой сидел на троне, заваленном бумагами. Белые листы бумаги валялись и на полу. Все они были испещрены цифрами. Лицо короля было мрачным.

— Я всё-таки решу эту задачу, если в ней нет какого-нибудь подвоха. — Он рассеянно посмотрел на вошедших пажей. — Послушай, паж, может быть, в этой задаче тоже нужно прибавлять к числам ноли?

— О нет, ваше величество.

— Хорошо, только не подсказывай мне решение. Я до всего люблю доходить сам, своим умом. Итак, один глупец два дня считал восемнадцать зеркал…



— Мы условились называть глупца мудрецом, ваше величество, — поправила Оля.

— Нет, паж, обдумав всё, я пришёл к выводу, что глупец всё-таки должен быть глупцом. Ведь задачу решаю я, король! А всякий король — мудрец! Не могу же я допустить того, что в моём королевстве будет ещё один какой-то мудрец!

— Значит, глупец считает, а мудрец решает, ваше величество?

— Вот именно, паж.

— Но позвольте, ваше величество, пристало ли вам решать то, что считает глупец?

— Гм… Пожалуй, ты прав. Давай снова заменим глупца мудрецом.

— Значит, мудрец считает, а глупец решает?

— Совершенно правильно: мудрец считает, а глупец решает. Постой, здесь тоже что-то не так. — Король сосредоточенно потёр пальцем переносицу. — Это надо как следует обдумать. Отложим временно задачу. Вы уже начали подсчитывать зеркала?

— Да, ваше величество.

— И много вы уже насчитали?

— Много ли? — переспросила Яло и быстро добавила: — Четыреста восемнадцать тысяч семьсот двадцать девять.

— Молодцы! — Король приподнялся и потёр руки. — Продолжайте свой благородный труд,

мои пажи.

В дверях показался слуга.

— Ваше величество, вас хочет видеть главный министр, — объявил он, низко кланяясь.

— Пусть войдёт, — сказал король, и на лице его появилась скука.

Девочки снова увидели Нушрока. Как и раньше, Оля сжалась под его взглядом, чувствуя, как всю её охватывает омерзение и страх. «Какие отвратительные глаза, — подумала она, — и этот крючковатый нос, похожий на клюв!»

В чёрном поблёскивающем костюме Нушрок твёрдыми шагами подошёл к королю и чуть склонил голову.

— Что привело вас во дворец, мой министр, в такое необычное время? — спросил Топсед Седьмой, зевая и болтая ножками.

— Ваше величество, — пискнул Нушрок, — не стану скрывать: глубокое беспокойство за судьбу королевства тревожит моё сердце.

— Это забавно. — И смех Топседа Седьмого задребезжал в тронном зале. — Я никогда не думал, что у вас есть сердце, Нушрок!

— Мне не до шуток, ваше величество. Меня беспокоит то, что в нашем старом добром королевстве стали меняться порядки, освящённые

временем.

Король задумчиво прикоснулся пальцем к переносице.

— Вы говорите правду, мой министр! Наш народ начал скучать. Не наступило ли время развлечься и начать войну?

Круглые чёрные глаза Нушрока сверкнули.

— Что ж, война — это неплохо, ваше величество. Я перестану делать в своих мастерских кривые зеркала и начну изготовлять оружие. Война всегда приносит доход.

— Вы перестанете делать зеркала? — нахмурился король. — Мои кривые зеркала?

— Оружие делать более выгодно, ваше величество.

— Нет, мой министр, этого я не позволю!

Король спрыгнул с трона на паркет и забегал по залу. Оля увидела в глазах Нушрока бешенство.

— В самом деле, как можно перестать делать зеркала? — продолжал Топсед Седьмой, взмахивая ручкой. — Я скорее велю прекратить делать одежду или ещё что-нибудь.

Нушрок нетерпеливо передёрнул плечами.

— Я полагаю, ваше величество, что об этом мы ещё успеем поговорить. А сейчас я приехал к вам по совершенно безотлагательному делу.

— Объясните мне, Нушрок, что это за дело.

— Почему отложена казнь зеркальщика Гурда? — спросил Нушрок, впиваясь взглядом в лицо короля.

— Такова была моя воля, — нерешительно ответил король.

Похолодевшая Оля видела, как растерянно забегали его рыбьи глаза.

— Ваша воля? — спросил человек с лицом коршуна, яростно сжимая кулаки.

— Да… Ой-ой, Нушрок, не смотрите на меня! Уф, даже голова кружится. Да не смотрите же на меня, Нушрок!

— Ваше величество! — пищал Нушрок, наступая на короля. — Мне кажется, что вы слишком быстро забыли историю своего рода!

— Что… что вы хотите этим сказать, Нушрок? — дрожа всем телом, бормотал король, забиваясь в угол тронного зала и заслоняя свои глаза ладонью.

— Чтобы стать королевой, ваша прабабка казнила свою сестру, но ваш дед отобрал у неё корону и заточил свергнутую королеву в крепость! — брызгая слюной, кричал Нушрок. — Ваш отец казнил вашего деда, чтобы каких-нибудь два года сидеть на троне. Всего два года! Вы, должно быть,

помните: его однажды утром нашли в постели мёртвым. Потом стал королём ваш старший брат. Он слишком мало считался с желаниями своих министров, и вы, конечно, хорошо помните, что с ним произошло. Он поехал в горы и свалился в пропасть! Затем корону получили вы… Возлагая на вас корону, мы надеялись, ваше величество, что вы никогда не забудете о печальном конце своих предшественников! Не забывайте, ваше величество, что у вас есть младший брат, который, может быть, ожидает того, чтобы…

— П-постойте, — заикаясь, перебил Нушрока король. — Что я… я должен сделать?

— Прежде всего пореже произносить: «Такова была моя воля», — чтобы каким-нибудь образом не свалиться в пропасть, ваше величество!

— Х-хорошо…

— Помните, что у вас нет никакой своей воли!

— Угу… Да, да… — бормотал король.

— Мы дали вам корону! Мы — Нушрок, Абаж и другие богачи королевства. И вы должны выполнять не свою, а нашу волю! Сегодня зеркальщики до смерти избили моего главного надсмотрщика. Виновных так и не удалось обнаружить. Они все действуют в заговоре против меня, а может быть, и против вас, ваше величество. Их может остано-

вить только одно: устрашение! И в это время вы откладываете казнь зеркальщика Гурда!

— Ну хорошо, пожалуйста, пусть его казнят… — услышали девочки слабый голос короля, которого скрывала от них в углу зала чёрная спина Нушрока.

— Яло! Ключ! — шепнула Оля.

Яло решительно подошла к трону, сняла ключ и сунула его в карман.

— Завтра мы объявим о казни Гурда. Послезавтра сбросим его с башни, — продолжал пищать Нушрок. — Все должны видеть казнь этого зеркальщика!

— Хорошо, мой министр… Сейчас я подпишу указ.

— Вы не должны этого делать! — неожиданно для самой себя вдруг крикнула Оля.

Министр обернулся, и глаза Оли встретились со страшными глазами Нушрока. Она почувствовала, что её сковывает страх.

— Оля, бежим! — срывающимся голосом крикнула Яло.

Оля повернулась и бросилась вон из тронного зала.

— Задержать! — завизжал позади них Нушрок.

Старый слуга у двери попытался схватить Олю,

но поскользнулся и растянулся на паркете.



Девочки стремительно бежали по бесконечным залам и переходам дворца. От колонны к колонне, с лестницы на лестницу. Вот, наконец, и каморка тётушки Аксал.

— Карету, тётушка Аксал! Скорее карету! У нас

ключ!

— Карета у крыльца, девочки. Торопитесь! Время не ждёт. Только не берите с собой кучера. Он может что-нибудь заподозрить. Прощайте, фазанята.

— Прощайте, дорогая, любимая тётушка Аксал! — Девочки нежно поцеловали старую женщину и снова побежали по бесчисленным залам дворца.



У крыльца их действительно ждала карета.

— Кучер, — крикнула Яло, — оставайтесь здесь! Мы хотим управлять лошадьми сами.

Кучер растерянно посмотрел на пажей.

— Да как же так?.. Пажи его королевского величества будут сами управлять лошадьми?

— Ну и что же?

— Это не положено.

— Почему?

— Подумайте сами, господа пажи: такие важные люди — и вдруг сидят на козлах!

— Я не люблю повторять приказаний! — топнул ногой паж с родинкой на левой щеке.

Кучер спрыгнул с козел и передал ему вожжи. Зазвенели подковы, карета стремительно понеслась. Стражники распахнули ворота и удивлённо посмотрели вслед промчавшейся карете.

Как они мчались! Разноцветные дома стремительно неслись мимо.

— Яло, дай мне ключ.

— Сейчас…

Яло лихорадочно порылась в карманах и вдруг всхлипнула.

Оля похолодела:

— Что случилось, Яло? Не пугай меня!

— Оля…

— Ну что, что?

— Оля, я потеряла ключ!

— Потеряла? — вскрикнула Оля. — Где? Когда?

— Не знаю.

— О, Яло, что ты наделала?! — Оля судорожно сжала вожжи. — Нет, это я сама во всём виновата. Ведь ты только моё отражение! Я сама так часто всё теряла. Я потеряла тоже несколько ключей от квартиры.

А лошади неслись всё вперёд и вперёд. Слёзы катились из глаз Оли, ветер срывал их со щёк и уносил прочь стеклянной пылью.

— Олечка, давай вернёмся и поищем. Ключ здесь где-то недалеко. Мне кажется, что я даже слышала, как он выпал и зазвенел. Он, наверно, лежит где-нибудь в траве возле дороги.

— Нет, мы не можем возвращаться, Яло. Во дворце, наверно, уже обнаружили пропажу ключа, и за нами гонится стража.

— Что же делать, Оля?

— Погоди! — Оля вытерла глаза. — Раз у Нушрока нет ключа, он тоже не сможет открыть замок на кандалах Гурда.

— А другой такой ключ есть у Абажа! — вскрикнула Яло. — Помнишь, он показывал его Нушроку на завтраке у короля?

— Скорей к Абажу, Яло!

— Скорей, Оля!

Оля взмахнула кнутом, и лошади помчались ещё быстрее. Карета кренилась на поворотах, и Яло испуганно цеплялась за Олю.

— Оля, мы опрокинемся!

— Какая ты трусишка, Яло!

— Но, Оля…

— Никаких «но»! «Ничто не остановит нас — нам цель ясна!» Помнишь, как поётся в нашей песенке?

— Цель-то ясна, но как мы доберёмся до неё? Что мы скажем Абажу на рисовых полях?

— Перестань ныть, Яло. Папа мне говорил, что смелость и настойчивость — ключ к достижению цели. Понимаешь? Ключ к достижению цели! Посмотри-ка лучше, нет ли за нами погони.

Глава десятая, в которой Оля и Яло попадают в замок прекрасной дамы

Четвёрка холёных лошадей неслась легко и дружно к сверкающим вдали горам. Серебряные подковы мелодично звенели о дорогу, которая терялась в сизом предгорном тумане.

Яло надоело разглядывать поля и зелёные квадраты королевских виноградников, и она заскучала.

— Давай поговорим о чём-нибудь, Оля, — обиженно сказала девочка. — Почему ты всё время молчишь?

Оля нахмурилась.

— Какая ты всё-таки странная, Яло! Ведь Гурд в такой опасности! Я ни о чём другом не могу думать.

Яло покраснела.

— Мы успеем привезти ключ. Вот посмотришь! — сказала она. — Только мне очень хочется есть.

Оля молча хлестнула лошадей. Начались холмы, поросшие высокой стеклянной травой. Ветер

позванивал зелёными травинками. Заходящее солнце сверкало в них.

Между холмами там и тут шумели потоки, сбегающие с гор. На их берегах лежал прозрачный стеклянный песок. Из ущелий на холмы наползал туман; он был плотным и белым, как вата.

Оля остановила карету у ручья, чтобы напоить лошадей. Усталая Яло, согнувшись, сидела на козлах. Было очень тихо. Слышалось только, как пел поток да фыркали лошади, отряхивая с губ тяжёлые капли.

Оля зачерпнула фляжкой воды и подала её Яло.

— Выпей, может быть, тебе станет легче…

Яло с наслаждением сделала несколько глотков. Вода была чистая и такая холодная, что у неё заныли зубы.

Солнце село, и розовые, насквозь просвечивающиеся громады гор сразу потемнели и нахмурились. Грозные скалы вытягивали зазубренные вершины к небу, на котором уже заблестели первые звёздочки.

Оля и Яло прислушались: в ущелье звонко стучали подковы. Через минуту на дороге показались всадники. Впереди на тонконогой белой лошади скакала женщина. Она была одета в

длинное чёрное платье, а за её плечами вился лёгкий шарф. Несколько мужчин, судя по одежде — слуг, следовало за ней.

— Королевская карета?! — воскликнула дама, поравнявшись с Олей и Яло. — Что это значит?

Её мелодичный голос походил на колокольчик, а чёрные сверкающие глаза смотрели из-под больших загнутых кверху ресниц удивлённо и вопросительно. Белый конь звенел удилами, капризно бил о дорогу копытом.

Девочки растерянно молчали.

— Как вы сюда попали, мальчики? — снова зазвенел голос-колокольчик.

— Сударыня, — сказала Яло, — нам нужно как можно быстрее попасть к министру Абажу.

Оля быстро шепнула:

— Не болтай, Яло!

— К Абажу? Так далеко? — удивилась дама.

— Видите ли, его величество разрешил нам сегодня утром покататься в своей карете. Мы выехали за город без кучера, а вернуться не смогли, потому что… потому что…

— Случилось какое-нибудь несчастье?

— Да, сударыня, — бормотала Яло. — В городе началась такая страшная стрельба, что у нас душа ушла в пятки!

— О, трусишки! — рассмеялась всадница. — Его величество, вероятно, решил повеселиться и приказал солдатам стрелять в воздух.

— В том-то и дело, что нет, сударыня. Зеркальщики отказались работать, и королевские солдаты оцепили зеркальные мастерские.

— Что ты говоришь! — Лицо прекрасной дамы стало озабоченным. — Так зеркальщики подняли бунт? А как ты думаешь, мальчик, они не могут двинуться в горы, к моему замку?

— Думаю, что нет, сударыня, — продолжала Яло. — У них пока хватит дел и в городе… И вот мы решили, сударыня, бежать к министру Абажу. Это… это наш дедушка.

— Дедушка?

— Да, сударыня.

— Подумайте, каков этот Абаж! — улыбнулась прекрасная дама. — Он никогда не говорил, что у него есть такие очаровательные внуки! Бедные дети, сколько страха вы натерпелись. Я сразу заметила, что вы очень бледны, особенно ты, — и всадница указала на Олю.

— Мы целый день ничего не ели, сударыня, — вздохнула Яло.

— Бар, скачи поскорее в замок и распорядись, чтобы пажам его величества приготовили хоро-

ший ужин.

Яло вопросительно посмотрела на Олю.

— Мы не можем задерживаться, сударыня, — тихо сказала Оля.

— Нет, нет, вы переночуете в замке. Я очень довольна, что выехала на прогулку и встретила вас, — ответила дама. — Не только вам, но и вашим лошадям надо отдохнуть. Путь через горы, правда, не так уж далёк, но очень опасен: вы можете в темноте сорваться в пропасть.

— Мы не останемся, — упрямо повторила Оля.

— Оля, — умоляюще прошептала Яло, — разве тебе не хочется покушать и отдохнуть в хорошей постели?

— Я вас угощу мороженым, — говорила прекрасная дама. — Или, может быть, вы больше любите шоколад?

Яло незаметно толкнула Олю и шепнула, глотая слюнки:

— Шоколад, Оля! Ты же так любишь шоколад!

— Нам нужно торопиться, Яло.

— Только одна ночь, Оля! Всё равно раньше утра мы не попадём к Абажу.

— Нет, мы не останемся.

— Сжалься надо мной, Оля. Я больше не могу ехать. Я так устала! Я просто умру от голода, Оля.

— Хорошо, — кивнула Оля, сдаваясь. — Сударыня, мы переночуем в вашем замке.

Карета и всадники въехали в ущелье. Темнота плыла им навстречу. Эхо подков зазвенело во мраке. Вскоре девочки увидели зубчатые стены замка. Он был выстроен на вершине скалы, которая поднималась из горной реки. Волны со всех сторон омывали эту скалу. Судя по тому, что шума воды здесь почти не было слышно, река в этом месте была очень глубока. Поток проносился над захороненными в его глубине камнями и порогами неслышно и стремительно, и можно было подумать, что это не река, а небольшое горное озеро. Только где-то далеко, там, где река снова становилась мелкой, было слышно, как она кипит на порогах.



У ворот замка замелькали факелы и фигуры слуг. Огромный подъёмный мост со скрипом

перекинулся со скалы на скалу и повис над рекой. Копыта лошадей звонко зацокали по мосту. Карета въехала во двор замка. К прекрасной даме подбежал Бар, чтобы помочь ей спуститься с седла.

— Вы должны чувствовать себя в замке как дома, дорогие дети, — певуче и ласково проговорила прекрасная дама и, обернувшись к слуге, спокойно добавила: — Какой ты неловкий, Бар! — И, взмахнув хлыстом, ударила им по лицу слугу.

При колеблющемся свете факелов Оля и Яло увидели, как Бар покачнулся и на его лице появился широкий красный рубец. Девочки бросились к хозяйке.

— Не надо!.. За что? Зачем вы его бьёте, сударыня?

Хозяйка изумлённо посмотрела на девочек своими красивыми бархатными глазами.

— Чем вы обеспокоены? Я ударила слугу? Ну так что ж? Как, однако, странно вы воспитаны, мальчики!.. — Она пожала плечами и продолжала, словно ничего не произошло: — Этот замок выстроен ещё моим прадедом. Нравится ли он вам?

— Кх… кх, — закашляла Оля. — Так нравится, сударыня, что и передать трудно.

— Бар, — крикнула прекрасная дама своим

удивительным голосом-колокольчиком, — пусть подают ужин пажам его величества!

После ужина в зале со сводчатым потолком, освещённом огнями свечей, прекрасная дама пожелала пажам спокойной ночи. Она протянула им руку, и Оля и Яло догадались, что её нужно поцеловать. Яло видела, как покривилась Оля, прикоснувшись губами к холёным пальцам.

Затем Бар со свечой в руке провёл пажей в отведённую им комнату. Только несколько полукруглых ступеней отделяли её от зала, в котором они ужинали.

— Вам очень больно, дядюшка Бар? — тихонько спросила Оля.

— А разве вам жалко меня, господин паж? — печально улыбнулся он. — Разве вы никогда не бьёте своих слуг? Никогда я не видел таких добрых господ.

— А как зовут вашу госпожу?

— Анидаг.

— Анидаг? — хмуря брови, протянула Оля. — Это значит… это значит…

— Гадина! — подсказала Яло.

— Гадина! — вскрикнула Оля. — Так вот, кто эта прекрасная дама!

Бар вышел. Комната, куда он привёл девочек,

имела закруглённые стены и окна со множеством разноцветных стёкол. Оля распахнула одно из окон. За окном было темно и прохладно. Где-то внизу чуть слышно плескалась невидимая вода.

К Оле тихо подошла Яло и остановилась за её спиной.

— А всё-таки приятно быть богатой дамой и иметь в горах красивый замок, Оля?

— И хлыст, чтобы бить им по лицу своих слуг! — зло прибавила Оля. — Как тебе не стыдно, Яло!

Она хотела ещё что-то сказать, но не успела, потому что перед замком зазвучал рог и внизу заметались с факелами слуги. Девочки увидели, как через реку перекинулся мост и во двор въехала карета. Дверцы кареты распахнулись, и из неё вышел Нушрок.

Глава одиннадцатая, в которой Нушрок предлагает прекрасной даме стать королевой

— Мы погибли! — в ужасе прошептала Яло. — Из этой комнаты есть только один выход — в зал.

— Тише, Яло. Нушрок, кажется, уже в зале.

Девочки стояли у тяжёлой двери и настороженно прислушивались. Яло взглянула на подругу. Губы Оли сжались, а глаза сощурились, словно она что-то сосредоточенно обдумывала. Яло прикоснулась к её плечу:

— Оля, почему ты так спокойна? Неужели ты не боишься? Научи и меня ничего не бояться.

— Не шуми, — тихо сказала Оля.

— Ну, так я тоже буду смелой! — тряхнула Яло локонами. — Я подберусь сейчас к Нушроку и узнаю, что он там замышляет.

И прежде чем Оля успела что-нибудь сказать, Яло приоткрыла дверь и юркнула из комнаты. Спустившись на цыпочках со ступеней, Яло увидела на стене колеблющиеся тени Нушрока и прекрасной дамы и притаилась у колонны. Тень

Нушрока со всклокоченными волосами и хищным загнутым книзу носом была страшна.

— Если вы не хотите есть, — зазвенел голос прекрасной дамы, — то выпейте немного вина, дорогой отец. Оно подкрепит вас.

— Благодарю вас, дорогая дочь, но у меня мало времени, а сказать вам я должен много.

— Я готова слушать вас сколько угодно, дорогой отец.

— Наступило трудное время, дочь моя, — начал Нушрок, — народ всё чаще отказывается работать и повиноваться нам.

— А кривые зеркала, дорогой отец?

— Народ больше не верит этой выдумке, Анидаг! Только один король приходит ещё в восторг от этих стёкол. Горожане разбивают кривые зеркала прямо на улицах, не боясь стражников! А зеркальщики начали делать вот это. — Нушрок что-то вынул из кармана и показал дочери.

Яло увидела, как покачнулась на стене тень прекрасной дамы.

— Правдивое зеркало? — вскрикнула она в страхе. — Народ видит правду?! Это ужасно, дорогой отец!

— Да, это ужасно, Анидаг! Мои зеркальщики больше не хотят быть покорными.

— Их надо заставить быть покорными, дорогой отец!

— Зеркальные мастерские уже оцеплены войсками.

— Вы поступили, как всегда, благоразумно, дорогой отец!

— Но это не всё, дорогая дочь! Настало время поставить во главе королевства нового короля. — Нушрок помедлил. — А может быть, королеву…

— О! — воскликнула прекрасная дама.

— Народ очень хорошо знает, что Топсед Седьмой глуп. Его не любят и не признают. Мы терпели его до тех пор, пока всё было спокойно. А сейчас на троне должен быть другой человек — умный, решительный и… красивый.

— Кто же у нас обладает такими качествами, дорогой отец?

— Вы, дорогая Анидаг!

Прекрасная дама порывисто поднялась, и рядом с уродливой тенью Нушрока вырос её стройный силуэт.

— Вы шутите, дорогой отец?



— Нисколько! Разве вы не красивы? Разве ваш

голос не звучит, как музыка? Какие речи вы сможете произносить с балкона королевского дворца! Постарайтесь только казаться доброй, дорогая. Всё королевство должно знать, что вы щедро одаряете нищих. И, конечно, не кривыми зеркалами… Для этого надо немного денег — совсем немного! У вас такой же холодный и практический ум, как и у меня, Анидаг! С вашей помощью я прекрасно поведу дела! И буду держать в повиновении всё королевство. Скажите, согласны ли вы, моя дорогая дочь?

Прекрасная дама без слов наклонила голову, и Нушрок прикоснулся губами к её волосам.

— Обстоятельства вынуждают меня немедленно вернуться в город. А вам, Анидаг, надлежит не медля ни минуты отправиться к Абажу. Вы удивлены? Он мой враг, но сейчас мы должны действовать заодно. Вы отвезёте ему это письмо, и я не сомневаюсь, что он поддержит нас. Чтобы ускорить свидание с Абажем, я советую вам воспользоваться подземным ходом. Кстати, вы возьмёте у Абажа ключ, который подходит к замку на Башне смерти. Я ему пишу об этом.

— Но какой подземный ход вы имеете в виду, дорогой отец? — удивлённо спросила прекрасная дама.

— Старый подземный ход, построенный предками Нушроков и Абажей. Неужели вы не знаете о нём? Наши предки были связаны когда-то узами рыцарской дружбы и решили соединить свои владения подземным ходом. Он начинается в винном погребе этого замка и оканчивается где-то в саду Абажа.

— Теперь я вспоминаю, дорогой отец… О каком-то подземном ходе мне действительно рассказывали в детстве. Но мне всегда это казалось сказкой. Однако я очень боюсь темноты и крыс, дорогой отец! Право же, я не менее быстро доберусь до Абажа в своей коляске. Тем более у меня есть попутчики: в замке ночуют два королевских пажа, которые тоже едут к Абажу.

— Что? Два пажа? — пропищал Нушрок, и тень его с поднятой рукой на несколько секунд замерла на стене. — Сегодня два пажа бежали из королевского дворца! Они похитили ключ от кандалов Башни смерти! И я не могу казнить преступника!

— Не может быть! Впрочем, они и мне показались очень странными.

Дрожащая Яло попятилась назад и, споткнувшись о ступеньку, упала. Её ладони гулко шлёпнули по стеклянному полу. Нушрок прыгнул к

Яло, схватил её за шиворот и подтащил к столу.

— Само провидение посылает мне в руки этих беглецов! — торжествующе сказал Нушрок, внимательно разглядывая Яло. — Они сразу вызвали у меня подозрение. Сегодня я узнал, что они уже были в Башне смерти. Нужно выяснить, зачем они пробираются к Абажу.

— Ой, не давите мне так руку! — захныкала Яло. — Больно… Ой!..

— Что всё это означает? — изумлённо проговорила прекрасная дама.

— Я думаю, что это такие же пажи, дорогая Анидаг, как вы прачка. А ну-ка, говори, мальчишка, зачем вам понадобился Абаж?

Яло тряслась и молчала.

— Ну!

— Ой, больно!..

— Сейчас будет ещё больнее, если ты не заговоришь!



— Ой, ой, не давите так руку!

— Зачем вы ехали к Абажу? Где ключ от кандалов?

Яло молчала.

— Слушай, мальчишка, если ты не скажешь…

— Ой! Мы ехали в гости.

— Лжёшь! Если ты мне не скажешь всего, я сейчас поджарю твою руку на этой свечке!

Яло не отвечала. Было слышно, как у неё постукивали зубы. Свободной рукой Нушрок поднёс свечку к руке девочки.

Яло закричала и покачнулась:

— Не надо, не надо! Я скажу…

— Ну?

Яло молчала. Министр снова поднёс свечку к её руке.

— Ой, я скажу! Мы хотели…

— Что вы хотели?

— Ой, как больно!..

— Да говори же, мальчишка!

— Ой… Сейчас… Я ничего вам не скажу, будьте вы прокляты!

Резким ударом Нушрок сбил Яло с ног. В её голове зазвенело, и на несколько секунд она потеряла сознание.

— Мы ещё поговорим с тобой! — злобно пропищал министр. — А сейчас послушаем, что нам скажет другой «паж». — Он быстро поднялся по ступенькам и толкнул дверь в комнату, где находилась Оля.

В распахнутом окне Нушрок увидел Олю, готовящуюся к прыжку вниз.

— Стой!.. — пронзительно закричал он.

Но Оля уже прыгнула вниз, и подбежавший к окну Нушрок услышал далёкий всплеск воды.

— Обыскать реку! — пропищал Нушрок, выбегая в зал. Слюна разлеталась с его перекошенных яростью губ. — Доставить мне мальчишку живым или мёртвым! А этого заточить в подземелье! Быстрей!

Яло увели. Через час слуги доложили Нушроку, что найти в реке пажа не удалось. Разъярённый Нушрок велел слугам продолжать поиски.

— Вы видите, дорогая Анидаг, что положение всё более обостряется, — проговорил он, тяжело дыша и отирая на лице пот. — Я еду вместе с вами к Абажу! Хотите воспользоваться подземным ходом? Нет? Хорошо, прикажите закладывать вашу коляску. А мои лошади пусть отдохнут.

Глава двенадцатая, в которой рассказывается о том, как Оля едва не погибла в водопаде

Оля хорошо плавала. Спасаясь от Нушрока, она бесстрашно бросилась в реку. Девочка погрузилась очень глубоко и, почувствовав под ногами каменистое дно, оттолкнулась от него. Вода легко вынесла её на поверхность.

Вынырнув, Оля отдышалась и прислушалась.

Вокруг было сумрачно и тихо. Течение быстро уносило её от замка в черноту ущелья, где слышался глухой шум низвергающейся воды. Очевидно, там был водопад. Тогда через несколько минут конец… Оле стало страшно. Девочка торопливо поплыла к берегу, но бороться с течением было очень трудно. Грохот водопада усиливался. Течение сделало резкий поворот. Олю рвануло и ударило о подводный камень. На мгновение она потеряла сознание, а когда пришла в себя, увидела впереди, чуть левее того направления, по которому её несло, маленький островок. Девочка устремилась к нему, напрягая последние силы. Через несколько секунд бурная

река выбросила её на островок, оказавшийся огромным камнем.

Оля долго лежала ничком, вцепившись пальцами в камень. Впереди, совсем рядом, бушевал водопад. Вода стремительно срывалась вниз, и облако мельчайших брызг клубилось над потоком.



Девочка подняла голову и увидела листья. Старый дуб, склонившийся над рекой, протягивал

к камню, будто руку, свою широкую ветку. Оля поднялась на ноги и попыталась дотянуться до неё. Но ветка была слишком высоко, и девочка, поскользнувшись, едва не свалилась в воду.

Оля отдышалась и, рассчитав движение, подпрыгнула. Она повисла на ветке и только теперь сообразила, что туфли, наполненные водой, и мокрая одежда будут мешать ей подтянуться к ветке. Как она не догадалась раздеться! Оля беспомощно повисла над камнем. Значит, конец… Оля заскрипела зубами. «Так нет же, нет, обязательно взберусь на дерево!» — подумала она и, собрав все свои силы, забросила на ветку одну ногу. Это было спасением.

С полминуты она висела так, отдыхая. Потом, сделав ещё одно усилие, села на ветку верхом и, осторожно перебирая руками, добралась до ствола. Она уселась поудобнее на толстом суку и огляделась. По берегу к её дубу медленно приближались две фигуры. Месяц освещал их, и Оля узнала слуг прекрасной дамы.

Слуги остановились в тени дуба.

Один из них крикнул, силясь перекричать шум водопада:

— Так ты думаешь, Бар, что он утонул?

— Ещё бы! — прокричал в ответ Бар. — Тут не

то что ребёнок, но и взрослый не выплывет. А если мальчик и выплыл, тем лучше. Давай-ка закурим, приятель.

Слуги задымили трубками и вскоре ушли.

Оля быстро спустилась с дерева и зашагала по узкой горной тропинке, настороженно вглядываясь вперёд. Тёмная тучка, набежавшая на месяц, ушла за гору, всё вокруг засверкало. Оля ободрилась и зашагала быстрей. Но вскоре месяц закатился за гору, тучи заволокли небо, и стало совсем темно.

Впереди мелькнули какие-то тени, сверкнули чьи-то глаза. Послышался противный и надсадный звериный вой.

— Шакалы, наверное… — прошептала Оля.

Девочка остановилась и подняла несколько камней.

— Пошли вон! Пошли вон! — закричала она, швыряя в темноту камни.

Шакалы разбежались. Оле даже показалось, что они поджали хвосты.

Она снова пошла вперёд, тихонько напевая пионерскую песенку своего отряда:

Ничто не остановит нас,
Когда нам цель ясна!

«Вперёд, вперёд!» — дала наказ
Любимая страна.

Напевая песенку, Оля словно слышала ободряющие слова друга. Она всё шла и шла. Вот уже порозовели вершины гор, и веселее зажурчали горные ручьи. Потом взошло солнце, и Оля остановилась поражённая.

Далеко-далеко внизу она увидела огромное зеркало. Оно начиналось у подножия горы, на которой она стояла, и уходило за линию горизонта, сливаясь с небом. Горы, солнце, облака отражались в зеркале. Это было очень красиво. И всюду девочка видела на голубой глади работающих людей. Оля догадалась, что это были рисовые поля министра Абажа.

Спустившись с горы, Оля остановилась и передохнула. Началось рисовое поле. Но теперь оно не походило на зеркало. Оказывается, это было самое обыкновенное болото. От него поднимались тёплые гнилостные испарения. В заплесневевшей воде резвились стайки головастиков. На длинных ножках по воде быстро бегали какие-то жучки.

Тропинка сворачивала вправо и тянулась через тростниковый посёлок к высокому холму, на ко-

тором сквозь зелень деревьев девочка разглядела красивое здание с белыми колоннами.

«Наверно, это и есть замок Абажа», — решила она и пошла по дороге мимо тростниковых хижин. На безлюдной улице Оля иногда встречала скучающих стражников и маленьких детей с бледными губами и синевой под глазами. Дети долго и удивлённо смотрели ей вслед, а стражники салютовали алебардами пажу короля.

«Бедные дети, как они бледны! — думала Оля. — Все, кто постарше, наверное, работают на рисовых полях». Она не ошиблась. За посёлком Оля увидела работающих в воде стариков и подростков. И что это? Ей показалось, что несколько голосов негромко пели ту самую песню, которую она уже слышала раньше:

Нас угнетают богачи,
Повсюду ложь подстерегает,
Но знайте, наши палачи,
Всё ярче Правда расцветает!

Олино сердечко забилось быстрее, в груди стало горячо. Она не была знакома ни с одним из этих людей, работавших в гнилой воде, но теперь она знала, что среди них найдёт друзей.

«Однако как я попаду к Абажу? Что я ему ска-

жу? — продолжала размышлять Оля. — Удастся ли мне раздобыть ключ?»

Она тряхнула головой.

«Нет, только не надо отчаиваться. Лучше всё спокойнее обдумать. Папа всегда посмеивался над моей торопливостью и любил приговаривать: „Поспешишь — людей насмешишь“. Милый папочка, если бы ты видел сейчас свою дочь! Но что же всё-таки мне делать теперь? Где сейчас Яло? Удалось ли ей вырваться из лап Нушрока? И зачем только мы остались ночевать у Анидаг!» — думала Оля, подходя к замку Абажа.

— Ах, Яло, Яло! Как мне трудно с тобой! — прошептала она. — Но ты всё-таки добрая девочка, и ты моя единственная подруга в этой чужой стране. Как бы я хотела тебя увидеть сейчас!

Оля завернула за угол, сделала несколько шагов и прижалась к ограде замка.

Неподалёку от ворот стояла коляска, запряжённая четвёркой лошадей, и на козлах сидел Бар. Оля шла не по дороге, а по горной тропинке и не видела коляски, которая, словно вихрь, пролетела через горы и доставила к замку Абажа Нушрока и его дочь.

Глава тринадцатая, в которой Яло убеждается в существовании подземного хода

Вот что случилось, прежде чем Бар попал к замку Абажа.

Высоко держа над головой факел, Бар вёл Яло в подземелье.

— Так ты, говорят, зеркальщик, а не паж? Это верно? — спросил он, оглядывая Яло с головы до ног. — И как тебя угораздило связаться с Нушроком?

— Ох, дядюшка Бар, я ни в чём не виноват.

— Верю… Да только для наших господ всё равно: что виновен, что не виновен.



— А что они со мной сделают, дядюшка Бар?

— Думаю, что тебе придётся несладко, парень… Постой, откуда ты знаешь моё имя?

— Я видела… Нет, я видел, как дочь Нушрока ударила вас по лицу хлыстом и назвала Баром.

— Да, собачья жизнь… — проворчал Бар и в замешательстве остановился.

В каменной стене виднелось несколько дверей.

— Куда же тебя посадить, парень? — нерешительно проговорил он. — Я бы, пожалуй, отпустил тебя на свободу, да только тогда мне придётся распрощаться с жизнью.

Яло быстро сказала:

— А вы не отпускайте меня, дядя Бар, а посадите в винный погреб.

— В винный погреб? — усмехнулся Бар. — Уж не хочется ли тебе отведать старого амонтильядо, которое так любят пить наши господа? Впрочем, в винном погребе ты сможешь хоть посидеть на бочонках… Что ж, идём!

Бар подошёл к одной из дверей и снял с неё огромный замок. Громко заскрипели ржавые петли. Бар пропустил Яло в погреб. Это было низкое помещение со сводчатым потолком. Справа и слева стояли потемневшие от времени бочки. Проход между ними терялся в темноте. Пахло сыростью и плесенью.

— Как страшно оставаться здесь одному! — прошептала Яло.

— Я, пожалуй, оставлю тебе факел, мальчуган.

— Спасибо, дядюшка Бар!

— Захочешь спать, подремли на бочках, а то, если ляжешь на каменный пол, в тебя из этих камней вползёт такая лихорадка, что твои кости будут потом скрипеть всю жизнь.

Но Яло было не до отдыха. Как только по ту сторону двери щёлкнул заржавленный замок, она пошла вперёд по проходу между бочками, освещая себе путь факелом.

Проход упирался в глухую стену. Яло разочарованно остановилась перед ней и даже потрогала её пальцем. Стена была холодная и скользкая.

Девочка пошла назад по проходу, внимательно всё осматривая, и снова ничего не увидела, кроме бочек и замшелых стен, освещённых колеблющимся светом факела.

Яло начал пробирать холод подземелья, и она попрыгала, чтобы согреться. Потом снова побежала по проходу и, остановившись у стены, постучала в неё кулаком.

«Где же, наконец, этот подземный ход? — теряя терпение, подумала она. — Ведь говорил же Нушрок, что он начинается в винном погребе!» Яло подняла факел повыше, чтобы осветить углы, и попятилась.

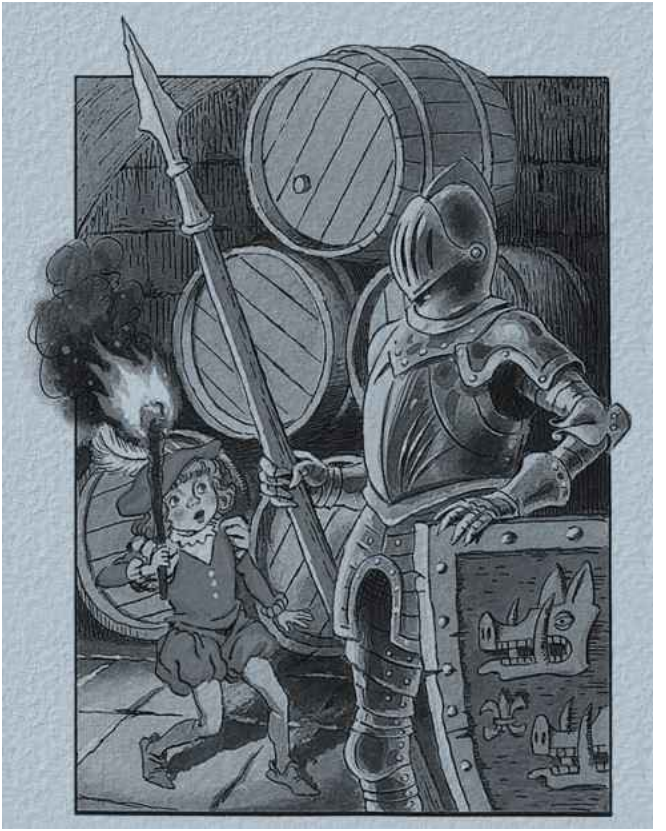
— Кто здесь? — испуганно спросила она.

В самом углу, притаившись за бочкой, стоял человек. На нём были металлический шлем и рыцарские доспехи, а лицо закрывало опущенное забрало. В одной руке человек держал щит, на котором Яло разглядела герб с коршуном, а в другой — копьё.

— Почему вы молчите? — тихо спросила Яло, переводя дыхание.

Человек не отвечал. Девочка подняла факел ещё выше, силясь разглядеть его глаза в узкой щели забрала.

— Вы, наверно, стережёте эти бочки с вином? — помолчав, добавила она.



Человек в доспехах рыцаря упорно не отвечал.
— Не подумайте, пожалуйста, что я хотела

попробовать какого-нибудь вашего амон… амонтильядо, — проворчала Яло. — Я терпеть не могу никакого вина!

Человек безмолвствовал, и Яло жалобно проговорила:

— Пожалуйста, скажите хоть одно слово, а то мне становится очень страшно…

Рыцарь, по-видимому, относился к ней с полным равнодушием. В конце концов Яло осмелела и повысила голос:

— Ну и молчите, сколько вам влезет! Не думайте только, что я вас действительно боюсь!

Она протиснулась между стеной и бочкой и остановилась подле самого рыцаря.

— Эй, вы! — вызывающе сказала она. — Если вы разучились говорить, так хоть не стойте истуканом и не пугайте девочек. То есть, я хочу сказать, мальчиков…

И затем, уже совсем осмелев, Яло постучала костяшками пальцев в металлическую грудь рыцаря. Доспехи гулко зазвенели, и девочка рассмеялась. Под доспехами никого не было. Металлический человек был пуст, как выпитая бочка.

Улыбаясь, Яло ещё раз постучала по доспехам рыцаря, подёргала забрало, потрогала копьё и

наконец со вздохом облокотилась на щит с коршуном.

Щит вдруг сдвинулся с места. Какие-то пружины звякнули внутри рыцаря, и что-то заскрежетало за спиной у Яло.

Она оглянулась и от удивления открыла рот: часть стены опустилась в землю. Факел осветил узкие ступени, круто уходящие вниз.

Это был подземный ход.

Яло быстро спустилась по скользким каменным ступеням и торопливо зашагала по узкому проходу. Вскоре её постигло несчастье: догорел и погас факел.

Отшвырнув факел, Яло пошла вперёд с вытянутыми перед собой руками. С отсыревшего потолка на неё падали холодные капли. Несколько раз Яло чувствовала, как по ногам пробегали крысы. Бедная Яло, как испуганно билось её сердечко! Но она упрямо шла вперёд и шептала слова песенки:

А если трудный час придёт,
Не унывай, дружок!
Пусть тьма, пусть ночь, —
Шагай вперёд
И помни наш флажок!

И вот, наконец, впереди показался слабый свет. Он едва пробивался сквозь щели стены, в которую вдруг упёрся подземный ход. И этот неясный тусклый свет обрадовал Яло, как солнце. Сбоку она увидела рычаг и поняла, что на него нужно нажать, чтобы открыть проход. Яло уже подняла к рычагу руку, как вдруг услышала голос.

Прислонив глаз к одной из щелей, девочка увидела полукруглые белые перила, затянутые вьющейся зеленью. По-видимому, это была беседка. За беседкой виднелись вершины деревьев, остроконечные стеклянные башенки и крыша огромного здания. Эта беседка была построена, вероятно, на очень высоком месте.

Яло посмотрела в другую щель и увидела Нушрока, Анидаг и Абажа, которые сидели за столиком в больших креслах.

Глава четырнадцатая, в которой Яло встречается с Олей

Яло смотрела на человека, состоящего из двух шаров, кусала губы и вздрагивала от сдерживаемого смеха. Глаза на верхнем шаре были прикрыты сморщенными веками. Абаж о чём-то думал. Нушрок и Анидаг выжидательно молчали. Но вот веки Абажа зашевелились и открыли глаза.

— Я согласен с вами, Нушрок, — наконец сказал Абаж. — Нам нужен новый король. Да, да, новый король!

— Я не сомневался, Абаж, что вы будете моим единомышленником, — ответил Нушрок. — Я лишь сожалел, что вас не было в городе и я не мог посоветоваться с вами.

— Но я не во всём согласен с вами, Нушрок, — замигал веками Абаж. — На троне должен быть мужчина!

Чёрные птичьи глаза Нушрока смотрели зло и вопросительно. Абаж засопел и продолжал:

— Не думаете ли вы, что мы чего-нибудь достигнем, если снимем корону с уродливой куклы

и наденем её на красивую куклу?

Лицо Анидаг вспыхнуло от гнева:

— Вы чрезвычайно любезны, Абаж!

— Министр Абаж! — пискнул Нушрок. — Мне кажется, что вы могли бы выбирать другие выражения, когда речь идёт о моей дочери!

Абаж устремил свои хитрые зелёные глаза на Анидаг.

— Я приношу свои извинения вашей прекрасной дочери, если моя откровенная речь ей не совсем приятна. Однако выслушайте меня спокойно, Нушрок. Поймите, на троне должен быть решительный и мужественный человек. Да, да! На троне должен быть мужчина. Тогда зеркальщики не будут засылать своих лазутчиков в наши замки! А самых беспокойных мы закуём в кандалы и запрём их вот этим ключом! — Абаж вынул из кармана ключ и взмахнул им.

У Яло забилось сердце. Немигающим взглядом она смотрела на ключ.

— Кто же всё-таки, по-вашему, должен быть королём? — спросил Нушрок изменившимся, почти глухим голосом.

— Мой сын, который, если хотите, женится на вашей дочери, — ответил Абаж. — Тогда мы вместе с вами будем управлять королевством.

— Вы хотите устроить получше свои дела, Абаж?

— Так же, как и вы, Нушрок. Мне, например, известно, что вместо кривых зеркал вы хотите начать делать оружие.

— Тсс… Молчите! Кто вам сказал об этом?

— Будьте спокойны, Нушрок. Об этом никто не узнает.

Все замолчали.

— Хорошо, Абаж, я согласен: мы поженим наших детей, — сказал Нушрок. — А теперь дайте мне ваш ключ.

— Зачем вам понадобился мой ключ, Нушрок?

— Королевский ключ пропал.

Зелёные глаза Абажа расширились.

— Пропал? Значит, я единственный обладатель той драгоценности, которая держит в страхе всё королевство?

— Дайте мне ваш ключ, Абаж! — повысил голос Нушрок.

— Я не отдам его так просто! — поднялся Абаж, и его живот заколыхался над столиком. — О, не смотрите, не смотрите на меня, Нушрок!

— Я знаю, Абаж, почему вы не хотите отдать мне ключ! — очень тихим, вздрагивающим от ярости голосом проговорил главный министр.

— Почему?

Нушрок поднялся во весь рост и пропищал:

— Потому что этот ключ подходит к кладовым с государственной казной! — Он вдруг ухватил Абажа за плечи. — Отдайте ключ!

— Не дам! — завопил Абаж, пытаясь сбросить со своих плеч руки Нушрока.

— Нет, отдашь, толстая жаба!



Они схватились, сопя и тяжело дыша, и вдруг рухнули на пол. Ключ со звоном отлетел в сторону. Яло слышала, как завизжала Анидаг, стараясь ухватить Абажа за волосы.

Яло нажала на рычаг. Заржавленные пружины заскрипели, и стена подалась в сторону, увлекая за собой гирлянды вьющейся зелени.

Девочка прыгнула в беседку и подхватила с пола ключ.

— Ключ! — завопила Анидаг. — Ключ!

Но захваченные борьбой Нушрок и Абаж не слышали её.

Яло искала глазами, куда бежать, и почувствовала, что её схватили за курточку.

— Пустите! — рванулась Яло, но пальцы Анидаг уже сжимали ей плечи.

— Нет, ты не уйдёшь от меня! — прошипела Анидаг.

Яло взглянула в её большие чёрные глаза и отшатнулась: «Как она похожа на Нушрока, когда злится!»

Глаза Анидаг налились кровью, и на лице выступили пятна, а заострившийся нос, казалось, приготовился клюнуть.

— Проклятые коршуны! — закричала Яло. — Вы больше меня не запугаете! Пустите, я совсем не боюсь вас!

Девочка рванулась, костюм пажа затрещал, и в руках Анидаг остался лишь обрывок рукава. Яло вскочила на перила беседки и свалилась на

клумбу цветов.

— Держите его! Держите!.. — визгливо закричала ей вслед Анидаг.

Яло обежала большой фонтан, споткнулась, растянулась на дорожке, вскочила и, бросившись в кусты, упёрлась в ограду. Она слышала, как, путаясь в длинном платье, за ней бежала дочь Нушрока. Девочка оглянулась. В развевающемся плаще по ступенькам беседки сбегал Нушрок. Следом за ним катился Абаж.

Яло торопливо взобралась на ограду и, прыгнув вниз, лицом к лицу столкнулась с Олей.

— Яло! Милая!..

— Оля, у меня ключ! — задыхаясь, сказала Яло.

Оля без слов схватила её за руку и потащила к коляске, на козлах которой дремал Бар.

— Дядюшка Бар, дорогой, отвезите нас в город. Завтра должны казнить маленького зеркальщика Гурда, — быстро говорила Оля. — Мы можем его спасти. Умоляю вас, дядюшка Бар!

— Держите его, держите! — доносился из сада пронзительный голос Анидаг.

— Гурд? — спросил Бар. — Я слышал о нём. Это смелый парень. Эх, была не была! Садитесь, друзья!

Девочки вскочили в коляску. Бар взмахнул

кнутом. Словно ураган, понеслись вперёд добрые кони.

— Только как вы это опять очутились вместе? — обернулся к девочкам Бар. — Чудеса!

— Мы вам потом всё-всё расскажем. А теперь скорей в город! Пожалуйста, скорей, дядюшка Бар!

Глава пятнадцатая, в которой Оля освобождает Гурда и побеждает Нушрока

Лошади мчались так быстро, что временами девочкам казалось, будто карета не катится, а летит по воздуху. Страшные пропасти и грозные скалы окружали извивающуюся в горах дорогу, которая словно по спирали поднималась всё выше и выше.

Яростный ветер бил в лицо девочек.

— Только бы успеть, Яло!

— Да, только бы успеть, Оля!

— Скорей, скорей, дядюшка Бар!

Оля оглянулась и увидела далеко внизу на дороге крошечного всадника. Плащ всадника, словно чёрное разбойничье знамя, бился на ветру за его спиной.

— Дядюшка Бар! — закричала Оля. — Нушрок гонится за нами!

Бар остановил лошадей и спрыгнул на дорогу. Девочки удивлённо посмотрели на него.

На зелёном склоне паслись овцы. Старый пастух в белой одежде, словно изваяние, стоял над

каменным обрывом, опираясь на посох. Ветер трепал его длинные седые волосы.

Бар подбежал к пастуху, что-то быстро сказал ему, показывая вниз, на чёрного всадника. Старик кивнул головой.



Оля увидела, как старик и Бар начали сталки-

вать вниз камни. Сначала медленно, потом всё быстрее и быстрее катятся камни вниз, сбивая и увлекая за собой другие.

Вскоре до слуха девочек донёсся грохот обвала, и тучи пыли поднялись над нижней дорогой.

Бар подошёл к девочкам и подмигнул:

— Если эти камешки и не накроют Нушрока, то задержат надолго!

…Рисовые поля, похожие на зеркало, горы с обрывами и скалами, зелёные королевские виноградники остались, наконец, позади. Город со сверкающими башнями и шпилями приближался с каждой секундой. Ещё издалека увидели девочки тёмный силуэт Башни смерти, поднимающейся под самые облака. И Оле вдруг показалось, будто жёлтая тень этой башни лежит на всей стране.

— Скорей, скорей, дядюшка Бар!

— Мы уже въезжаем в город, друзья.

Но вот, наконец, и Башня смерти. Бар натянул вожжи, лошади остановились, словно вкопанные; они храпели, белая пена висела на их удилах. Оля и Яло стремительно выскочили из коляски.

Стражник загородил им путь:

— Простите, ваши сиятельства, но только господин Нушрок запретил мне пускать пажей на

Башню смерти.

— Что ты, приятель! — похлопал его по плечу Бар. — Разве ты не видишь, что их сиятельства приехали казнить зеркальщика? Посмотри, вон у них и ключ от кандалов.

Стражник пожал плечами и сказал:

— Ну что ж, коли так — идите!

Девочки, задыхаясь, бежали вверх по лестнице.

— Только бы успеть, Яло!

— Да, только бы успеть, Оля!

Опять во мраке заметались летучие мыши, опять застонала сова… Будет ли когда-нибудь конец бесчисленным ступеням?!

Бледные, с бьющимися сердцами девочки взбежали, наконец, на площадку крыши.

— Вот и мы, Гурд!

— Здравствуй, Гурд!

— Здравствуйте! — ответил радостно мальчик. — Я вас так ждал!.. Я верил, что вы придёте!

Сегодня Гурд выглядел куда лучше. Глаза его радостно блестели. Оля склонилась над мальчиком. Замок щёлкнул, звеня; упали цепи.

— Ты свободен, Гурд! Вставай!

Девочки помогли Гурду подняться. Какой он всё-таки слабый! Оля торопливо сняла с себя ко-

стюм пажа и осталась в своём школьном платье с красным галстуком.

— Быстрей надень этот костюм, Гурд!

Яло испуганно посмотрела на подругу.

— А как же ты, Оля!

— Я всё обдумала, Яло. Так надо! Стражник подумает, что это я, а не Гурд.

— А ты?

— Я как-нибудь выберусь отсюда, Яло. Я здоровая и сильная. И я очень быстро бегаю… Не беспокойся обо мне.

— Но, Оля…

— Быстрей, Яло! Нельзя терять ни секунды!

Яло и Гурд ушли. Оля слышала, как постепенно удалялся шум их шагов. Она села на площадку и задумалась: что же ей теперь делать? Вернуться домой! Сегодня же! Только бы выскользнуть из этой ужасной башни! Оля легла на живот и подползла к самому краю площадки. Далеко-далеко внизу виднелась карета величиной с ноготок и такие же крошечные лошади. Значит, Яло и Гурд ещё не вышли из башни. Как, однако, долго они спускаются! Ах, наконец-то они показались! Вот они подошли к карете. Вот стражник подсаживает их в коляску. И вот, наконец, лошади трогаются и несут карету к городу.

Оля облегчённо вздохнула. Теперь и ей можно спуститься с башни.

Она сбежала вниз, прыгая через одну и даже через две ступеньки. Потом, когда скрылось отверстие в крыше и стало темно, девочка пошла медленнее. Несколько летучих мышей задели её своими крыльями. Но она не замечала их.

Ступени, ступени, ступени! И вдруг девочка остановилась: кто-то поднимался ей навстречу.

— Кто здесь?

Человек не отвечал. Девочка слышала только его прерывистое дыхание. Она в страхе пятилась от надвигающегося человека и поднималась всё выше. А когда в отверстии крыши забрезжил свет, она разглядела чёрный плащ и в отчаянии закрыла глаза рукой. Но вместе с отчаянием в ней поднялась волна ненависти к этому отвратительному человеку.

«Нет же, нет, — стискивая зубы, подумала Оля, — я не боюсь его!»

Нушрок вышел следом за Олей на крышу и остановился, увидев цепи, которые лежали на камнях, будто мёртвые змеи.

— Девчонка! — очень тихо сказал Нушрок. — Так это ты освободила зеркальщика?..

Оля не отвечала. Нушрок сделал к ней шаг и

продолжал так же тихо, дрожа от ярости:

— Ты полетишь сейчас вниз, девчонка! Под моим взглядом ты сама бросишься вниз! Ну?! Что же ты не опускаешь своих глаз, девчонка?

Оля сжалась, однако не опустила перед Нушроком своих чистых голубых глаз. Наоборот, она широко открыла их и, не мигая, смотрела в хищные глаза человека-коршуна.

— Нет, я не опущу перед тобой глаз, проклятый Коршун! — вдруг крикнула она. — Я не боюсь тебя, потому что презираю! Я знаю, что ложь никогда не убьёт правду! А правда на моей стороне.

Девочка и человек-коршун застыли в страшном единоборстве. И вот в чёрных глазах Нушрока мелькнул ужас, и по лицу пробежала судорога. Он втянул голову в плечи и стал отступать. И по мере того как сгибался Нушрок, Оля всё больше выпрямлялась, чувствуя, как её охватывает ликование.

Ей казалось, что из её глаз вылетают молнии и она пронизывает Нушрока своим взглядом. Лицо Нушрока исказила гримаса. Он пятился всё дальше к краю площадки и, наконец, не выдержал, опустил глаза и закрыл их ладонью.



— Ага, ты опустил глаза! — торжествующе закричала Оля. — Ты боишься правды, проклятый

Коршун!

— Кто ты? — тяжело дыша, спросил Нушрок. — Я никогда не видел таких глаз… И почему меня пугает этот взгляд? Откуда ты пришла, девчонка? О-о, какие светлые глаза!.. Как страшно! Не смотри, не смотри на меня! Мне душно! Мне нечем дышать! Не смотри-и…

Нушрок сделал ещё шаг назад. Это был его последний шаг. Он сорвался с Башни смерти и разбился на тысячи стеклянных осколков.

Глава шестнадцатая, и последняя, в которой Оля снова слышит голос волшебного зеркала

Если бы вы только могли видеть, что делалось внизу, когда Оля спустилась с башни!

— Нушрок разбился! Нушрок разбился! — во всю силу лёгких кричал стражник, подбрасывая вверх свою алебарду. — Сколько лет я ждал этой минуты!

Со всех концов города к башне торопились люди. Среди них было множество девочек и мальчиков. В толпе Оля увидела Яло, Гурда и Бара. Они налетели на неё, как вихрь, и чуть не задушили в своих объятиях.

Потом, расталкивая всех, к Оле протиснулась женщина в белом колпаке.

— Тётушка Аксал!

— Фазанята! Добрые мои девочки!..

Как радостно обнимала Олю и Яло тётушка Аксал! У неё дрожали руки, и она без конца повторяла, всхлипывая:

— Фазанята, славные мои фазанята!

Кто-то закричал в толпе:

— Гурд! Ты жив, мальчик?!

— Друзья! — ответил Гурд. — Эта девочка спасла мне жизнь!

Какая буря приветствий раздалась кругом! А Оля стояла раскрасневшаяся, неловко опустив руки, не зная, куда деваться от смущения.

— Эта девочка, — крикнула тётушка Аксал, — пришла из чудесной страны, где сердца всех людей благородны и отважны!

— Оля! — закричали дети. — Оставайся с нами!

— Оставайся с нами! — раздавалось со всех сторон.

Гурд посмотрел в глаза Оли и сказал:

— Ты слышишь, Оля?

Неожиданно для самой себя Оля взмахнула косичками и заговорила. И её слабый голосок вдруг стал таким звонким, что его услышали на самых отдалённых улицах города.

— Я не могу остаться с вами, дорогие друзья, потому что нет на свете ничего прекраснее и лучше моей страны! Вы, наверно, тоже построите когда-нибудь такую же светлую жизнь, как в моей стране. Я верю в это, дорогие друзья!

Потом Оля и Яло шли по городу, и все встречали их и расступались перед ними с улыбками и приветственными криками. Повсюду слышался звон

стекла. Это горожане разбивали кривые зеркала на площадях и улицах города. И этот звон звучал, как музыка.

— Оля, давай споём нашу песенку, — предложила Яло.

Оля кивнула, и девочки радостно запели:

Ничто не остановит нас,
Когда нам цель ясна!
«Вперёд, вперёд!» — дала наказ
Любимая страна.

Солнце ярко сверкало над городом, и всё искрилось вокруг. Песню подхватил Гурд. А вслед за ним её начали петь мальчики и девочки.

Вот, наконец, и площадь с фонтаном, а вот и стеклянная лестница, уходящая вверх. Оля нежно простилась с тётушкой Аксал, Гурдом и Баром. Сотни мальчиков и девочек прощально махали ей руками.

Оля и Яло медленно поднимались по лестнице. Ступени, словно струны, звенели под их ногами. И вдруг девочки услышали отдалённый грохот. Они оглянулись. Далеко за городом рухнула Башня смерти, а там, где она стояла, в воздух поднялась, всё более разрастаясь, туча чёрной пыли. Весь город неумолчно шумел радостными

криками. И девочки ещё раз подняли вверх руки, прощаясь со страной, жители которой перестали верить кривым зеркалам.



На самой вершине холма они раздвинули ку-

сты и выпрыгнули из книги в переднюю. И в ту же секунду Оля увидела у своих ног книгу, на обложке которой было написано: «икзакС». Затем по чистой глади зеркала побежали голубые волны. Она услышала красивый звенящий голос, будто ударились друг о дружку хрустальные стёклышки:

— Ты хочешь вернуться домой, Оля?

— Очень!

— Ты не жалеешь о том, что побывала в Королевстве кривых зеркал?

— О нет, я так благодарна тебе, волшебное зеркало! Ведь я так много видела и так много поняла! Я раньше даже и представить себе не могла, что маленькие недостатки могут так помешать в трудную минуту!

Волны на гладком стекле зеркала успокоились, и голубой туман рассеялся. Стекло исчезло. Осталась только одна рама от зеркала.

— Прощай, дорогая Яло…

— Прощай, Оля! Спасибо, что ты научила меня быть смелой и доброй.

Подруги обнялись и расцеловались.

Потом Оля быстро переступила через раму и оглянулась. По зеркалу уже снова скользили голубые волны.

Когда они рассеялись, Оля снова увидела Яло, улыбнулась ей и помахала правой рукой. Яло тоже ей ответила улыбкой и помахала левой рукой.

Скрипнула дверь.

— Опять ты вертишься перед зеркалом! — сказала бабушка, появляясь в передней. — Небось не отходила от него, пока я была у слесаря… Ну, вот я и получила новый ключ. Смотри, больше не теряй его, Оля!

Оля повисла у бабушки на шее.

— Бабунечка, родненькая, здравствуй, как я рада!

— Батюшки! — растроганно и немного растерянно сказала старушка. — Что это с тобой? Как будто год не виделись, а расстались-то всего десять минут назад.

— Как ты запыхалась, бедненькая! И почему я сама не пошла за ключом?

— Да ведь ты же боялась темноты.

Оля горячо поцеловала бабушку.

— Что с тобой, девочка? Чем ты так взволнована?

— Я тебе всё, всё расскажу.

— Да что случилось?

— Я просто, бабушка…

— Ну что? Что?

— Я просто… посмотрела на себя со стороны.

Обняв растроганную, улыбающуюся бабушку, Оля украдкой взглянула в зеркало и снова помахала рукой Яло. И странно: ей показалось, что Яло запоздала ответить ей таким же движением и, замешкавшись, смахнула со щеки слезу. Впрочем, всё это, конечно, Оле только показалось…



В тридевятом царстве



Глава 1



Весёлая и шумная группа наших лыжников ехала на международные соревнования в одно маленькое королевство.

Самой весёлой среди спортсменов считалась семнадцатилетняя выпускница средней школы по имени Оксана. Она неустанно шутила и распевала разные песенки.

В поезде лыжники долго искали на карте цель своего путешествия.

— Королевство Карликия, — бормотал один из них, водя пальцем по карте. — Ну-ка, где это тридевятое царство? Хм… Вот Австрия, Швейцария, Дания, Бельгия… А где же Карликия?

Один из спортсменов высказал предположение, что Карликия имеет два названия как, например, Голландия — Нидерланды.

Однако в справочнике второе название Карликии не было указано.

— Напрасно ищете, — усмехнулась Оксана. — Карликия — страна величиной с носовой платок, и поэтому её не всегда указывают на картах. Уж я-то знаю: мама преподаёт карликийский язык в институте и много рассказывала. Я даже могу говорить по-карликански.

Скорый поезд глухо выстукивал на стыках рельсов однообразный походный марш. В конце вторых суток он привёз лыжников в столицу Карликии — город Гриж.

Вдоль узких улиц столицы стояли древние дома с остроконечными башенками. Там и тут, словно растолкав эти дома локтями, на улицу выбирались квадратные современные здания из стекла и стали. Сверкали витрины магазинов. Автомобили

скучали в длинных очередях. Пахло бензином и гарью. На перекрёстках нарядные полицейские, в цилиндрических шапках с пышными султанами и золотыми позументами, лениво дирижировали движением. Каждый полицейский походил на императора. Толпы людей с озабоченными лицами куда-то двигались по тротуарам. У входа в кафе старый мужчина в потёртом пиджаке что-то играл на скрипке. Некоторые прохожие бросали монетки в шляпу, лежащую перед музыкантом на каменной плите.

Всё это Оксана успела разглядеть из окна автобуса, который вёз лыжников в загородный отель.

В городских скверах ещё зеленели деревья и на клумбах пестрели цветы, но в горах было холодно.

Уже смеркалось, когда лыжники добрались до отеля.

Это была самая заурядная гостиница, каких много. Несмотря на то что из её окон открывался живописный вид на заснеженные ущелья, зубчатые скалы и крутые склоны, поросшие сосняком, в номерах было душно и тесно, и пахло кухней. Её горячие запахи доносились откуда-то снизу, и по этим запахам можно было точно установить, что в эту минуту варится или жарится — луковый

суп или рагу из кролика.

Прежде чем лечь спать, Оксана открыла окно, включила на тумбочке крохотный приёмник и лишь после этого нырнула под одеяло.

Из Грижа передача шла на карликийском языке.

Приятный баритон диктора извещал дам и господ, что поиски исчезнувшей юной королевы Изабеллы идут всё ещё безуспешно и что первая фрейлина её величества собирается выписать откуда-то всемирно известную гадалку, которая обещает точно указать то место, где злые силы скрывают единственную наследницу карликийского престола.

«Оказывается, на свете ещё есть пещерные люди, верящие в гадалок! — изумлённо подумала Оксана. — Вот дикари!»

Она даже не пожалела юную Изабеллу, похищенную какими-то гангстерами, выключила приёмник и, свернувшись под одеялом калачиком, уснула. В конце концов, какое ей дело до каких-то там королев?

Она проснулась от холода, который мощной струёй вливался в комнату. Кутаясь в одеяло, Оксана бросилась к окну, чтобы закрыть его, и, поражённая и счастливая, застыла у подокон-

ника. Ночью в горах выпал свежий глубокий снег. В свете рождающегося дня склоны гор потрясли Оксану своей первозданной белизной. Из-за неровной гряды скал выкатилось красное солнце, и каждая снежинка приветствовала его нестерпимым сверканием.

Несколько незнакомых лыжников у входа в отель прилаживали лыжи. Оксана торопливо выхватила из рюкзака спортивный костюм, оделась, стуча зубами от холода и волнения, и, прыгая через две ступеньки, устремилась вниз по лестнице.

— Мадемуазель тоже хочет сделать променад? — вежливо спросила её у входа пожилая консьержка.

— О, мадам! — только и смогла вымолвить задыхающаяся Оксана. Ей уже было жарко, она раскраснелась, и её глаза искрились, как снег на полуденном солнце.

— Будьте осторожны в горах, — сказала консьержка и вздохнула: — У вас очаровательная улыбка, мадемуазель! Так улыбаются только очень счастливые люди!

Как стремительно Оксана летала со склона на склон! Чистейший горный воздух раздувал её легкие. Только об одном жалела она в эти минуты

— о том, что её не видят сейчас одноклассники.

Леса и перелески на горах справа и слева надвигались на неё и словно опрокидывались на спину. Сколько километров уже за плечами? Десять или двадцать?

И вдруг — крак! Правая лыжа задела за невидимый под снегом камень и с треском сломалась. Оксана несколько раз перевернулась через голову, пролетела над каким-то кустом, чувствуя, как он раздирает штанину на её левом колене, и зарылась наконец в сугроб.

Она с трудом вылезла из сугроба и села на снег. Какая досада!

Оксана огляделась. Кругом было тихо, бело и безлюдно. С вековой сосны на неё бесшумно сыпался снег.

Она освободила ботинки от ненужных теперь лыж, поднялась и слабо простонала. Без посторонней помощи ей не пройти и полкилометра: кажется, она вывихнула ногу! Солнце поднималось всё выше, и снег начал сверкать так ярко, что её глаза заслезились. Оксана попробовала ползти по лыжному следу, но скоро поняла, что так она доберётся до отеля не раньше, чем через год. Она снова села на снег и собиралась было заплакать, как вдруг увидела на полянке метрах

в тридцати от себя небольшую деревянную хижину. Это было спасение!

Через несколько минут Оксана ползком поднялась на заснеженное крылечко и постучала в дверь.

— Назад! — истошным голосом закричали в хижине по-карликийски — это был высокий девичий голос. — Назад, или я стреляю!

Но Оксана уже толкнула дверь, и в ту же секунду треснул резкий короткий выстрел.

Раньше чем Оксана успела сообразить, что стреляли в неё не шутя, а по всем правилам, потому что пуля отщипнула над головой кусочек дверной доски, она увидела у противоположной стены бледную, насмерть перепуганную девушку в меховой шубке с дымящимся пистолетом в руке.

— Ты что, рехнулась? — в забывчивости закричала Оксана по-русски. — Если бы я не ползла, а стояла, ты влепила бы мне пулю прямо между глаз!

— Я вас не понимаю… — дрожащим голосом сказала бледная девушка, всё ещё держа пистолет в вытянутой руке.

— Ах, ты меня не понимаешь? А как убивать людей, ты понимаешь? Да убери же ты наконец

свою трещалку!

— Ты одна? — спросила девушка, опуская пистолет.

— Да, — сказала Оксана, поднимаясь на ноги и держась за стенку, чтобы не упасть.

— Совсем одна? — снова спросила девушка, подозрительно косясь на приоткрытую дверь.

— Совсем, — подтвердила Оксана, — честное слово. Кого ты боишься?

— Детективов из Грижа, — вздохнула девушка. — А кто ты?

— Я? Как тебе сказать?.. Просто Оксана… А кто ты?

— Я королева Изабелла, — сказала девушка так просто, как обычно школьницы говорят: «Я староста класса».

— О! — вырвалось у Оксаны. — Так это из-за тебя поднялась такая кутерьма! Я слышала по радио, что тебя украли.

Румянец начал возвращаться на бледное лицо юной королевы.

— Никто меня не украл, — усмехнулась она, — закрой, пожалуйста, дверь, я дрожу от холода… Ведь я в нетопленой избушке живу уже целые сутки.

— А почему ты не затопишь печь? Я вижу здесь

целую кучу дров.

— Я пробовала, но… камин почему-то не стал топиться.

— Хочешь, я затоплю?

— Я буду очень признательна тебе.

Оксана села на маленькую скамью перед камином и растопила его. Запахло дымком, золотой огонь запрыгал за чугунной решёткой камина, и в комнату повеяло приятным теплом. Изабелла присела рядом с Оксаной, глядя на огонь широко открытыми глазами; в глубине её зрачков неясно теплилась улыбка.

— Послушай, а ведь ты красивая, — сказала Оксана. — Интересно, сколько тебе лет?

— Семнадцать.

— Я так и думала, что ты моя ровесница. Хотя уж очень щупленькая для семнадцати.

— Ты ошибаешься, Оксана, — несколько обиженным тоном проговорила Изабелла, — я не щупленькая, а изящная… Да, изящная! Во всяком случае, так считает Джек…

— А кто это — Джек?

— А разве ты не знаешь?

— Откуда я могу знать, кто такой Джек? У нас во дворе есть один Джек — великолепная овчарка, шесть медалей!

— Джек — мой парикмахер! — с достоинством сказала юная королева. Она помолчала и прибавила: — Хочешь, я расскажу тебе свою тайну? Ты мне почему-то нравишься… Только поклянись, что ты никому не проговоришься, что видела меня!

— Клянусь! Я ужасно люблю всякие тайны! В нашем классе все девочки доверяли мне свои тайны.

— Хорошо, слушай…

Глава 2

Огонь неумолчно потрескивал в камине. В комнате стало совсем тепло, королева расстегнула пышную соболью шубку и небрежным жестом отбросила на спину такой же пышный капюшон.

— Мой покойный отец — один из самых великих королей Карликии, — начала Изабелла свой рассказ, — он всегда шёл в ногу со временем…

— Он отказался от престола? — спросила Оксана.

— Ты сошла с ума! — воскликнула Изабелла. — Чего ради он должен был отказываться от престола?

— Ты сама сказала, что он шёл в ногу со временем…

— Да, — чуть поморщилась Изабелла, — но я имела в виду воспитание детей.

— Школьников?

— М-м… воспитание королевских детей… Отец считал, что в наше беспокойное время королевские дети должны воспитываться в пансионе вместе с простолюдинами.

— Вот как!

— Да, вместе с простолюдинами, чтобы совер-

шенно точно знать, как они живут и что им надо. Отец говорил, что знание простолюдинов — это средство борьбы с революцией.

— Я не совсем точно понимаю, кого ты называешь простолюдинами…

— О Господи, какая ты бестолковая! Ну, этих, всяких…

— Рабочих? Крестьян?

— Ну, до этого, разумеется, не дошло, однако в пансионе, где я училась, были самые простые девочки. Например, дочь военного министра и даже дочь начальника департамента железных дорог. Пять лет я провела вместе с ними за океаном. Боже мой, как нам весело жилось!

— Погоди, ты сказала — за океаном?

— Конечно, за океаном. Я жила в Америке инкогнито, и никто не знал, что в женском пансионе воспитывается дочь короля.

— А разве такого пансиона нет в вашей стране?

— В нашем королевстве меня все сразу узнали бы!

— Но ведь ты должна была изучать своих «простолюдинов»?

— Отец уверял, что простолюдины одинаковы во всех странах.

Две девушки сидели рядом и смотрели в огонь — юная королева и юная школьница. Обе улыбались — каждая своим мыслям. Как ни странно, чем-то они были похожи одна на другую и в то же время не похожи, потому что уж очень ясно в Изабелле, в её царственных движениях, в повороте холёной головки, в интонациях голоса проступало величие. Обе были белолицы, кареглазы и светловолосы, но каждая была белолица и кареглаза по-своему. И даже улыбалась каждая из них по-своему — Изабелла красивой, с самого раннего детства натренированной улыбкой, сверкая сахарными зубами, а Оксана — широкой, светлой и подкупающе искренней улыбкой. Похожими их делала та величайшая волшебная сила, которая называется юностью.

— О'кей! — вдруг сказала королева, как настоящая американка. — Наконец-то я вспомнила, где я тебя видела. Ведь ты шведка, правда? В прошлом году ты приезжала с отцом на американский курорт Майями. Твой отец — крупный промышленник и, кажется, имеет титул графа.

— Нет, я не шведка, — сказала Оксана, — и мой отец не имеет титул графа.

— Но тебя выдаёт твой шведский акцент!

— Я русская, и мой отец, так же как и мама,

имеет титул учителя. Кстати, мама преподаёт карликийский язык.

Королева звонко расхохоталась:

— Однако ты шутница!.. Так слушай же, я не кончила рассказ о моей тайне.

— Я вся внимание!

Королева глубоко вздохнула и торжественно произнесла:

— Оксана! Ещё раз обещай мне никому об этом не рассказывать в Швеции!

— Уж это я обещаю! — улыбнулась Оксана.

Королева снова вздохнула:

— Оксана! Я выхожу замуж!

Оксана посмотрела на неё глазами, округлившимися от изумления.

— Я бы на твоём месте не торопилась…

— Ах, если бы ты знала, как я его люблю!

— Кого?

— Моего Джека!

— Парикмахера?

— Да! — пламенно прошептала королева. — Оксана! Ах, как он красив! Пять лет он каждый день приходил делать мне причёску!

— Ну что ж, выходи за него, если тебе так хочется, но я слышала, что королевы могут выходить замуж только за королей!

— Увы, ты права… И это самое ужасное! Когда я заикнулась о том, что люблю Джека, на меня ополчились не только близкие, но и правительство Карликии. Поднялся ужасный шум! Морганатический брак! Позор всему королевскому роду! Состоялось даже закрытое заседание парламента.

— Нечего, видно, делать вашему парламенту!

— Представь себе! В общем, обстановка невыносимая! И тогда мы с Джеком решили обвенчаться тайно и бежать в Австралию!

— Здорово!

— Но в это время умирает мой батюшка, и меня, как единственную наследницу, провозглашают королевой Карликии. И накануне свадьбы за мной является почётная охрана — пятьсот человек! Бедного Джека даже не допустили ко мне! У меня не хватит слов, дорогая Оксана, чтобы рассказать, как я страдала! Но слава моему Джеку! За несколько минут до отлёта из Америки я получаю от него записку, что в воздухе мне надлежит инсценировать морскую болезнь. Я так и поступаю… Самолёт запрашивает посадку и приземляется на каком-то острове. Машина «скорой помощи» увозит меня… Но не в больницу, а на другой самолёт!.. Через несколько часов

мы опустились на одном частном аэродроме в Карликии. Расчёт Джека был прост: раз я была похищена на пути домой, значит, меня будут искать где угодно, но только не дома… Я спокойно прожила целую неделю на маленькой, но очень милой вилле. Друзья Джека охраняли меня. Сам он должен был прибыть за мной со дня на день. Он заканчивал в Америке наши общие дела: нужно было перевести в австралийский банк два миллиона долларов, которые нам удалось скопить в Америке из числа моих карманных денег. На первое время, если жить экономно, нам хватит этих денег, ведь правда же?

— Да, конечно, — согласилась Оксана, усмехаясь.

— И представь себе новое несчастье! — продолжала Изабелла. — Разведка Карликии разнюхала, где я скрываюсь! Боже мой, как я испугалась, когда однажды утром друзья сообщили мне, что поблизости уже рыскают детективы из Грижа! И вот вчера меня незаметно переправили сюда, в этот охотничий домик. Обстоятельства сложились так, что я должна была провести здесь ночь совсем одна. Если бы ты знала, какой страх я испытала! Мне казалось, что у каждого окна кто-то стоит! А когда пошёл снег, вокруг дома начали

двигаться белые привидения… Я отчётливо их видела собственными глазами!.. На чердаке я слышала чьи-то шаги, кто-то с кем-то шептался… Ты думаешь, это плод взбудораженного воображения? Возможно… Но как бы то ни было, я забылась сном только под утро. И вдруг твой стук! Прости меня, Бога ради, за выстрел, но ты должна понять, в каком я была состоянии…

— Я не сержусь, — сказала Оксана.

— Благодарю, — кивнула королева. — Я охотно зачисляю тебя в число моих друзей и буду рада принять тебя в Австралии. Джек, кстати сказать, уже купил на взморье неподалёку от Сиднея прелестную виллу. И совсем недорого — всего за восемьсот тысяч долларов. — Она грустно покачала головой: — Теперь, когда мы становимся с моим Джеком изгоями, нам придётся считать каждый грош! Но на какие жертвы не пойдёшь ради любви!

— И сколько же дней ты должна ещё жить в этом домике? — спросила Оксана, разглядывая пустынную комнату. — Мне кажется, это жильё не приспособлено для отдыха!

— Сколько дней? — почти закричала королева. — Ещё одна такая ночь — и я сойду с ума! К счастью, мне осталось ждать считанные часы…

А может быть, даже считанные минуты! О, мой Джек всё предусмотрел! Очень скоро над этой поляной появится вертолёт одной американской фирмы и заберёт меня. Нам бы только добраться до Лозанны, а оттуда на воздушном экспрессе мы перенесёмся в Лиссабон. Наши следы затеряются и… здравствуй, Австралия!

Глава 3

Не успела королева произнести эти слова, как за окнами охотничьего домика раздался приглушённый рокот мотора.

— Вертолёт! — вскрикнула Изабелла, заливаясь краской. — Мой милый Джек умеет держать слово!

Она выбежала на крыльцо, а следом за ней, прихрамывая на одну ногу, вышла Оксана, придерживая разорванную на левом колене штанину.

Вертолёт, словно огромная саранча, вертел над поляной крыльями, торопливые тени бежали по снегу. Рокот мотора перешёл в рёв, вертолёт повис над сугробами, кто-то там, наверху, открыл дверцу и бросил вниз верёвочную лестницу.

— Джек! — закричала королева. — Джек!

Она бросилась к верёвочной лестнице, по пояс зарывшись в снег. Она очень торопилась, задыхаясь и размахивая руками, но двигалась всё-таки медленно, с трудом раздвигая тяжёлый снег. Оксана видела, как королева вдруг сбросила на снег свою пышную шубку с капюшоном, сделала стремительный рывок вперёд и вцепилась наконец в

верёвочную лестницу.

— Сумасшедшая! — закричала Оксана, ковыляя следом за королевой. — Ты простудишься! Надень шубу!

Она подхватила со снега королевскую шубку. Она торопилась за Изабеллой, но та уже сидела на лестнице, болтая ногами, и что-то весело кричала — что именно, разобрать из-за рёва мотора было совершенно невозможно.

Через полминуты лестницу вместе с королевой втянули внутрь вертолёта, дверца захлопнулась, крылья бешено завертелись, и по лицу Оксаны больно захлестал снежный вихрь. Вертолёт поднимался по косой линии и через несколько секунд исчез за лесистым склоном.

Сразу стало тихо, и только с деревьев всё ещё медленно и бесшумно падали потревоженные хлопья снега.

Оксана растерянно посмотрела на шубку. Но прежде чем она подумала, что ей делать с королевской одеждой, на поляне будто из-под земли выросли десятка два мужчин в фетровых шляпах, и кто-то хрипловато и радостно закричал:

— Она здесь, господин сержант! Мы вовремя подоспели и спугнули вертолёт!

Мужчины тесно окружили Оксану, дыша на

неё табачным перегаром, и бравый мужчина с красным лицом и тонкими усиками вежливо сказал ей то самое, что она кричала минуту назад Изабелле:

— Наденьте шубку, ваше величество! Простудитесь!

На неё так стремительно натянули королевскую шубку, что она не успела сообразить, что ей ответить.

Мягко урча, на поляну выехали лёгкие, похожие на большое насекомое аэросани.

— Прошу вас, ваше величество, — снова сказал краснорожий, указывая на аэросани.

Оксана наконец опомнилась и запротестовала:

— Пожалуйста, оставьте меня в покое. Я не королева!

Мужчины дружно рассмеялись, прикрывая ладонями рты.

— Ах, ваше величество, — покачал головой краснорожий, — мы были готовы к этому. Начальник разведки своевременно предупредил нас, что, возможно, вам захочется пошутить и вы станете отрицать свою принадлежность к престолу.

— Но я действительно не королева!

— И эта соболья шубка не ваша?

— Да, не моя! Не моя! — с сердцем сказала Оксана, вызвав среди мужчин бурю восторга.

От аэросаней к толпе торопился маленький толстый человечек в военной форме. Все, словно по команде, расступились и вытянулись перед ним.

— Ваше величество! — весёлым фальцетом произнёс человечек. — Позвольте преданному вам солдату одному из первых поздравить вас с возвращением в любезное отечество после пятилетнего отсутствия. Я помню вас двенадцатилетней девочкой и смею заверить, что за эти годы вы расцвели, как прелестный цветок!

— Ваше величество, — сказал толстенький генерал, — позвольте в таком случае выполнить мне свой долг… Я вижу, что ваш спортивный костюм разорван на левом колене… Да простит Бог мне эту фамильярность! Так вот, ваше величество, вам было суждено родиться с очаровательным родимым пятнышком на левом колене. Если за пять лет вашего пребывания за границей это пятнышко не исчезло, вы позволите мне взглянуть на него?…

Оксана похолодела: на её левой коленке в самом деле было крохотное родимое пятнышко, на которое никто никогда не обращал никакого

внимания и которое теперь оказалось роковым.

— Это просто совпадение! — с мольбой в голосе сказала Оксана. — Уверяю вас, я не Изабелла!

Но её уже подхватили и понесли к аэросаням. Она беспомощно забарахталась, но скоро поняла, что сопротивление ей не поможет.

— Передайте по радио, сержант, — сказал генерал, садясь рядом с Оксаной в сани, — что её величество королева Изабелла возвращается в столицу. Пусть все верноподданные выходят на улицы Грижа приветствовать нашу венценосную любимицу! Пусть во всех соборах звонят колокола!

Пропеллер загудел, и аэросани заскользили вниз по снежной целине.

Скоро полоса снегов кончилась, но на шоссе королеву уже ждал кортеж автомашин. Генерал и Оксана пересели в «кадиллак» с серебряными инкрустациями, сопровождаемые эскортом мотоциклистов и торжественными воплями пожарной сирены, полетели по горной дороге.

Кортеж автомашин далеко растянулся по шоссе.

А в столице во всех соборах уже гремели колокола.

Всё это становилось любопытным, а Оксана

была очень любопытной. Она даже перестала волноваться, когда подумала, что товарищи скоро заметят, что она исчезла, и, конечно, найдут её…

Глава 4

Как трудно, оказывается, быть королевой! С той минуты, когда Оксана оказалась во дворце, у неё уже не было ни минуты покоя!

Она плохо запомнила, как выглядит дворец, потому что сначала её окружили врачи и долго выстукивали и выслушивали. Наконец самый древний из докторов, академик Флокс, очень похожий на высохший репей, сказал, тряся своей белой бородкой:

— Её величеству можно принимать ванну.

Полдюжины молоденьких служанок раздели и окунули её в огромную ванну, вода в которой тонко пахла духами. А высокая и худая, как высохшая жердь, первая фрейлина её королевского величества графиня Жозефина де Пфук то и дело погружала в ванну градусник в платиновой оправе. Длинное серое лицо первой фрейлины с большим тяжёлым подбородком и горбатым носом было при этом сосредоточенно надменным и холодным. Графиня поджимала тонкие губы и, сдвинув реденькие брови, смотрела на Оксану ледяными бесцветными глазами.

Оксана решила, что графиня всех ненавидит,

и невольно сжималась под её неподвижным взглядом.

Наконец Оксану вынули из ванны и закутали в мягкую простыню. Сама первая фрейлина надела на неё лёгкий тёплый халатик и проводила в спальню. Пришёл академик Флокс, долго считал Оксанин пульс, неторопливо шевеля губами, и разрешил одевать её величество к обеду. Явились другие хорошенькие служанки, чтобы надеть на королеву чулки, туфли и строгое обеденное платье из голубой шерсти. Первая фрейлина графиня Жозефина де Пфук застегнула на шее Оксаны ниточку жемчуга, и новоиспечённая королева вздрогнула от прикосновения её холодных старческих пальцев.

По длинной анфиладе залов с огромными стрельчатыми окнами и старинными лепными украшениями Оксану проводили в столовую с массивным дубовым столом, ножки которого были не тоньше, чем ноги слона. Она одна сидела за этим гигантским столом, чтобы выпить полчашки куриного бульона и съесть ломтик жареной телятины со спаржей. Пока она ела, первая фрейлина стояла за её спиной, словно солдат на часах, и Оксана несколько раз поперхнулась, чувствуя на своём затылке леденящий взгляд графини.

— А теперь, ваше величество, прежде чем перейти к послеобеденному отдыху, — сказала графиня, — вам надлежит принять по неотложным государственным делам начальника королевской канцелярии. — Графиня понизила голос: — Не очень-то доверяйте этому бездельнику, ваше величество! Кстати, знаете ли вы, почему у него свёрнут нос набок? Ему перешибли нос простолюдины на окраине Грижа, куда он явился однажды вечером по следам молоденькой продавщицы!

«Какое мне дело до этого? — подумала Оксана. — Когда же меня освободят из моего странного плена?»

Оксану проводили в просторный королевский кабинет и оставили на несколько минут одну. Она прошлась по толстому ковру, покачалась на пружинах величественного кожаного кресла, заглянула в пустые ящики письменного стола и вдруг почувствовала, что ей нестерпимо хочется спать.

Но тут в кабинет вошёл какой-то придворный чин и произнёс:

— Секретарь королевской канцелярии герцог де Моллюск.

Он замолчал, выжидательно глядя на королеву,

и Оксана догадалась, что ей нужно сказать:

— Просите.

В кабинет вошёл щеголеватый молодой человек в чёрном фраке с папкой из крокодиловой кожи.

— Здравствуйте, ваше величество, — церемонно проговорил он, склоняя голову с расчёсанными на ровный пробор тёмными волосами, блестящими от какой-то парикмахерской жидкости.

Она потёрла сонные глаза и сказала:

— Здравствуйте… — И, кашлянув, прибавила: — Герцог.

Молодой человек смотрел на юную королеву тем взглядом, в котором довольно легко можно было разглядеть подобострастие подхалима и сознание своей собственной неотразимости. «Ишь ты, какой красавчик явился!» — сердито подумала Оксана и вдруг спросила:

— Чем у вас намазана голова, герцог?

Де Моллюск побледнел и оторопело уставился на королеву.

— Это бриолин, ваше величество…

— Зачем?

Де Моллюск помялся:

— Для… красоты, ваше величество…

— А это красиво?

— Если вам не нравится, ваше величество, то я…

— Перестанете мазать голову бриолином? Нет, пожалуйста, продолжайте, если вам приятно спать на грязной подушке.

— О, ваше величество! Я чрезвычайно внимательно слежу за своей головой!

Де Моллюск сделал судорожное движение горлом, словно подавился пищей.

— Ваше замечание означает, ваше величество, что я должен подать в отставку немедленно? — подавленным тоном спросил он.

— Подать в отставку? — удивилась она. — Это значит уволиться с работы?

— Да, если вам угодно так назвать этот акт…

— Но я не знаю, хорошо или плохо вы работаете, герцог.

— О, ваше величество, вы очень скоро сможете убедиться, что я самый верный вассал моей любимой королевы! — с дрожью в голосе произнёс герцог. — Я точно знаю, кто посеял сомнения в вашу душу… Это козни первой фрейлины, ваше величество! Не верьте ей, заклинаю вас! Я очень скоро сделаю доклад вашему величеству о невероятных злоупотреблениях первой фрейлины!

— О'кей! — сказала Оксана, внезапно вспомнив

выражение королевы Изабеллы. — Мне самой не очень нравится графиня де Пфук… Впрочем, подождём вашего доклада… А теперь перейдём к делам.

В эту минуту Оксана подумала, что урок оживлённой болтовни, который ей дала сегодня утром королева Изабелла, не пропал даром. «Главное — болтать без запинки, — решила она. — Вот, будет о чём рассказать ребятам! Надо только немного продержаться, пока меня не найдут наши». А в том, что её найдут, она не сомневалась ни одной минуты.

— Ваше величество, благоволите познакомиться с постановлением кабинета министров, — сказал де Моллюск, открывая папку из крокодиловой кожи.

— Что это?

— Постановление о запрещении забастовки угольщиков и электриков.

— А почему они забастовали?

— Требуют прибавки заработной платы на десять процентов.

— Только-то и всего? А не проще ли прибавить им эти десять процентов?

— Хозяева не соглашаются, ваше величество.

— Почему?

— Уменьшается прибыль. Благоволите поставить свою визу на постановлении.

— Я отменяю… Как это говорится?.. Я отменяю своей королевской волей это постановление!

— Но, ваше величество…

— Что «но»?..

— Это беспрецедентный случай в государственной практике Карликии! Наши короли уже двести лет не накладывают вето на постановления своего правительства.

— Но я не король, а королева, герцог, а у женщин сердце мягче, чем у мужчин, — улыбнулась Оксана. — Послушайте, герцог, право же, люди не будут бастовать от хорошей жизни! Пусть они не работают, пока хозяева не выполнят их требования. Давно они уже бастуют?

— Шахтёры — вторую неделю, а рабочие-электрики забастовали только сегодня.

— Совсем малость… Дайте-ка мне это постановление…

И Оксана, подумав, крупно написала на протянутой бумаге: «Нет».

— Что ещё у вас, герцог?

— Всё, ваше величество.

— Вы свободны, герцог.

Де Моллюск попятился к порогу. И пока за ним

не закрылись тяжёлые двустворчатые двери красного дерева, она видела на его лице полнейшую растерянность и изумление.

Глава 5

Теперь королеве больше не хотелось спать, хотя первая фрейлина и уложила её в постель.

Оксана лежала на огромной кровати посреди зала, именуемого королевской спальней, и от скуки разглядывала лепные украшения на потолке. В самом центре парили на своих крылышках улыбающиеся амуры, готовясь поразить королеву серебряными стрелами. А в углах спальни четыре нимфы поддерживали гирлянды из роз, которые, ниспадая, тянулись под потолком вдоль всех стен.

Затем Оксана перевела взгляд на резную спинку кровати и подумала, что под нежнейшим розовым одеялом на этой кровати могла бы уместиться половина девочек из её десятого класса.

На изящной белой тумбочке, отделанной слоновой костью, Оксана обнаружила кнопку телевизора, нажала её, и прямо перед ней на стене засветился большой голубой экран. Подвижный и, как показалось Оксане, обрадованный телевизионный комментатор, взмахивая то и дело руками, сообщал зрителям, что вето её величества королевы Изабеллы поставило угольный

и электроэнергетический концерны в весьма затруднительное положение. Сегодня ночью правления двух концернов соберутся на совместное заседание, чтобы определить своё отношение к решению юной королевы. Что касается кабинета министров, то он уже заседает в обстановке полной секретности; по всей вероятности, премьер-министр сегодня обратится к её величеству за дополнительными разъяснениями.

Оксана отбросила одеяло и выпрыгнула из постели. Ей было весело: как быстро, однако, стало известно всей стране её вето!

Королева набросила на плечи халатик и на цыпочках подошла к белой с золотыми разводами двери. В приоткрытую дверь она увидела на диване соседней комнаты первую фрейлину, академика Флокса и офицера королевской охраны с аксельбантами. Первая фрейлина пожимала плечами, закатывая глаза, и Оксане показалось, что она расслышала, как графиня несколько раз повторила трагическим шёпотом слово «вето». Офицер неопределённо посмеивался, а Флокс безмолвно тряс белой бородкой.

Ветер раздувал портьеру на открытом окне. Оксана отодвинула портьеру и влезла на мраморный подоконник. Заходящее солнце на несколько

секунд ослепило её. Зажмурив глаза, она с наслаждением вдыхала свежий аромат цветов и зелени парка. А что, если прогуляться по парку? Неужели она должна спрашивать разрешения у графини? Нет уж, дудки!

С подоконника — на балкон, с балкона по широкому карнизу — до белой колонны, а там она легко спрыгнула на площадку перед наружной дверью и по мраморной лестнице спустилась на посыпанную синим песком аллею. Удивительно устроена природа! Утром в горах она видела зиму, а здесь совсем тепло, зеленеют деревья и цветут цветы!

Парк был очень велик и, пожалуй, красив несколько больше, чем следует. Слишком ровно росли в нём деревья, подстриженные будто в парикмахерской, слишком много ровных дорожек пересекали его во всех направлениях, слишком часто на пути возникали величественные цветочные клумбы, и уж совсем часто из-под земли били, сплетаясь и расплетаясь, журчащие и посвистывающие струи фонтанов. На крошечных озерцах плавали белые и чёрные лебеди, какие-то птицы резвились на деревьях.

И ни одного человека! Пустые дорожки, пустые скамьи, пустые беседки… Да разве может этот

парк сравниться с теми густыми и кудрявыми лесами, пахнущими мятой и грибами, с поросшими осокой ручьями и озерцами, по которым в жаркий летний день на длинных тоненьких ножках стремительно пробегают водяные жучки? Сколько раз она ходила по грибы в эти леса, когда приезжала к бабушке и дедушке.

Для кого растили и холили этот парк? Неужели для одного человека?

Она шла вдоль очень высокой ограды, слышала приглушённый шум города и один раз отчётливо разобрала, как прокричал мальчишка-газетчик:

— Сенсационная новость! Королева отменила запрещение на забастовку угольщиков и электриков! Акции падают! На бирже паника!

Наконец-то Оксана увидела в парке людей. В самом дальнем уголке у небольшого флигеля перед ней быстро встала со скамьи хорошенькая молодая женщина, по-видимому, садовница. А за ней неторопливо поднялся угрюмый, очень высокий парень в солдатской форме.

— Ваше величество! — дрожащим голосом проговорила хорошенькая садовница и вдруг упала перед Оксаной на колени. — Простите, ваше величество!

— За что?! — с искренним изумлением вос-

кликнула Оксана. — Прошу вас, встаньте. Это отвратительно, когда люди становятся на колени!..

— Ах, ваше величество! — быстро говорила садовница, поднимаясь и тщательно отряхивая платье. — Мой Поль получил сегодня в части увольнительную на один день...

Оксана приветливо улыбнулась:

— Вероятно, он ваш жених?

— Значит, вы не сердитесь на нас, ваше величество? — робко спросила молодая садовница.

— Да за что же я должна на вас сердиться?

— Ведь вы запретили мне встречаться с ним...

— Я?!

— Вы, ваше величество... — вздохнула Марго. — А мы так любим друг друга! И отец не против, чтобы мы поженились...

— Ну так и женитесь, пожалуйста!

Лица жениха и невесты засветились, как электрические лампочки.

— Спасибо, ваше величество! Какое у вас доброе сердце! Поль, поблагодари её величество!

— Спасибо, — поморгав, сказал Поль и кашлянул.

— Значит, нас обманул мажордом, — журчал голос Марго. — Он говорил, что спрашивал у

первой фрейлины, а первая фрейлина будто бы спрашивала у вас. А вы, ваше величество, будто бы ни в какую не согласны! Вроде бы вы так сказали: если, мол, хочет Марго выходить замуж, пусть вместе со своим отцом убирается вон из парка! А куда мы можем пойти, ваше величество? Я спросила мажордома, почему бы королеве, то есть вашему величеству, не разрешить нам поселиться в этом флигеле? А королева, то есть вы, ваше величество, будто бы сказали первой фрейлине, что не хотите превращать парк в проходной двор!

— Ох, уж эта мне первая фрейлина! — проворчала Оксана негромко. — Я только сегодня подумала, что в этом парке очень безлюдно и скучно.

— Значит, ваше величество, Полю больше не нужно прятаться, когда он приходит ко мне?

— Ну конечно, нет! Скажите, Марго, а каким образом Полю удаётся приходить сюда незамеченным? — вдруг оживилась королева. — Наверно, вам известен тайный ход, через который могла бы пройти и я?

— Какой там ход, ваше величество! — моргая, пробасил Поль. — Посмотрите на мой рост… Два метра десять сантиметров! Я просто перемахи-

ваю через забор, когда часовой смотрит в другую сторону!

— Жаль, — сказала королева печально. — Скажите, пожалуйста, не солёные ли огурцы в большой миске лежат на вашем столе? Вон, я вижу ту миску, в открытом окне…

— Огурцы, ваше величество, — растерялась Марго. — Я знаю, от них очень сильно пахнет чесноком… Извините, пожалуйста, мой отец очень любит чеснок… Я их спрячу сейчас в холодильник!

— Наоборот, — смущённо сказала Оксана, — я хотела просить вас, чтобы вы угостили меня одним огурчиком.

— Господи! — засуетилась Марго. — Съешьте хоть пяток. Да нет, хоть целый десяток! Заходите в дом, ваше величество.

— Заходите в дом, ваше величество, — пророкотал великан Поль.

— Очень люблю солёные огурцы, особенно если они с чесноком, — сказала Оксана, входя в маленькую, оклеенную обоями комнату и усаживаясь за стол, накрытый весёлой, яркой клеёнкой. — Ух, какие они крепкие и ароматные! — прибавила она, с хрустом разгрызая огурец и жмурясь от удовольствия. — У моей бабушки тоже получаются

очень вкусные огурцы.

Марго и Поль недоуменно уставились на королеву.

— Простите, ваше величество, мы не ослышались: вы сказали: «У моей бабушки»?

— Да…

— Да неужели же ваша бабушка… солила огурцы?

— И ещё как! Солила и солит!

Марго и Поль со страхом переглянулись.

— Покойная королева солит огурцы? — Марго начала заикаться. — Ваше величество, я или… не дай Бог…

— Ага, — улыбнулась Оксана, — вы думаете, что я сошла с ума? Так я вам скажу всю правду, раз уж проговорилась… Знайте же, что я совсем не королева! Меня сделали королевой силой!

И Оксана подробно рассказала о своём стремительном восхождении на престол.

— Вот так дела! — вырвалось наконец у надолго онемевшей от изумления садовницы. — Теперь-то я понимаю, почему вы говорите с таким акцентом.

— И я теперь понимаю, почему вы разрешили бастовать шахтёрам и электрикам! — проговорил Поль, довольно потирая руки. Его флегматич-

ность словно сдунуло ветром, он широко улыбался и подмигивал своей невесте. — Только вы уж побудьте королевой подольше! Народ будет доволен!

— И то верно! — сказала Марго. — Если вы станете упорствовать и утверждать, что вы не королева, а русская девушка, академик Флокс вас быстренько упечёт куда-нибудь под наблюдение психиатров! Очень-то вам нужно, чтобы газеты написали, будто наша королева сошла с ума!

— Но что же мне делать? — спросила Оксана, с трудом сдерживая подступающие слёзы. — Я не хочу быть королевой!

— Мы вам поможем, — успокоила её Марго. — Дайте только срок… Уж и не знаю, как вас теперь называть?..

— А по-моему, — пробасил весёлый Поль, который все ещё не мог успокоиться и продолжал потирать руки, — надо по-прежнему вас называть — ваше величество… Ух, ваше величество, вы даже не подозреваете, как довольны шахтёры и электрики! Хотя, конечно, при нашей дороговизне прибавка в десять процентов не так уж много значит.

Оксана задумалась.

— А какая же должна быть зарплата, чтобы она

что-нибудь значила?

— А вот какая, — поморщив лоб, сказала Марго. — Надо, ваше величество, взять счёты и подсчитать, сколько требуется на жизнь одному человеку. Арифметика простая… Сколько, допустим, в один день съедает хлеба рабочий человек? Положим это на счёты… Дальше: хотя бы двадцать граммов масла нужно одному человеку в день? Нужно! Положим и масло на счёты. Теперь возьмём мясо. Установим по двести граммов на человека… Дальше пойдут овощи, ну и так далее, ваше величество. Сюда надо и квартирную плату прикинуть, и стоимость городского транспорта, ну и одежонку, конечно! А дети, ваше величество? Ведь обувь горит на их ногах! Всё это надо сложить — вот и будет ясно, какая сумма полагается трудовому человеку на каждый месяц. Пусть хозяева почешут голову! Если хочешь платить больше этой суммы — пожалуйста! А меньше платить не смей, потому что на этот счёт есть королевский указ!

— Такой указ будет! — горячо сказала Оксана. — Послушайте, Марго, у вас профессорский ум!

— Уж и не говорите, ваше величество, — заметил Поль. — Я иной раз диву даюсь, до чего она толкова.

— Я сделаю вас, Марго, королевской помощницей!

— Нет уж, ваше величество, — усмехнулась Марго, — никто меня во дворец не пустит! Для этого надо быть графиней или герцогиней… Или хотя бы, на худой конец, какой-нибудь маркизой…

— Вы будете маркизой!

— Нет, ваше величество, не надо. Уж больно высоко занесёт меня, и тогда Поль не дотянется до Марго даже при своём росте!

— Да, ваше величество, — забеспокоился Поль, — дворец — это не ограда в парке!

— Не беспокойтесь, друзья! — ликующим голосом сказала Оксана. — Пока мне не удалось отсюда сбежать, я сделаю что-нибудь хорошее и для вас. Поль тоже получит звание маркиза и будет произведён в генералы.

— Ой, не надо в генералы, ваше величество! — испугался Поль. — Мне достаточно быть капралом.

— Хорошо. Поль, я вам дам чин поменьше: вы будете полковником! Хорошо?

— По рукам! — быстро ответила Марго.

А Поль всё ещё колебался, морщась и почёсывая затылок.

— Что же вы молчите, Поль?

— Страшно, — признался он, — да уж ладно, ваше величество, будь по-вашему, я согласен на генерала. Эх, посажу я на гауптвахту своего полковника, который целый месяц не отпускал меня к Марго!

Глава 6

Когда Оксана возвращалась во дворец, в воздухе уже похолодало. Солнце скрылось за деревьями, и на западе в чистом небе горела первая вечерняя звезда.

Оксана продрогла в своём лёгком халатике и поэтому бежала ко дворцу напрямик сквозь заросли кустов, по мягким зелёным газонам. Скоро её халатик стал совсем мокрым от росы.

У самого дворца перед ней выросла щеголеватая фигура начальника королевской канцелярии.

— Ваше величество, прошу вас выслушать меня, — склоняя голову и прикладывая руку к сердцу, возбуждённо проговорил де Моллюск.

— Я вас слушаю, герцог, — ответила королева, пританцовывая на аллее и постукивая зубами. — Только, если можно, поскорее!

— Несколько секунд, ваше величество… Я обещал вам дать доказательства злоупотреблений первой фрейлины.

— Ну? — нетерпеливо подёргала она плечом.

— В ридикюле первой фрейлины, ваше величество, лежит принадлежащая вам бриллиантовая диадема стоимостью полтора миллиона!

— Ждите меня в кабинете! — сказала королева, нисколько не удивляясь услышанному, и прибавила уже на ходу: — Да, чтобы не забыть… Опубликуйте, пожалуйста, мой указ о присвоении титула маркизы Маргарите Шарман, а также титула маркиза и звания генерала Полю Грананж.

— Слушаюсь, ваше величество, — послушно проговорил начальник канцелярии, шагая рядом с королевой и записывая на ходу её распоряжение. — Итак, — повторил он, — Маргарита де Шарман и Поль де Грананж…

В спальне королеву поджидала первая фрейлина её величества графиня Жозефина де Пфук. Она ходила из угла в угол большими мужскими шагами, сухая, длинная и несгибающаяся, прижимая одной рукой к своему корсажу большой золотистый ридикюль. Другую руку графиня то и дело подносила к горлу, словно её душили чьи-то пальцы и она силилась освободиться от этих злых пальцев.

Увидев королеву, графиня остановилась и быстро заговорила:

— О, как вы жестоки, ваше величество! Простите меня за эти слова, но я не могу не высказать их! Только подумать, что величайшая из королев

Европы, как девчонка-простолюдинка, вылезает из своей спальни в окно! Вы посмотрите в зеркало, ваше величество, на кого вы похожи! Бог мой, королева в неглиже ходит по парку! Теперь я вижу, что пять лет, проведённые в заокеанском пансионе, дали свои плоды… Не говоря уж об ужасающем американском акценте, вы позабыли элементарнейшие правила этикета!

После каждой фразы фрейлина нервно вздёргивала лошадиной челюстью.

— Боже! Вы смеётесь, ваше величество!

— Мне совсем не весело, графиня! Прошу вас пройти со мной в кабинет.

В кабинете де Моллюск уже стоял с непроницаемым лицом у письменного стола. Своим тонким придворным нюхом первая фрейлина почувствовала недоброе и в растерянности остановилась посреди кабинета.

— Герцог, — будто бы между прочим проговорила королева, — не правда ли, у графини прелестная сумочка?

Де Моллюск поперхнулся.

— Так точно, ваше величество!..

— Графиня, — продолжала королева, — не разрешите ли вы мне взглянуть на вашу сумочку поближе?

Первая фрейлина что-то пробормотала и не сдвинулась с места.

— Будьте любезны, герцог, помогите графине показать мне сумочку.

Де Моллюск протянул к первой фрейлине руку, но она попятилась и истерически вскрикнула:

— Нет!..

— Вы не хотите мне показать её? — удивлённо подняла брови королева.

Первая фрейлина трясущейся рукой протянула ридикюль Оксане, та взяла его и тут же уронила.

— Ах! — вскрикнула королева. — Что это вывалилось из сумочки?

Герцог быстро нагнулся и поднял с ковра засверкавшую в его руке бесчисленными искрами бриллиантовую диадему.

— Это ваша диадема, ваше величество. Второй такой нет во всём мире! Мне только непонятно, как она попала в ридикюль графини…

— Подбросили! — вдруг завопила первая фрейлина, вскидывая свой тяжёлый подбородок и выкатывая глаза. — Подбросили!

— Это невозможно, графиня, — холодно сказал де Моллюск, — ключ от сейфа с драгоценностями её величества всегда хранился у вас. Он и сейчас находится в вашем ридикюле… Вот он!

Графиня вдруг упала на колени и зарыдала. Оксана видела, как она раскачивается из стороны в сторону, слышала её рыдания, напоминающие квохтанье рассерженной клуши, и никак не могла решить, что делать дальше. Сердобольной Оксане даже стало немного жалко первую фрейлину — она не выносила ничьих слёз, да ещё слёз старого человека. Оксана выжидательно посмотрела на де Моллюска. На его гладко выбритом и напудренном лице застыла ироническая ухмылка.

— Обратите внимание, ваше величество, — проговорил он негромко, — на одно весьма странное обстоятельство: графиня рыдает, как на похоронах собственной мамаши, а меж тем на её лице не видно ни одной слезинки…

— Дрянь! — вдруг визгливо крикнула де Моллюску первая фрейлина, переставая рыдать и поднимаясь. — Выскочка! Да знаешь ли ты, что мои предки служили при дворе Карла Великого, а твой прадед торговал восточными пряностями и купил себе титул герцога!

— Ха-ха! — серьёзно сказал выскочка. — Меня душат слёзы умиления от геральдических познаний этой особы!

— Клоун! — провизжала первая фрейлина. —

Он смеет, ваше величество, разговаривать в вашем присутствии на шутовском языке! Он забывает, что это не рынок, а дворец!

— «Душат слёзы»! — повторил выскочка. — Я прошу, ваше величество, решить, кто из нас в настоящую минуту больше походит на… представителя рынка!

Наступила пауза. В тишине было слышно, как тяжело дышит первая фрейлина.

— Я понимаю, ваше величество, что оставаться во дворце мне больше нельзя, — наконец снова заговорила она.

— Да, конечно, — подтвердил де Моллюск, усмехаясь. — Это самое разумное, что вы сказали сегодня.

— Хорошо, я уйду! Но уйду, хлопнув дверью! — злобно проговорила она, пронизывая начальника королевской канцелярии ненавидящим взглядом. — Ваше величество, попросите герцога показать королевскую чековую книжку, которой он имел право пользоваться только по вашему указанию.

В вечернем сумраке, как бы ползущем из углов кабинета, стало видно, как побелело и без того белое от пудры лицо де Моллюска.

— Он молчит, ваше величество! — торжеству-

ющe вскрикнула графиня де Пфук. — Он молчит, потому что ему нечего сказать! Но всё-таки заставьте его дать отчёт, зачем он выписал чек и куда истратил сто тысяч накануне вашего приезда из Америки!

Де Моллюск не шевелился.

— Почему вы не отвечаете, герцог? — спросила королева, с любопытством взглянув на его застывшую, будто статуя, фигуру.

— Потому, ваше величество, — глухо ответил де Моллюск, — что мне действительно нечего сказать… Я полагал, что вы простите мне эту вольность в связи с некоторыми финансовыми затруднениями…

«Один стоит другого! — подумала Оксана. — Ну и дворец! Скорей бы мне отсюда выбраться! Как хочется домой!..»

В эту минуту тяжёлая дверь королевского кабинета бесшумно открылась, и она услышала торжественный голос:

— Их сиятельства маркиза де Шарман и генерал де Грананж!

Даже в сумраке было видно, как сверкают генеральские эполеты и аксельбанты Поля. А как была великолепна садовница Марго в вечернем туалете королевской фрейлины!

— Добрый вечер, ваше величество, — пропела маркиза каким-то чрезмерно тоненьким голоском.

Королева приветливо помахала вошедшим рукой. Теперь она знала, как следует поступить.

— Ваше величество, — печально кашлянул де Моллюск, — кому я должен передать королевскую печать и чековую книжку?

— Генералу де Грананжу. Я назначаю вас, генерал, начальником королевской канцелярии, а вас, маркиза, я прошу быть моей первой фрейлиной.

— Я, ваше величество, не возражаю, не боги горшки обжигают, — сказала маркиза обычным голосом садовницы Марго, но, вдруг спохватившись, тоненько прибавила: — А вот насчёт генерала я не совсем уверена… Справится ли он, ваше величество?

— Вы уж лучше за собой последите, маркиза, — сердитым басом сказал генерал. — А мы в своём деле как-нибудь и сами разберёмся!

Графиня де Пфук и герцог де Моллюск поклонились и молча удалились. Как только за ними закрылась дверь, королева взволнованно сказала:

— Генерал, велите арестовать их, пока они не

скрылись! Я не успела их задержать.

— А зачем, ваше величество, их арестовывать?

— Они воры, их надо судить!

— Ну, тогда я мигом, ваше величество!

Едва он вышел, как ей доложили:

— Премьер-министр с членами правительства вашего величества.

— Пусть войдут, — сказала Оксана.

Глава 7

В кабинет, неслышно ступая, вошла толпа мужчин, и маленький лысый человек произнёс тусклым, усталым голосом:

— Королевское правительство свидетельствует вашему величеству верноподданническую любовь.

— Здравствуйте, господа, — сказала Оксана. — Но я плохо вижу вас: стало совсем темно. Зажгите, пожалуйста, свет. Где здесь выключатель?

— Не ищите выключатель, ваше величество, — вздохнул лысый, и Оксана догадалась, что он и есть премьер-министр.

— Почему?

— Потому что света нет и не будет! В городе остановились трамваи и троллейбусы, метрополитен бездействует, ни один поезд не пришёл в столицу и не ушёл из неё. — Премьер-министр повысил голос: — Но этого мало, ваше величество: остановились все фабрики и заводы, закрылись магазины и рестораны! Мы терпим неслыханные убытки!

— Вы сказали «мы», господин премьер?

— Да, ваше величество.

— Будьте любезны, объясните мне, кого вы подразумеваете под этим местоимением?

Он помолчал, не сразу найдя ответ.

— Я полагаю, что ваш государственный ум, несмотря на вашу очаровательную молодость, может самостоятельно ответить на этот вопрос.

— Мой государственный ум, господин премьер-министр, ждёт вашего ответа.

В толпе министров зашептались, очевидно подсказывая премьеру ответ.

— Я полагаю, что «мы» — это народ… — не совсем уверенно сказал премьер-министр. — А первостепенной задачей королевского правительства всегда была забота о народе.

— Итак, из вашего объяснения я поняла, что народ терпит неслыханные убытки из-за этой забастовки.

— Совершенно точно, ваше величество.

— Но почему же народ бастует, господин премьер?

Министры опять зашептались.

— Бастуют, ваше величество, электрики и угольщики…

— А разве электрики и угольщики не народ?

— Да простит меня моя королева, но меня сейчас интересует не энциклопедическое опреде-

ление слова «народ»… Нас всех, ваше величество, беспокоит и удручает другое…

— Что?

— Позвольте мне ответить, ваше величество, — раздался вдруг сипловатый тенорок.

— Я не вижу в темноте, кто у меня попросил слова?

— Министр финансов, — ответил тенорок и возбуждённо продолжал: — Нас удручает то обстоятельство, ваше величество, что забастовка электриков и угольщиков воленс-ноленс[1] ударила по экономике всего государства, по всем отраслям хозяйства. Каждая минута забастовки в диких пропорциях наращивает кредит и в таких же пропорциях уменьшает дебет государства, таким образом, баланс…

— Господин министр, — вдруг перебила его певучим голосом маркиза де Шарман, — а вы бы сказали попроще… Так, мол, и так, ваше величество, я не только министр финансов, но ещё и крупный акционер и каждую минуту теряю на бирже столько-то франков…

— Каждую минуту я лично теряю двенадцать тысяч франков, — с тоской в голосе подтвердил

---

[1] Примечания: 1

Воленс-ноленс (*лат.*) — волей-неволей.

министр финансов.

— Ну, вот теперь и понятно ваше беспокойство, — продолжала маркиза, — а то «дебет», «кредит», «баланс»…

— Все мы теряем! — вырвался у кого-то в толпе страдальческий вздох.

— Все! — подхватили хором члены королевского правительства, завздыхали и задвигались во мраке.

— Ваше величество, — оживился премьер-министр, — я не имею удовольствия знать имени дамы…

— Маркиза де Шарман, — сказала королева, незаметно пожимая руку Марго, — наша первая фрейлина и советница.

— Маркиза весьма остроумно, хотя и несколько прямолинейно, повернула обсуждение вопроса. Но надо ли нам что-нибудь скрывать от нашей королевы и благодетельницы?! Я должен заметить, ваше величество, что лично я, премьер-министр вашего правительства, теряю больше всех, ибо являюсь одновременно председателем правления энергетического концерна!

— Ах, как я вам сочувствую, господин премьер! — покачала головой королева. — Смотрите-ка, а за окнами я вижу какой-то свет…

Действительно, окна и стеклянные двери, выходящие в парк, слабо осветились, и на стенах и потолке задвигались неровные розовые отсветы.

Маркиза посмотрела в окно.

— Это мой отец… простите, это ваш садовник, ваше величество, сжигает на костре сухие ветки и опавшие листья.

— Как хорошо! — воскликнула королева. — Пойдёмте к свету, господа! Я очень люблю сидеть у костра! Там мы и обсудим вопрос о дебете и кредите и, как говорится, подведем баланс!

— Это прелестно, ваше величество! — сказал повеселевший премьер-министр, предлагая королеве руку, на которую она могла бы опереться. — Я сам иногда люблю убежать от цивилизации и подремать у охотничьего костра. Сразу начинаешь понимать, что ты недалеко ушёл от питекантропа.

Двери в парк распахнулись, сразу запахло сыростью и горьковатым дымком. Королева спустилась по широким ступеням в парк и направилась к костру.

Кто-то принёс кресло, она села в него, протягивая к огню руки и ноги, и обвела взглядом министров, обступивших костёр тесным кольцом. Все они явились во дворец в парадных фраках.

И лица их были теперь ясно видны. Вот стоит низенький лысый премьер-министр с твёрдым квадратным подбородком и маленькими глазками, над которыми, как две щётки, вздымаются рыжие брови. Его жёсткое лицо непроницаемо спокойно… Вот министр финансов… У этого лицо, как у старой бабы, обвисшее и рыхлое, а широко расставленные глаза бегают из стороны в сторону. А вот стоит моложавый министр с усиками, вперив в королеву взгляд, полный подобострастия. Чем-то он похож на герцога де Моллюска. Рядом с ним вытянулся высоченнейший и плечистый мужчина с отвисшими, как у бульдога, щеками и почему-то очень большими мешками под глазами. «Пьяница», — решила Оксана.

Рассматривая эти чужие лица, Оксана опять с тревогой думала о своих друзьях, о доме… Скорей бы ей выбраться отсюда, скорей бы её нашли. Но как подать о себе весть? Что предпринять?..

Костёр весело потрескивал.

— Теперь бы в самый раз испечь в костре картошку! — сказала королева. — Ах, как это вкусно, когда она припахивает дымом!

— Её величество, вероятно, вспоминает весёлые пикники! — рявкнул министр с бульдожьим лицом, радостно выкатывая глаза.

— Вы правы, — улыбнулась королева. — И когда мы садились у костра, то очень часто распевали одну песенку: «Тот не знает наслажденья, кто картошки не едал…»

Министры делали вид, будто им очень весело. Премьер сделал шаг вперёд и протянул королеве бумагу.

— Что это? — удивилась она.

— Ваш указ, ваше величество… Подпишите вот здесь…

— Мой указ?

— Так точно, ваше величество… Указ о запрещении забастовки электриков и угольщиков.

— У меня стала портиться память, — вздохнула она, — не могу вспомнить, когда я сочинила эту бумагу.

— Мы сочинили её за вас, ваше величество, — сдержанно сказал премьер, и его щека мелко задёргалась. — Мы не хотели утруждать вас… Подпишите, Бога ради, ваше величество!

— Подпишите, ваше величество! — повторили жалобно министры и умолкли.

Было слышно, как в тишине потрескивает костёр и шелестят листья на старых дубах.

— Господин премьер-министр, — сказала вдруг Оксана, — а вы когда-нибудь думали о том, поче-

му люди бастуют?

— Гм…

— Вероятно, есть причина, которая заставляет их бастовать?

— Такой причины нет, ваше величество! В нашей стране весьма высокий жизненный уровень…

— Весьма высокий жизненный уровень, а люди бастуют! — усмехнулась королева. — Где же логика, господин премьер-министр?

Он не нашёл, что ответить.

— Господа министры, — продолжала королева, — я собираюсь издать указ о том, какая должна быть зарплата у простых людей в нашей стране…

Оксана умолкла, вспоминая всё, что ей говорила Марго в домике садовника. «Да ведь лучше, чем Марго, я всё равно не скажу», — подумала она и громко прибавила:

— Маркиза де Шарман сейчас объявит кабинету министров наше королевское решение. Прошу вас, маркиза!

Маркиза сделала судорожное движение головой, зачем-то потрогала пальцами свою пышную причёску и откашлялась.

— Значит, так, господа министры, — начала

она, морща лоб, — вы только не пугайтесь, но дело стоящее… Вы, молодой человек, станьте подальше от костра: огонь как раз к вашей правой штанине подбирается… Долго ли до греха! Так вот, надо бы нам сюда счёты, хотя, конечно, можно и без них обойтись, потому что арифметика тут не такая уж сложная…

Министр финансов трясущимися руками вынул из портфеля маленькую счётную машинку.

— К вашим услугам, ваше сиятельство… Эта машинка всегда при мне…

— Первое. Сколько хлеба съедает человек за один день, — продолжала маркиза.

— Я совсем не ем хлеба, — усмехнулся министр со щеками бульдога.

— Да, разумеется, хлеб можно не считать, — иронически проговорил министр, похожий на де Моллюска. — От него только толстеешь. Кто же, господа, ест омары и устрицы с хлебом?

— Я даже черепаховый суп ем без хлеба, — вставил министр финансов.

— Ну что ж, — в тон ему сказала Марго, — в таком случае, господин министр финансов, посчитайте на своей машинке стоимость омаров, устриц и черепах, которых, кажется, вы доставляете в Гриж на самолётах с Канарских островов. Я

думаю, что одна такая черепаха стоит не меньше, чем вагон хлеба!.. Ну что вы уставились на меня? Ладно уж, выстукивайте полкилограмма хлеба… Дальше подсчитайте коровье масло — двадцать граммов на нос — уж меньше никак нельзя…

Когда подсчёт был закончен, министр финансов, бледный от напряжения, схватился за сердце и упал бы в костёр, если бы его не подхватили другие министры.

— Нет, нет, ваше величество, — шепнули его перекошенные губы, — лучше прибавить десять процентов угольщикам и электрикам…

— Когда ваше величество собирается обнародовать реформу о заработной плате? — спросил в наступившей тишине премьер-министр.

— Немедленно! — сказала королева.

И, сопровождаемая маркизой де Шарман, она направилась во дворец, огромные окна которого наконец осветились. Это снующие по залам слуги зажигали свечи, как века назад, когда люди ещё не знали электричества.

Глава 8

— Прежде чем покинуть дворец вашего величества, — сказал премьер-министр у порога королевского кабинета, — да будет мне позволено задать один вопрос.

— Задавайте, — кивнула королева, глядя, как вокруг свечи на письменном столе вьётся яркий мотылёк.

Премьер-министр помялся.

— Вопрос в некотором роде конфиденциальный… — Он бросил взгляд на маркизу де Шарман, которая стояла у письменного стола, подняв голову и скрестив руки.

— У меня нет секретов от моей первой фрейлины, господин премьер-министр.

— Вопрос касается именно первой фрейлины, ваше величество… Во дворце и в кулуарах правительства циркулируют странные слухи об аресте первой фрейлины графини Жозефины де Пфук и начальника королевской канцелярии герцога де Моллюска.

— Да, они действительно арестованы за воровство и будут отданы под суд… — сказала королева. — Ах, какой непонятливый мотылёк!

Да улетай ты подальше от свечки, милый! Ведь ты сожжёшь крылышки!

Премьер-министр сделал два шага в сторону письменного стола и развёл руками:

— Ваше величество, мне показалось, что я ослышался! Я потрясён! Вероятно, вы не совсем представляете, ваше величество, чем чреват этот печальный случай для престижа королевского двора и всей Карликии… Их нельзя отдавать под суд!

— Впервые слышу, что воров нельзя судить!

— Бог мой, какие слова вы произносите, ваше величество! Когда слухи об этом просочатся в печать, вас поднимут на смех и опозорят газетчики всех континентов. Воры во дворце её величества! Такого ещё не было в истории Карликии… А если и было, то об этом никто не знал, и никакая тень не падала на ваших предков…

— Да что же с ними делать?

— Отпустите их с миром, ваше величество… А газетам мы сообщим, что они ушли в отставку по болезни…

— Ах, как мне надоело всё это! — В голосе королевы зазвучало раздражение. — Хорошо, пусть уходят с миром или без мира, как заведено в этом королевстве. Вы даже можете увезти их в своей

машине, господин премьер-министр.

— Где они, ваше величество?

— Не знаю…

— Сидят в подвале, — сказала маркиза, — их стережёт Поль… Тьфу, простите, генерал де Грананж. Я уже говорила этому дурню, чтобы он велел солдатам охранять их, но Поль, тьфу, генерал де Грананж упёрся как бык. Говорит, что с поста его может снять только одна королева, то есть вы, ваше величество.

Королеве пришлось спуститься в подвал. Премьер-министр освещал ей и маркизе дорогу карманным фонариком. Стёртые каменные плиты неторопливо проплывали в узком серебряном лучике, пахло пылью и чем-то затхлым, как пахнет обычно в помещении, которое очень давно не проветривалось.

Они долго шли по узкому коридору и наконец увидели впереди огонёк.

Генерал де Грананж, прикрепив свечу к перевёрнутому ящику, играл с солдатом в карты.

— Успел уже! — сердито сказала маркиза. — Как несмышлёный ребёнок — ни на минуту нельзя отпускать!

Генерал и солдат вытянулись перед королевой.

— Ваше величество! — сказал генерал, слегка

покачиваясь. — Не обращайте внимания на то, что она ворчит… Ну какая женщина не ворчит, если видит такое? Но мы выпили, ваше величество, от страха! Ей-богу, от страха! Графиня вопит за этой дверью, что её и герцога замучили привидения!

Маркиза вскрикнула и закрыла ладонью рот.

Королева с любопытством посмотрела на тяжёлую дубовую дверь.

— Это интересно, я видела привидения только в кино и всегда была уверена, что на самом деле никаких привидений не существует!

— Не гневите Господа, ваше величество! — быстро сказала маркиза. — Да кто же не знает, что во дворцах и старых замках по ночам очень часто разгуливают привидения?

Королева с улыбкой взглянула на премьер-министра, но тот только развёл руками.

— Откройте дверь и отпустите арестованных домой, — распорядилась она.

Генерал зазвенел ключом и распахнул дверь. Раздался стон, на пороге появилась графиня. Она судорожно хватала неповинующимися руками дверную раму. Следом за ней двигался герцог, он тоже казался испуганным и бледным.

Премьер-министр быстрым движением поддер-

жал графиню, почти свалившуюся на его руки, и повелительно сказал:

— Воды!

Зубы графини стучали о стакан.

— Боже мой! — наконец выдохнула она. — Боже мой, какой это был ужас! Я видела и слышала каких-то людей в белых саванах.

Графиня медленно приходила в себя, но она всё ещё дышала тяжело и часто, и даже при слабом свете свечи было видно, как вздрагивают пальцы на её бессильно опущенных руках.

«Зачем она устраивает этот спектакль? — подумала королева. — Неужели она считает нас полными дураками? Впрочем, Марго, кажется, ей верит… А может быть, графиня сошла с ума?»

Словно угадав её мысли, графиня прошептала:

— Сначала я решила, что схожу с ума… Но герцог видел и слышал то же, что и я…

Королева посмотрела на герцога де Моллюска. Он стоял, прислонившись к стене, не двигаясь, полузакрыв глаза. Однако герцог почувствовал обращённый на него взгляд королевы, поднял веки и тихо проговорил:

— Это действительно так, ваше величество…

Тут даже Оксане стало чуточку не по себе, несмотря на то что она никогда не верила ни в

какую чертовщину. Она понимала, что герцог и графиня не могли сговориться — слишком они ненавидели друг друга. Но в таком случае, кого они видели?

— Посветите мне, генерал, — сказала она и переступила порог.

В крошечном помещении, похожем на кладовку, было ещё более душно. В гранитных стенах, сложенных, должно быть, столетия назад, торчали кольца с проржавевшими цепями, которые свешивались на пол и, свернувшись змеями, лежали на каменных плитах. Оксана сделала шаг, споткнулась во мраке о цепи и услышала, как они издали короткий суровый звон. Может быть, кто-нибудь годами томился в этой страшной темнице, не видя света.

— Генерал, — сказала королева виноватым голосом, — вы не должны были сажать их в этот отвратительный погреб…

— А куда же мне их сажать, ваше величество? — обиженно пробормотал генерал. — Другой гауптвахты во дворце днём с огнём не отыскать… Спросите хотя бы этого солдата. Мы с ним всё подземелье облазили…

— Так точно, ваше величество! — подтвердил солдат, выкатывая осоловевшие глаза так ста-

рательно, что ей стало смешно, и все её страхи сразу кончились.

— Но я не вижу белых саванов, — сказала она, улыбаясь.

— О, — простонала графиня, — один из них вышел вот из этого угла… А другой… другой наполовину высунулся вот из этой стены…

— И из этой… — тихо прибавил герцог.

— Спаси и защити, Пресвятая Дева! — пролепетала насмерть перепуганная маркиза де Шарман, осеняя себя крестным знамением.

— Аминь, — в тон ей проговорил генерал де Грананж и тоже перекрестился.

— Что же говорили эти саваны?

— Они ничего не говорили, ваше величество! — воскликнула графиня. — Они хохотали!

— Хохотали?

— Дико хохотали, ваше величество! До сих пор мороз продирает меня по коже!

— Странно, — пожала плечами королева.

— Слово герцога, ваше величество! — с достоинством проговорил де Моллюск, видя, что она всё ещё сомневается.

— Но почему же эти привидения больше не появляются?

— Э-э, ваше величество, — пробасил генерал, —

привидения никогда не появляются, когда много народа! А мой кузен как-то ночью шёл через кладбище и видел их собственными глазами! Мой кузен выпил самую малость в кабачке «Весёлый жираф», что стоит на развилке шоссе, и подумал: «Дай-ка пойду в деревню прямиком через кладбище…»

— Не болтайте глупости, генерал! — вдруг рассердилась королева. — Наверно, ваш кузен выпил не такую уж малость…

Она повернулась и увидела, что премьер-министр шепчется с герцогом и графиней.

Глава королевского правительства перехватил её взгляд, поспешно выпрямился и вздохнул:

— Я позволил себе, ваше величество, заметить, что даже в наш чрезвычайно просвещённый век жизнь содержит ещё очень много непонятного и таинственного…

— Возможно, — сказала она, — но признайтесь, господин премьер-министр, вы сами не бывали в «Весёлом жирафе»?

— Я отдаю должное остроумию вашего величества. Однако что вы думаете об этом?

И он указал на большую расщелину между плитами пола, в которой похолодевшая королева отчётливо увидела человеческие кости.

Маркиза де Шарман снова вскрикнула и закрестилась.

— Я не знаю… — перевела дыхание королева.

— Если верить легенде, триста лет назад в этом подвале были заточены смертельные враги трона, — продолжал премьер-министр, — они умерли без церковного покаяния. Я ничего не утверждаю, ваше величество, но не кажется ли вам особым знамением то обстоятельство, что герцог и графиня именно здесь увидели привидения? Кстати, некоторые дворцовые служащие давно заметили, что фигуры в белых саванах иногда поднимаются из этого подвала и разгуливают по ночам по всему дворцу!

— О, да, я тоже припоминаю, — простонала графиня де Пфук, — но это случалось давно, когда её величество была совсем крошкой… А после вашего отъезда в Америку привидений никто не видел… И вот теперь всё началось снова! Уйдёмте отсюда, ваше величество!

— Уйдёмте! — хрипло проговорила маркиза де Шарман. — Умоляю, ваше величество, уйдёмте!

Маркиза вцепилась в руку её величества, и пока они поднимались из подвала, королева всё время чувствовала, как дрожит её новая фрейлина. И дрожь Марго невольно передалась Оксане.

Академик Флокс встретил королеву у входа в спальню.

— Господин доктор, — сказала она, — не надо считать мой пульс, я устала и хочу спать.

— Но, ваше величество… — прошамкал старик, тряся бородкой.

— Не надо, — повторила она настойчиво и прибавила с ласковой улыбкой: — Отправляйтесь и вы спать, дедушка!

Он изумлённо заморгал светлыми старческими глазами.

— Но вы ещё не выпили кефир, ваше величество…

— Хорошо, я выпью, спокойной ночи!

Наконец-то Оксана осталась одна! Она лежала в своей гигантской кровати и лихорадочно соображала: как ей сбежать из дворца? Раз друзья до сих пор не освободили её, она сама позаботится о себе. Путь только один — через парк и дальше, у домика садовника, через ограду. Это будет нелегко, но ведь научился же Поль приходить таким путём к своей невесте! Они, конечно, помогут ей… Впрочем, кто знает, как Поль поведёт себя теперь, когда стал генералом. Уж очень, кажется, понравилось ему носить эполеты и аксельбанты. А она-то ещё хотела поручить ему разыскать

наших спортсменов…

Она выскользнула из-под одеяла и подкралась к двери. Да, Марго и Поль здесь. Вон она устало дремлет, склонив голову на его плечо, а он осторожно, чтобы не разбудить её, разглядывает себя в зеркале и прихорашивается, как женщина. Пламя свечи колеблется перед ним на мраморном столике.

Оксана решительно выпрямилась. Пора! Надо побыстрее одеться и бежать!

Тут она случайно взглянула на окна и вздрогнула. Могучий косой ливень неслышно хлестал по толстым стёклам, не пропускающим в спальню ни одного звука. Потоки воды пузырились и скользили вниз. В сером сумраке было видно, как под ветром бешено кренятся деревья и машут ветками в огромные дворцовые окна.

Это был не ливень, а водопад, и в другое время Оксана залюбовалась бы им, но сейчас он только огорчил её. Одна за другой блеснули молнии, наполняя спальню слепящим фиолетовым светом, потом неясно и глухо, словно за тридевять земель, прогудел гром.

Она вздохнула, юркнула под одеяло и задула на тумбочке свечу.

Девушка проснулась от какого-то неопреде-

лённого шороха и открыла глаза. Она лежала не шевелясь, парализованная вдруг нахлынувшим на неё противным страхом, сделавшим всё её тело липким и непослушным. Она хотела закричать и не смогла.

Посреди спальни во мраке двигалось нечто светлое и бесформенное. Это нечто медленно приближалось, остановилось в пяти шагах от кровати и тихо простонало.

— Кто здесь? — наконец спросила Оксана каким-то чужим, деревянным голосом.

Привидение не ответило. Теперь оно так же медленно удалялось, будто плыло по воздуху. В самом дальнем и тёмном углу спальни оно заколыхалось и исчезло.

Оксана выпрыгнула из постели и босиком заскакала по мягкому ковру в угол. Он был пуст. Девушка растерянно потрогала твёрдые стены и почувствовала под пальцами холодок мрамора.

Глава 9

«Наверно, это сон, — подумала Оксана, — наслушалась всякой всячины, и теперь мне снится эта белиберда...»

Немного успокоенная, она вернулась в постель, но не успела закрыть глаза, как услышала за дверью отчаянный вопль Марго.

Оксана бросилась в соседний зал. Он был пуст, и лишь язычок пламени бился над свечой так, словно кто-то стремительно пробежал мимо.

Слева она увидела распахнутые двери в другой зал, а в том другом — такие же двери были распахнуты в третий, из третьего — в четвёртый. Дальше всё терялось во мраке, но она ещё днём успела заметить, что этим большим роскошным комнатам, в которых, по-видимому, никогда никто не жил, нет конца; и величественные белые двери, ведущие из зала в зал, всегда были открыты по ровной линии одна против другой. Створки дверей с золотыми разводами словно стояли на часах, когда королева проходила по этим пустынным помещениям, увешанным, как в музее, старинными картинами и заставленным дорогой резной мебелью.

Оксана одиноко поёживалась посреди зала в своём шёлковом спальном пеньюаре и настороженно прислушивалась. Было тихо, ничто не выдавало никакого движения, и только отсветы от огонька свечи дрожали на зеркальном паркете.

— Марго! — громко крикнула она, глотнув воздуха.

«Го-го-го-го…» — ответило эхо в бесчисленных залах, и от этого ей стало ещё страшней.

Она была одна в огромном тёмном дворце.

— Эй, кто-нибудь! — превозмогая страх, снова закричала Оксана.

«Бу-бу-бу-бу-бу…» — откликнулись пустынные залы.

— Стража!

«Жа-жа-жа-жа…» — понеслось в темноте.

Цепенея от ужаса, Оксана вдруг увидела, как большой диван у стены задвигался на своих гнутых ножках. Она хотела бежать и не смогла.

Но тут у неё сразу отлегло от сердца: из-под дивана на четвереньках выползла Марго.

— Ваше величество, — зашептала она, задыхаясь. — Тише, ваше величество! Привидения!

— А где Поль?

— Не знаю… — пролепетала Марго, всё ещё стоя

на четвереньках. — Мы тут немного вздремнули, ваше величество, как вдруг пришёл дежурный офицер из вашей охраны и вызвал его по каким-то важным делам… А как только они ушли, тут и началось это…

— Что началось?

— Я и сама не знаю, что началось, ваше величество, но такого страха я и во сне не переживала! Кто-то ходит по тем залам и рыдает! — продолжала лепетать Марго, упираясь руками в паркет и косясь в соседний зал.

— Честно говоря, мне тоже страшновато, Марго, хотя я и уверена, что никаких привидений нет и никогда не было.

— Тсс… Не гневите Господа и не дразните сатану, ваше величество! Тсс… — зашикала Марго, становясь на ноги. — А кто, по-вашему, потушил свечи во всех залах, если не сам сатана?

— Не знаю…

— В том-то и дело!

— Так давайте пройдём по залам и снова зажжём свечи.

— Ой, что вы, ваше величество, подарите мне мешок денег — и то не пойду в такую темнотищу! Уж лучше нам посидеть рядышком, пока не придёт Поль или пока не наступит утро…

Она не договорила последнего слова, потому что разглядела в сумраке дальнего зала что-то совершенно невообразимое. Глаза на побелевшей физиономии Марго округлились, почти вылезая из орбит, челюсть отвисла.

Оксана взглянула в пролёт дверей, и её лицо стало походить на лицо Марго.

Из темноты, от двери к двери, к ним медленно приближался человеческий скелет.

Их ужас был безмерен. Сначала Оксана, а за нею Марго метнулись в тёмную спальню. Королева с разбегу нырнула в постель и с головой спряталась под одеяло, словно оно могло защитить её от устрашающих видений. Потом она услышала, как у двери повизгивает её первая фрейлина.

— Что случилось, Марго? — спросила королева из-под одеяла, стуча зубами.

— Ваше величество… спасите! — прошипела Марго. — Оно держит меня!..

— Кто?

— Оно!

Королева сбросила одеяло и увидела во мраке Марго, яростно размахивающую руками. Маркиза силилась оторваться от двери и не могла.

— Да что же случилось с вами? — спросила шёпотом королева, бросаясь ей на помощь.

— Не знаю…

— Послушайте, Марго, это дверь прищемила ваше платье…

В другое время Оксана расхохоталась бы, но теперь ей было не до смеха.

— Правда, дверь, ваше величество?

— Чтоб мне никогда не вернуться домой, если не дверь!

— Ну, слава Богу, а я уже думала, что никогда не увижу своего Поля!

— Стойте спокойно, надо открыть дверь.

— Как же её открывать, если там оно? Вы бы лучше заперли дверь ещё на один ключ! На один-то замок захлопнулась, да боюсь, не выдержит…

— В таком случае вам придётся простоять здесь до утра.

— Я простою год, ваше величество, лишь бы не попасть в его лапы!

Так они пререкались шёпотом и не сразу обратили внимание на фигуру в белом саване, появившуюся на фоне окна, за которым по-прежнему бушевал неслышный ливень. Королева первой заметила привидение и скакнула на кровать.

Маркиза издала новый вопль, рванулась что было силы, лёгкое вечернее платье затрещало,

и через три секунды Марго оказалась рядом с Оксаной под одеялом королевской постели.

Дрожа, они прижались друг к другу и осторожно высунули головы из-под одеяла.

Привидение в белом саване исчезло, но взамен ему в спальне появился скелет. Он стоял в самом тёмном углу, и кости его вырисовывались очень отчётливо.

Скелет неторопливо поднял руки и простонал. Королева вдруг почувствовала, как страх в ней сменяется яростью. Она подхватила с тумбочки тяжёлый подсвечник и запустила его в привидение. Подсвечник угодил в огромную фарфоровую вазу, которая с оглушительным треском разлетелась на сотни осколков. Скелет мгновенно исчез.

— Ага! — торжествующе сказала Оксана. — Это тебе не по вкусу?!

В эту минуту Марго молча указала ей на дверь, медная ручка которой то опускалась, то поднималась, потому что кто-то нажимал на неё с другой стороны. Прежде чем Оксана подумала, что ей следует предпринять, в спальне раздался тяжёлый вздох, и сдавленный мужской голос страдальчески произнёс:

— О, дочь моя!..

— Святая Мария! — шепнула Марго, до боли

сжимая руку Оксаны. — Это, наверно, голос нашего покойного короля!

— Кто здесь? — громко спросила королева.

— Твой отец, дочь моя, — ответил голос.

— Послушайте, как вам не стыдно валять дурака?!

Возможно, что этот прямолинейный вопрос смутил вопрошающего, потому что он помолчал, прежде чем ответить:

— Я не понимаю тебя, дочь моя…

— Зато я вас отлично понимаю! — сказала Оксана, садясь в постели. — Ну-ка, покажитесь, как вы выглядите. Я вас не вижу.

— Ваше величество! — истерически зашептала Марго. — Не накликайте на нас беду!..

Призрак длинно вздохнул:

— Я не подозревал, дочь моя, что ты не любишь своего отца!

— Я очень люблю моего отца! — быстро сказала Оксана, закрывая ладонью рот Марго, которая открыла его, чтобы снова что-то зашептать.

— Я в этом уже было начал сомневаться, — удовлетворённо проговорил призрак. — Дочь моя, любимая Изабелла! Сердце моё разрывается!

— А разве у привидений бывает сердце? — совсем весело воскликнула королева. — Разве

привидения не прозрачны, как стёклышко? Даже в кино их показывают прозрачными…

Было похоже, что призрак не ждал этих вопросов и поэтому не сразу нашёл, что ответить.

— А разве я не прозрачен? — ответил он после некоторого раздумья.

— Ты никакой, — сказала Оксана, озираясь. — Вот молния осветила спальню, но я не вижу даже твоей прозрачности… Мне только кажется, что твой голос доносится откуда-то сверху, из вентиляционной отдушины, которую я разглядела сегодня днём под самым потолком.

— Да, меня не всегда можно видеть, — печально ответил голос.

— Ты сказал «дочь», но уверен ли ты, что я твоя дочь?

— Это так же ясно, как то, что я твой отец.

— Но ты не мой отец!

Призрак поперхнулся.

— Кто же я?..

— Не знаю…

— Опомнись, Изабелла! Разве твой отец не умер совсем недавно?

— Мой отец, к счастью, ещё никогда не умирал!

— Ты терзаешь меня, Изабелла!

— Я не Изабелла!

— Ты?

— Да, я…

— Но кто ты в таком случае?

— Если я скажу, ты всё равно не поверишь.

— Но всё-таки…

— Всё-таки я русская школьница!

— Оставим шутки, дочь моя!

— Я не шучу!

— Ваше величество, — снова зашептала Марго, — не выболтайте привидению своего секрета. Лучше скажите, что вы его дочка… А то оно и меня не признает маркизой…

— Изабелла! — строго проговорил призрак. — Я вышел из могилы, чтобы спасти тебя, дитя моё!

— Спасти? От чего?

— От неразумных и пагубных шагов и поступков… Слушай меня внимательно… Во-первых, ты должна завтра же восстановить поруганную тобой честь любимых мною герцога де Моллюска и графини де Пфук!

— Вот как!

— Во-вторых, ты должна раз и навсегда запомнить, что тебе не следует вмешиваться в решения твоего правительства!

— О, понимаю! Ваше замечание относится к

забастовке электриков и угольщиков? — усмехнулась она.

— О, Боже мой! Им нельзя давать возможность поступать так, как они хотят, иначе они очень скоро сядут на шею и хозяевам, и правительству! И даже тебе!

— Мне кажется, что до сих пор кое-кто сидел именно на их шее!

— Ты вернулась из-за океана, дочь моя, начинённой противоречиями. Если бы ты не была королевой, я подумал бы, что ты стала коммунисткой.

— Нет, я, к сожалению, ещё слишком молода, чтобы вступить в Коммунистическую партию!

— Ты постоянно шутишь, дитя моё…

— Шутка украшает жизнь!..

— Всякая шутка должна быть уместной, Изабелла, а ты шутишь в то время, когда тебе угрожает смертельная опасность! Проклятые враги нашего трона, продавшие свои души дьяволу триста лет назад, бродят по дворцу! Берегись, дитя моё!

И, словно подтверждая эти слова, в углу спальни раздался шорох. Марго больно сжала руку королевы.

Белое привидение отделилось от стены и поплыло по комнате, неясное, бесформенное и

безмолвное. А следом за ним из того же угла вышел скелет со светящимися костями, сделал несколько неслышных шагов по ковру и сел в кресло, вытянув ноги.

Но Оксане давно уже не было страшно.

Она подхватила с ночного столика другой подсвечник и, прежде чем привидения опомнились, очутилась в том самом углу, откуда они вышли.

— Ага! — торжествующе закричала Оксана. — Теперь вы в моих руках! Интересно, куда вы будете бежать? Предупреждаю, я дам по голове тому, кто сунется в этот угол! Сдавайтесь, путь отрезан!

Так как Оксана всё это кричала сгоряча на русском языке, привидения, вероятно, не поняли её. Но подсвечник, которым она очень выразительно размахивала над головой, по-видимому, объяснил её мысли. Сначала белое привидение, а потом скелет торопливо засеменили к двери.

Давно известно, что паника в лагере противника всегда придаёт силу и храбрость наступающим. Продолжая размахивать подсвечником, с победным криком Оксана бросилась наперерез отступающим. Белое привидение и скелет метнулись в сторону, неуклюже прыгнули на королевскую кровать, рассчитывая, должно быть,

что это препятствие задержит королеву. Но тут белое привидение споткнулось и свалилось на Марго, а скелет, в свою очередь, со всего размаху рухнул на белое привидение. Три тела отчаянно забарахтались на широчайшей постели.

— Караул! Спасите! — дурным голосом заголосила первая фрейлина.

Кто-то со страшной силой заколотил в дверь, замок затрещал, створки дверей распахнулись, и королева увидела на пороге атлетическую фигуру Поля.

— Марго, Марго! — тревожно заговорил генерал де Грананж. — Что здесь происходит?

Он отважно ринулся к королевской кровати, но, заметив, что с неё спрыгнул скелет, отскочил в сторону и застыл на месте с открытым ртом. Воспользовавшись замешательством, скелет и белое привидение скользнули мимо генерала и скрылись за дверью.

— Держите! — закричала королева, устремляясь следом за ними. — Держите!

— Поль! Держи их! — завопила Марго, срываясь с кровати. — Клянусь Святым причастием, это никакие не привидения… У них тела, как у всех людей!

Оксана, задыхаясь, бежала из зала в зал, не

спуская глаз с мерцающих во мраке привидений, и слышала, как за её спиной звенят шпоры Поля и неотступно стучат каблуки Марго.

Глава 10

Ливень между тем кончился, ветер унёс тучи, и лунный свет потоком хлынул в бесчисленные окна дворца. Он упал на паркет чёткими четырёхугольниками, до краёв наполнил все залы прозрачным золотистым туманом. Оксана стремительно неслась мимо окон, от двери до двери, и луна неслась вместе с ней наперегонки, поочередно появляясь в переплётах каждого окна.

До привидений было не так уж далеко. Оксане показалось, что она слышит хриплое дыхание одного из них, по-видимому, того, которое бежало в белом саване, потому что скелет несколько опережал его.

— Это люди, ваше величество, — услышала Оксана за спиной голос Марго, — чтоб не увидеть мне завтра солнышка, если они не люди! Уж я точно разобрала…

— Сдавайтесь! — крикнула Оксана на бегу. — Всё равно поймаем!

— Ваше величество! — рявкнул генерал, топая ногами и звеня шпорами. — Позвольте мне пульнуть в них из пистолета!

— Ни в коем случае! — испугалась Оксана. — Вы

же слышали, что это люди!

В эту минуту оба привидения свернули направо и исчезли.

— Скорей, скорей! — крикнула Оксана, вбегая следом за беглецами в огромный высокий зал со стеклянным потолком, сквозь который широко и ярко вливался свет луны.

Озарённые этим сказочным светом, словно окутанные золотистой паутиной, по залу метались два привидения. В конце зала, у противоположной стены, на возвышении из нескольких ступенек Оксана увидела королевский трон; драгоценные камни, украшающие его, светились под лунными лучами разноцветными огоньками.

— Ох, я больше не могу, — хрипло проговорило белое привидение, хватаясь за стену.

Марго с разбегу, словно по льду, заскользила по паркету и вцепилась в его саван.

— Это женщина, ваше величество! — торжествующе закричала она. — Хватайте того, а уж эту я не выпущу, она еле дышит!

Генерал де Грананж с пистолетом в руке неторопливо подходил к скелету. Скелет в панике пятился к трону. Оксана видела, как, продолжая пятиться, он ступил сначала на одну ступеньку, потом на другую, на третью и, натолкнувшись

на трон, безвольно опустился на него и поднял вверх кости своих рук. Это было великолепное зрелище! Озарённый луною скелет с поднятыми руками сидел на королевском троне.

— Ваше величество, — жалобно сказал скелет, — заставьте его спрятать пистолет… Он не имел права входить в тронный зал с оружием…

— А разве вы имели право садиться на трон? — весело спросила Оксана и прибавила: — Поднимайтесь же, герцог де Моллюск! Я узнала ваш голос ещё в спальне, когда вы выдавали себя за покойного короля! Поднимайтесь и расскажите, как надо понимать этот спектакль?

Скелет поднялся и опустил руки.

— Ваше величество… простите нас…

— Подойдите ко мне, герцог, мне не терпится узнать, как вы соорудили свой страшный костюм.

— Ничего особенного, ваше величество, — смиренно проговорил де Моллюск, подходя к королеве. — Черный бархат, плотно облегающий тело с головы до ног… А череп и весь скелет нарисован светящейся краской…

— Так я и думала…

— Повторяю, ничего особенного, ваше величество, взято напрокат в театре…

— Однако спектакль получился неважный.

Пронзительный всхлип раздался за спиной Оксаны. Она оглянулась и увидела, что белое привидение содрогается от рыданий.

— Ревёт! — миролюбиво сказала Марго, не выпуская тем не менее из рук белого савана. — Даже жалко становится…

— О, ваше величество! — истерически воскликнуло белое привидение, падая на колени. — Простите нас, Бога ради! Это была шутка… Только шутка… Я знаю, вы это давно поняли… Простите, ваше величество…

— Графиня де Пфук? — спросила королева.

— Да, ваше величество… Я проклинаю ту минуту, когда нам явилась несчастная мысль так неудачно позабавить вас…

— Встаньте, графиня, — сказала королева, — прошу вас немедленно покинуть дворец. Вы нас достаточно позабавили…

Привидения безмолвно удалились.

— А теперь спать! — облегчённо вздохнула королева.

Глава 11

Оксана пробудилась от чьего-то прикосновения. Она открыла глаза и сейчас же зажмурилась от солнца, ворвавшегося сквозь зелень парка в распахнутое окно королевской спальни. Пахло сырой землёй и цветами.

Над ней склонялась озабоченная Марго.

— Ваше величество, вас хочет видеть премьер-министр…

— Но я ещё хочу спать…

— Он говорит, что у него к вам это… ну, как это?., неотложное дело.

Оксана лежала с закрытыми глазами.

— Ваше величество…

— Да что вы, Марго, всё «ваше величество» да «ваше величество»! Никакое я не величество, ведь вы же это знаете, — сонно пробормотала королева, не открывая глаз.

— Ой, что вы, ваше величество! Для меня вы самая наизаправдашняя королева! Ей-богу, когда я вас вижу, даже оторопь берёт! А Поль хоть жизнь за вас отдаст… Очень мы вас полюбили, ваше величество.

— Если любите, помогите мне бежать из двор-

ца.

— Ваше величество, хоть годик побудьте королевой!

— Вы с ума сошли, Марго! — воскликнула Оксана, подскочив на кровати. — Я и месяца не выдержу такой пытки… Что там нужно премьеру?

— Не знаю… Он прямо из себя выходит.

Оксана быстро оделась и вместе с первой фрейлиной прошла в кабинет.

Через минуту на пороге кабинета появился уже знакомый ей маленький лысый человек с квадратным подбородком. Его сопровождал генерал де Грананж, ставший, словно по команде «смирно», у двери.

— Доброе утро, ваше величество, — проговорил премьер тем же, что и вчера, вялым и тусклым голосом. Но, вперив в неё свои маленькие водянистые глаза, он нервозно подвигал похожими на щётки седыми бровями. — Я прошу нашу любимую королеву отнестись снисходительно к столь обременительному для неё нарушению придворного этикета. Что делать, ваше величество, при столь сложных обстоятельствах, как ныне, ваш покойный батюшка, наш незабвенный король, — он сложил у груди руки и закатил глаза к

потолку, — принимал своего премьер-министра даже в постели!

Она нетерпеливо передёрнула плечами.

— Что вам надо, господин премьер?

— Я буду краток, ваше величество: вам необходимо незамедлительно вылететь в Африку.

Её глаза изумлённо округлились.

— В Африку?!

— Об этом вас покорнейше просит кабинет министров.

— А почему бы кабинету министров не попросить меня вылететь в Гренландию? Или, скажем, в Антарктиду?

Премьер подёргал бровями.

— Вы, как обычно, шутите, ваше величество, вероятно не подозревая, что мы можем потерять нашу африканскую колонию, которая в четырнадцать раз превосходит по территории наше королевство и которая уже много десятилетий, я бы сказал, поит и кормит нас.

Она искренне удивилась:

— Поит и кормит? Это же очень древнее королевство, которое давным-давно вышло из младенческого возраста!

Премьер снисходительно улыбнулся и развёл руками:

— Молоко, ваше величество, полезно не только младенцам, но и престарелым…

Она помедлила, соображая.

— Что вы называете молоком?

— Например, бананы, которые вывозит из Африки член парламента граф де Пфук и продаёт всей Европе.

— Ещё?

— Ананасы.

— Кто ими торгует?

— Барон Беренштейн.

— Ещё?

— Уран. И смею заметить, что урановая руда составляет сейчас одну из главных статей нашей экономики.

— Всё это ужасно, господин премьер-министр! Неужели своими бананами, ананасами и урановой рудой не могла бы распорядиться та бедная африканская страна, которую вы называете колонией?

— А экономика Карликии?

— А экономика той бедной страны и её народа?

— Ваше величество, это дикари.

— И они готовы вечно набивать деньгами чужие карманы и оставаться дикарями?

— Ваше величество, во всех колониях брожение… Они требуют самоопределения… А это равносильно гибели нашей экономики.

— Вы хотите сказать — вашим доходам?

— Ваше величество! — с трудом сдерживая негодование, сказал премьер-министр и нетерпеливо переступил с ноги на ногу. — Вам нужно вылететь в Африку, чтобы сказать дикарям ласковые слова о том, что Карликия — их вечный друг.

«Может быть, я из Африки скорей доберусь до дому?» — мелькнула у Оксаны мысль.

— Хорошо, — сказала она, — я лечу в Африку.

Премьер облегчённо вздохнул.

— Самолёт «Р-520» ждёт вас в аэропорту, ваше величество…

— До свидания, господин премьер-министр.

— Счастливого пути, ваше величество!..

Он замешкался у входа, кашлянул, подёргал бровями-щётками и промолвил:

— Текст речей, которые вы произнесёте перед дикарями на празднествах по поводу вашего приезда в колонию, сейчас сочиняют мои люди. Вы получите свои речи, ваше величество, на аэродроме перед отлётом…

— Благодарю вас, господин премьер-министр.

Премьер поклонился и вышел.

— Ну что ж, друзья, — сказала королева первой фрейлине и генералу, — летим в Африку?

— Летим! Я никогда не была в Африке…

— И я не был, — вздохнул Поль.

— Ваше величество, — вдруг спохватилась Марго, — а что, если в Африке вас тоже будет донимать… какое-нибудь привидение? Послушай-ка, Поль, отправляйся в аэропорт, садись на этот самый самолёт «Р-520» и лети в Африку!

— Зачем? — заморгал он глазами.

— О Господи, вот уж бестолковый! Да затем, чтобы проверить, какая встреча там готовится нашей королеве.

— Как же так, Марго? — растерянно бормотал он. — Уж я лучше с вами…

— Мы прилетим следующим самолётом. Вы согласны, ваше величество?

— Мне, право, всё равно, — пожала плечами Оксана.

— Отправляйся! — приказала Марго. — Ну?!

Поль исчез.

— А теперь, ваше величество, идёмте в спальню, — продолжала она всё тем же тоном, — и прикажем девушкам привести в порядок наши чемоданы.

Через минуту королеве доложили, что начальник дворцовой охраны должен сообщить ей нечто исключительно важное. Оксане и Марго пришлось возвращаться из спальни в кабинет.

Пожилой офицер взволнованно расхаживал перед закрытыми дверями кабинета, сверкающие аксельбанты подрагивали на его голубом мундире.

— Ваше величество! — свистящим шёпотом проговорил он, вытягиваясь перед королевой. — Заклинаю вас: не летите в Африку!

— Почему?

— Мне приказали молчать под страхом смерти… Но я не могу молчать! Я ваш наиверноподданнейший слуга, ваше величество, ваш раб, и…

— Да что случилось, в конце концов?

— Я стал сегодня невольным свидетелем заговора против вашего королевского величества! — торопливо говорил офицер, выкатывая глаза. — Премьер-министр, герцог де Моллюск и графиня де Пфук решили погубить вас… Я слышал, как они совещались. Я понял, что, поскольку история с привидениями не дала им желаемого результата, они пошли на крайние меры…

— Какие меры?

— В самолёте «Р-520», за его обшивку, засунут

зажигательный карандаш!

— Что это значит?

— Это значит, что самолёт «Р-520» сгорит в воздухе, и потом будет объявлено, что королева погибла вследствие авиационной катастрофы!

— Поль! — закричала Марго. — Поль летит на этом самолёте! Спасите, ваше величество!

Королева бросилась в кабинет и дрожащей рукой сорвала с телефонного аппарата трубку.

— Телефонные провода перерезаны, ваше величество, — шептал за её спиной начальник дворцовой охраны.

Оксана бросила трубку на стол.

— О, мой Поль! — заголосила Марго. — Он погиб!

— Машину! — крикнула королева. — Скорей!

Они бежали с Марго из зала в зал, с лестницы на лестницу. Начальник дворцовой охраны не отставал от них, и она вдруг снова услышала его шёпот:

— Ваше величество… я надеюсь, что… что вы, ваше королевское величество, оцените должным образом благородный поступок вашего раба… Мне давно обещан орден и звание генерала… И жалованье, ваше величество… Жалованье!

Наконец он отстал. Могла ли думать Оксана,

что начальник дворцовой охраны после этого запрётся в караульном помещении, неторопливо наберёт номер на вполне исправном телефонном аппарате и скажет шёпотом, выкатывая глаза:

— Господин премьер-министр, докладываю вам, что план «Р-520» провалился… Известная вам особа выехала на машине в аэропорт… Вероятно, она полетит на другом самолёте. Я надеюсь, господин премьер-министр, что вы оцените должным образом мои старания… Благодарю, господин премьер-министр…

А премьер-министр тотчас снял в своём кабинете трубку другого телефонного аппарата.

— Герцог? — негромко спросил он. — Слушайте: «Р-520» отпадает. Приводите в исполнение план номер два. Если не получилась авиационная катастрофа, пусть будет автомобильная. Торопитесь, герцог!

Глава 12

Длинный, приземистый, словно припавший на лапах к земле и приготовившийся к прыжку леопард, у входа во дворец стоял двенадцатицилиндровый королевский лимузин. Осеннее солнце ласкало его небесно-голубую окраску, сверкало в стёклах и серебряных инкрустациях.

Королева не шла, и шофёр решил, что в такой ранний час машина вряд ли понадобится её величеству. Он беззаботно оставил кабину, чтобы поболтать о том о сём с королевскими телохранителями, которые курили и посмеивались в отдалении, не отходя от своих автомобилей.

Шофёр выкурил сигарету, зевнул и со скучающим видом отошёл от телохранителей. Но тут он разглядел под каштанами парка знакомую цветочницу, несущую во дворец охапку гладиолусов. Он поправил на голове фуражку с серебряным гербом и заторопился ей навстречу.

Дальнейшие события развивались совершенно стремительно.

Едва шофёр скрылся за оградой парка, дорожные телохранители её величества бросились к своим автомобилям и в несколько мгновений

оказались на своих местах: по парадной лестнице сбегали королева и первая фрейлина.

— Нет шофёра! — вскрикнула Оксана, тяжело дыша.

— Да садитесь же, ваше величество! — бесцеремонно крикнула Марго, подталкивая её к лимузину. — Поль научил меня водить машину! Скорей, ваше величество!

Дверцы захлопнулись, и небесно-голубой лимузин сорвался с места и сразу же оказался за воротами.

Двенадцать цилиндров работали совершенно беззвучно и плавно несли машину по улицам города. Оксана сидела рядом с Марго и видела сквозь ветровое стекло, как от их машины шарахаются в разные стороны прохожие. Чтобы не задавить полицейского, остолбеневшего от одного вида королевской машины, они въехали на тротуар. Мелькнули и скрылись выпученные от ужаса глаза какого-то толстяка, прижавшегося к магазинной витрине.

Оксана оглянулась. Четыре машины неотступно следовали за ними.

— Почему они не отстают от нас, Марго? — с тревогой спросила Оксана.

— О Господи, ваше величество, какая вы бес-

толковая, — сказала Марго, не отрывая взгляда от дороги, — они же вас охраняют…

Впереди на перекрёстке вспыхнул красный огонёк светофора. Марго включила сирену, сразу наполнившую улицу душераздирающим воем. Отчаянно заскрипели тормоза автомобилей, прижимающихся к тротуару и освобождающих путь королевскому лимузину. Красный огонёк испуганно замигал, полицейский с поднятым жезлом скакнул на тротуар и через мгновение остался где-то далеко позади.

«Прочь с дороги, прочь с дороги!» — пронзительно выла сирена. Окна, витрины, вывески, машины, прохожие безостановочно летели назад.

Оксана посмотрела на спидометр: его стрелка колебалась между ста пятью и ста десятью километрами.

— Марго, нельзя ли помедленнее! — робко попросила она.

— Отстаньте, ваше величество! — пробормотала первая фрейлина, вновь чуть не въезжая на тротуар, чтобы не провалиться в открытый посреди улицы люк: по-видимому, там что-то ремонтировалось.

Наконец они вылетели за город, и стрелка спи-

дометра рванулась к делению 160.

— Марго!

— Что, ваше величество?

— Это сумасшествие!

— Ах, ваше величество!.. — только покривилась она, и её глаза наполнились слезами. — А если самолёт лопнет в воздухе, как мыльный пузырь?.. Уж вы потерпите, ваше величество…

И её рука сама собой снова прибавила газ, и похолодевшая Оксана увидела, что стрелка спидометра медленно подползает к делению с красными цифрами 200. Казалось, что они не едут, а неслышно летят над широкой и ровной лентой шоссе. Начавшие уже увядать деревья и кустарники по его обочинам превратились в сплошные светло-коричневые полосы. Крошечная встречная машина показалась далеко-далеко впереди, мгновенно выросла, словно увеличенная стёклами бинокля, и исчезла. Оксана услышала только короткий и тонкий звук, похожий на писк комара.

Чуть слышно шелестели цилиндры небесно-голубого лимузина. Он родился на знаменитом среди королей и миллиардеров всего мира автомобильном заводе и стоил столько золота, сколько весил его мотор со всеми двенадцатью

цилиндрами.

До самого горизонта шоссе казалось пустынным. Оксана взглянула назад. Там было так же безлюдно, телохранители давно отстали: вероятно, они всё ещё пробивались сквозь сутолоку городских улиц.

— Сейчас будет мост, — сказала Марго, вытягивая вперёд голову, — а от моста рукой подать до королевского аэропорта…

Это был совсем небольшой мост. Его белые каменные перила, как в кинокадре, внезапно возникли перед ветровым стеклом. Марго и Оксана одновременно увидели, что мост взорван или разобран, и в самом центре его зияет провал шириной полтора-два метра. Но прежде чем они подумали об опасности, несущийся со страшной скоростью небесно-голубой «леопард» сделал прыжок и по инерции перенёс их через провал. Собственно прыжка они даже не почувствовали — так мягко коснулись колёса плит моста по ту сторону провала.

Не сбавляя скорости, они вновь вылетели на шоссе и от растерянности не смогли сказать ни слова.

Через несколько минут к мосту подъехали королевские телохранители. Тормоза завизжали,

машины остановились, и мужчины в шляпах высыпали на шоссе. Они тщательно обследовали провал, но, не обнаружив останков юной королевы, снова захлопали дверцами. Их машины выехали на зелёную пашню и неторопливо миновали опасное место.

А королевский лимузин в это время ворвался на лётное поле аэродрома, и первое, что увидели Марго и Оксана, — это был самолёт «Р-520». Всё быстрей и быстрей он катился по взлётной дорожке, оторвался от земли и начал набирать высоту…

Глава 13

— Назад, назад! — закричала королева, выскакивая из своего лимузина и отчаянно размахивая руками. — Лететь нельзя!

— Назад! — вторила ей Марго, запрокинув голову и так же отчаянно размахивая руками. — Поль, милый, вернись!

Самолёт «Р-520» скрылся за грядой леса.

Королеву осенила какая-то мысль, она дёрнула за рукав первую фрейлину и молча устремилась к зданию вокзала. Навстречу ей уже бежали переполошившиеся служащие аэропорта.

— Вернуть самолёт! Немедленно вернуть самолёт! — задыхаясь, крикнула королева.

— Слушаюсь, ваше величество! — рявкнул высокий костлявый мужчина, по-видимому, начальник аэропорта.

Он бежал рядом с королевой, взяв руку под козырёк и выпучив испуганные глаза. Через полминуты они ворвались в просторную и светлую комнату диспетчера, сквозь стеклянные стены которой было видно всё лётное поле с рядами неподвижных самолётов и уходящая вдаль, к синеватой гряде леса, взлёцццтная дорожка.

Диспетчер вскочил и вытянулся. Сам начальник аэропорта, ещё не отнимая от козырька правую руку, трясущейся левой рукой защёлкал рычагами и кнопками радиосистемы.

— «Р-520», «Р-520»! — кося глаза на Оксану и дёргая в такт словам кадыком на длинной шее, повторял он. — Вызываю «Р-520»!

Спустя две секунды спокойный голос ответил:

— «Р-520» слушает.

— «Р-520»! Приказываю немедленно возвратиться в аэропорт!

— Вас понял… Вас понял… — ответил голос, но через несколько секунд вдруг снова зазвучал в тишине диспетчерской: — Генерал де Грананж спрашивает, кто приказывает?

— Начальник аэропорта, — дёрнул кадыком костлявый мужчина.

Прошло несколько томительных секунд.

— Аэропорт, аэропорт, — раздался наконец всё тот же голос, — генерал де Грананж сообщает, что он отказывается выполнить приказ.

Первая фрейлина сорвалась с места и, оттолкнув начальника аэропорта, воскликнула:

— А ну-ка скажите генералу, чтобы он не очень-то задирал нос!

Голос хотел что-то ответить, но поперхнулся,

и вместо него в радиорепродукторе прозвучал вопрошающий бас генерала де Грананжа:

— Кто это говорит?

— Маркиза де Шарман!

— Хм… — с сомнением хмыкнул генерал. — А как я могу знать, что это действительно маркиза?

— Ты что, не слышишь меня, длинноногий журавль? — взорвалась первая фрейлина.

— Марго, — виновато перебил её бас, — ты бы так и сказала, что это ты… Мы уже возвращаемся обратно…

Начальник аэропорта, во все глаза смотревший на первую фрейлину, отнял наконец руку от козырька и поражённо почесал затылок.

Все снова высыпали на лётное поле и устремили глаза на небо.

— Ваше величество, — робко сказал начальник аэропорта, снова прикладывая руку к козырьку, — дозволено ли мне знать, чем вызвано возвращение «Р-520»?

— Диверсия! — быстро сказала королева. — Самолёт может загореться в воздухе, господин начальник! Вот он летит…

— О! — простонала первая фрейлина. — Он уже горит!

— Пожарные машины! — срывающимся голосом закричал начальник. — Врачей!

Оставляя в воздухе бархатную полосу дыма, из-за леса показался самолёт. Навстречу ему с воем неслись пожарные и санитарные машины. Самолёт коснулся земли, сделал короткую пробежку и остановился. Струи воды ударили по фюзеляжу. Оксана видела сквозь клубы дыма, как из самолёта выпрыгивают какие-то дети, женщины и мужчины с чемоданами. Её поразило такое множество незнакомых людей в королевском самолёте, одетых в дешевые одноцветные плащи. Размахивая чемоданами, они нестройной толпой бежали от горящего самолёта по зелёному полю.

Потом она увидела, как, перегоняя их, скачет длинноногий генерал де Грананж. Раскрыв объятия, навстречу ему рванулась первая фрейлина. Они встретились посреди огромной дождевой лужи и замерли, обняв друг друга.

Самолёт меж тем запылал, как огромный костёр, и пожарники, поняв бесплодность своих попыток погасить огонь, бросились врассыпную. Прогрохотал взрыв, самолёт разлетелся на тысячи осколков.

— Только подумать, ваше величество, — простонала Марго, — попрепирайся он со мной ещё

полминуты — и их души уже несли бы ангелы в своих объятиях! Экий дурень!

Оксана с недоумением рассматривала окруживших её многочисленных пассажиров. У них были добрые простоватые физиономии, они испуганно улыбались и кланялись ей. Женщины неуклюже приседали и подталкивали девочек, чтобы те сделали реверанс её величеству.

— Кто это? — спросила королева шёпотом.

— Мои родственники, ваше величество, — пробасил генерал с достоинством. — Как только вы отправили меня в Африку, я подумал: зачем гнать пустой самолёт туда и обратно? Я сразу позвонил в свою деревню по телефону и сказал, если, мол, хотите посмотреть живых крокодилов, срочно приезжайте на королевский аэродром. И ещё сказал, чтобы все получше оделись: как-никак полетят на самолёте её величества… Видите, они купили новые плащи в деревенской лавке. У меня боевая родня, ваше величество! Они мигом собрались и прикатили сюда на грузовике… А вот как их теперь отправлять — ума не приложу: грузовик-то дядюшка Пьер угнал обратно…

В это время на лётном поле показались четыре машины с королевскими телохранителями. Они захлопали дверцами и бегом устремились

к королеве.

— Марго, — сказала вдруг Оксана, — мы не поедем во дворец…

— А куда?

— В загородную гостиницу к нашим лыжникам. Они, конечно, ищут меня, но кому придёт в голову искать меня во дворце?

— Ваше величество, теперь нам не избавиться от телохранителей!

— Но что же мне делать, Марго?

— Потерпите еще хоть самую малость, ваше величество!

…У входа во дворец королеву поджидал франт средних лет, в цилиндре и во фраке, с моноклем в глазу.

— Ваше величество, — заговорил он театральным баритоном, снимая цилиндр и наклоняя голову с напомаженными волосами. — Я уполномочен парламентом выразить вам сочувствие по поводу прискорбных событий, связанных с вашим путешествием. Депутаты возносят благодарные молитвы Господу Богу, который столь бережно охранял вас своей всемогущей десницей. Одновременно я уполномочен довести до вашего сведения, что премьер-министр королевского правительства сложил с себя полномочия

и просит принять его отставку.

— Какое мне дело! — сердито сказала Оксана, поднимаясь по мраморной лестнице.

Франт неотступно следовал за ней.

— Мой друг и коллега сражён постигшими ваше величество огорчениями и в связи с нервным потрясением уложен врачами в постель.

— Как своевременно он заболел!

Франт пропустил мимо ушей её восклицание:

— Сообщаю вам, ваше величество, что преступник уже арестован.

— Какой преступник? — остановилась она.

— Тот, по чьей злой воле готовились авиационная и автомобильная катастрофы.

— Кто же он? — Оксана внимательно посмотрела в глаза франта.

Его холёное лицо было холодным и серьёзным.

— Начальник королевской охраны, — ответил он, спокойно выдерживая её настороженный взгляд.

— Какая чепуха!

— Преступник уже сознался, что был подкуплен коммунистами!

— Но это же чушь! — воскликнула она и, отвернувшись от франта, быстро пошла вперёд.

Он шёл рядом, не отставая ни на шаг.

— Надеюсь, я вам больше не нужна? — раздражённо сказала она.

— Вы не подписали двух документов, ваше величество.

— Каких документов?

— Во-первых, документ о том, что вы, ваше величество, поручаете мне сформировать новое правительство…

— Но я вам ничего не поручала! — изумилась она.

Он улыбнулся снисходительно, как взрослые улыбаются детям:

— Королевский совет принял решение… Газеты уже знают о вашем поручении. Я готов принести присягу вашему величеству. К власти приходит правительство действия! Бывшее правительство во главе с моим коллегой и другом было слишком нерешительным в вопросах внутренней политики, именно поэтому парламент выразил ему недоверие.

Она невесело усмехнулась, подумав: «нерешительное» правительство едва не отправило её на тот свет.

— Так… Ну, а второй документ?

— Это сущая безделица, ваше величество… Указ о запрещении забастовки электриков и

угольщиков.

— Я не издавала такого указа.

— Королевский совет уже принял решение.

— И газеты уже знают «о моём» указе?

— Да, конечно.

— Какой же вы… — Она хотела сказать «пройдоха», но сдержалась и только вздохнула: — Бедный народ Карликии! Как безжалостно его обворовывают!.. Я ничего не подпишу!

— Собственно, ваши подписи и не нужны, ваше величество: королевский совет уже поставил на документах ваше факсимиле… Ах, ваше величество, вы так молоды, что, право же, вам следует уделять больше внимания не вопросам внутренней политики, а вопросам… своего сердца. Доверьте политику своему правительству.

— Я вас не совсем понимаю… При чём тут сердце?

— Вас ждёт большая радость!

— Радость? — Она подозрительно покосилась на него.

— Огромная радость, ваше величество! После небольших дебатов парламент счёл возможным признать де-юре ваше… американское увлечение. Парламент только лишь просит вас издать рескрипт о присвоении вашему жениху высочай-

шего звания принца. Таким образом, ваш брак с… его высочеством не будет считаться морганатическим.

Как ни была расстроена Оксана, она рассмеялась.

— Я вижу улыбку счастья на лице моей королевы, — церемонно продолжал баритон. — Уведомляю вас также, ваше величество, что парламент принимает к сведению ваше желание отправиться после заключения брака в шестимесячное свадебное путешествие…

— Моё желание?

— Парламент просит Бога, — продолжал франт, словно не слыша её, — усыпать ваш свадебный путь цветами.

— Оставьте меня!

— Ваше величество, теперь нам совершенно необходимо пройти в тронный зал.

— Сударь! — раздался сердитый голос Марго. — Ведь её величество ясно сказала вам, чтобы вы оставили её!

Франт осторожно отстранил Марго от Оксаны.

— Нас ждут в тронном зале, ваше величество.

— Да вы что толкаетесь, сударь! — вспыхнула Марго.

Франт довольно бесцеремонно взял королеву

под руку и настойчиво подталкивал её вперёд.

Марго шла позади и негромко ворчала:

— Жаль, нет Поля, он живо расправился бы с вами! И куда он запропастился!

В тронном зале, залитом на этот раз не лунным, а солнечным светом, перед Оксаной расступилась группа придворных. Тонко пахло духами. Мужчины во фраках склоняли головы, дамы в роскошных туалетах приседали перед королевой. Её провели на трон и кто-то надел на её голову маленькую, усыпанную бриллиантами корону. Репортёры засуетились и защёлкали фотоаппаратами.

Перед троном она увидела аналой, на котором лежала какая-то книга в золотом переплёте с крестом из ярких камней в центре. «Как в театре», — подумала Оксана. Она посмотрела по сторонам, заметила, что слева от нее стоит Марго, величественно поглядывающая на придворных, и успокоилась. «Марго и Поль не оставят меня в беде», — решила она. И в ту же минуту в зал, звеня шпорами, вошёл Поль. Он поискал глазами Марго, увидел её у трона, поджал губы и чуть качнул головой, словно хотел сказать: «Вот это да!..» Затем Поль, позванивая в тишине шпорами, неторопливо прошагал к трону и стал справа от

королевы.

— Господин верховный судья, начинайте, — услышала Оксана негромкий и нетерпеливый баритон.

К аналою подошёл дородный мужчина в чёрном одеянии, похожем на рясу священника. Он поклонился королеве и торжественно произнёс:

— Ваше королевское величество! По вашему высочайшему повелению, я, верховный судья королевства Карликии, привожу к присяге премьер-министра вашего правительства, кавалера ордена Жёлтой подвязки, доктора Права и Торговли, магистра Финансов и Денежных Операций, почётного члена Общества Промышленников и Крупных Землевладельцев, досточтимого банкира Альфреда де Гну! — И, обернувшись к знакомому Оксане франту, верховный судья почтительно прибавил: — Прошу вас, ваше превосходительство.

Альфред де Гну стал рядом с верховным судьёй, положил правую руку на книгу в золотом переплёте и поднял два пальца левой руки над головой.

— Я, премьер-министр правительства её королевского величества, — зазвучал его красивый голос, — перед лицом всемогущего Бога и перед

моей всемилостивейшей королевой, в присутствии верховного судьи королевства Карликии, обещаю в неустанных заботах о благе моего народа не щадить ни трудов своих, ни своей крови, ни живота своего. Я буду верой и правдой служить моей королеве во имя интересов народа. Я клянусь в этом высокой клятвой у святого Евангелия. Аминь.

Он отнял руку от Евангелия и осенил себя крестом.

— Аминь, — повторил верховный судья.

— Аминь, — повторили придворные.

Альфред де Гну подошёл к трону с явным намерением поцеловать руку королевы, но она сделала вид, что не поняла его. Придворные кланялись королеве и пятились к двери. Тронный зал наполнился шорохом и движением.

— Здорово вы устроили свои дела! — язвительно проговорила королева. — Поздравляю вас, господин де Гнус!

— Де Гну, — поправил он.

— С окончанием «с» ваша фамилия на русском языке звучит восхитительно! И главное, очень точно!

— Я не знаю русского языка, ваше величество.

— Очень жаль, вы бы поняли, какой глубокий

смысл таит это слово! — Оксана поднялась с трона.

— Я очень прошу вас задержаться ещё только на одну минуту, ваше величество. Ведь я обещал вам радость!

И прежде чем она ответила, премьер-министр, согласно дворцовому ритуалу, чтобы не поворачиваться к королеве спиной, попятился от трона. Так он пятился до самой двери с застывшей на лице улыбкой, пока не скрылся совсем.

Глава 14

В тронном зале остались только Оксана, Марго и Поль да одиноко стоящий у двери мажордом в своём древнем, расшитом золотом костюме с жабо и белыми чулками до колен.

Королева сняла корону.

— Ваше величество, — кашлянул Поль, — а как вы думаете, кого сейчас приведёт сюда новый премьер-министр?

— Кого? — с тревогой спросила она.

— Вашего жениха…

Она взглянула на него сердито.

— У меня не было и нет никакого жениха!

— Раз он приехал, значит, есть, ваше величество.

— Какой жених? Откуда?

— Из Америки. По имени Джек.

Марго всплеснула руками:

— Да ведь это же тот самый американский парикмахер, за которого собралась выйти замуж Изабелла! — А вы знаете, Поль, что я Оксана!

— Уж хотите называйте себя — Оксана Первая или Изабелла Четвёртая, а только ваш принц приехал!

— Не может быть! Я вам рассказывала, что этот Джек улетел вместе с Изабеллой в Лозанну.

— Вот в Лозанне-то его и взяли детективы господина премьера. Говорят, этот американский парень сопротивлялся изо всех сил, да ему наши молодчики скрутили руки — и на самолёт! Во дворце ходят слухи, что с ним была какая-то девица, которая объявила, что она королева Карликии, но над ней только посмеялись.

Королева схватилась за голову.

— Ужас! Мне надо немедленно бежать из дворца!

— Уж теперь никак не убежать: кругом такая охрана, что и мышь не проскочит.

В дверях тронного зала снова показался Альфред де Гну. Он вёл под руку плечистого парня в белой фуфайке, которые с некоторых пор стали почему-то называться водолазками.

Парень был до такой степени чем-то потрясён, что его расширившиеся глаза казались на побледневшем и потном лице двумя круглыми коричневыми пуговицами. Приоткрытый рот с узенькими усиками над верхней губой конвульсивно подрагивал, а растрепавшиеся волосы торчали на голове пучками, словно его совсем недавно таскали за вихры. Под левым глазом

молодого человека ясно был виден синяк.

За его спиной Оксана увидела женщину неопределённого возраста с бесстрастным лицом — вскоре выяснилось, что она переводчица.

Жених упирался, и премьер-министр поэтому то и дело слегка подталкивал его.

— Ваше высочество, — мягко сказал верзиле премьер-министр, — я полагаю, что в эту торжественную минуту вы испытываете вполне понятное чувство радости.

Женщина с бесстрастным лицом негромко перевела парню слова премьер-министра.

— Йес, — сказал американец, озираясь.

— Перед вами её величество, ваше высочество!

Парень что-то глухо забормотал. Переводчица открыла рот, чтобы перевести, но запнулась. Премьер-министр посмотрел на неё вопросительно.

— Он просит, чтобы его больше не били, — сказала она, — иначе он за себя не ручается.

— Идиоты! — шёпотом выругался Альфред де Гну. — Они отшибли ему разум… Да растолкуйте же этому… его высочеству, что он во дворце.

До парня наконец начал доходить смысл услышанного, и его взгляд беспокойно забегал с Оксаны на Марго.

— Скажите же что-нибудь вашей невесте, —

шепнул ему премьер-министр.

— Ноу, — покачал головой американец и махнул рукой за окно. — Мой Изабелль там есть — Лозанна. Мой любовь есть Изабелль!

— Да нет же, ваше высочество! В Лозанне была никому не известная девица. Ваша любовь здесь!

— Ноу, — упрямо твердил американец, — мой люббитт Изабелль! Люббитт больше, чем свой жизнь! Мой люббитт Изабелль до самый смерть! — И он прижал руку к груди.

Альфред де Гну повернул к переводчице перекошенное бешенством лицо.

— Мадам, спросите членораздельно его высочество, хочет ли он быть супругом королевы Карликии?

Дама с бесстрастным лицом старательно перевела.

— Йес, — сказал американец.

— Так какого же дьявола он… — Премьер-министр не договорил и сладко улыбнулся американцу: — Ваше высочество, неужели вы забыли? Я понимаю, у вас была утомительная дорога… Посмотрите внимательно, ваше высочество: перед вами королева Карликии Изабелла!

Американец растерянно заморгал. Десятки мыслей, по-видимому, распирали его голову.

— Оу! Май квин! — наконец пробормотал он.

— Да, да, ваша королева! — подтвердил премьер-министр подбадривающе.

— Оу!.. Ин Лозанна?

— Там была аферистка!

— А-фе-ри-ст-ка?

— Да, да, самая настоящая аферистка!

Американец во все глаза смотрел на Оксану.

— Вы любите её величество? — мягко спросил Альфред де Гну.

— Йес! — воскликнул американец.

Премьер-министр оглянулся и торжествующе крикнул:

— Мажордом! Сообщите корреспондентам, что сегодня во дворце состоялась помолвка её величества королевы Изабеллы с его высочеством принцем Джеком. Сообщите также, что после заключения брака их величества отправляются в полугодовое свадебное путешествие.

— Мажордом! — повелительно сказала Оксана. — Никому ничего не сообщайте! Я не собираюсь выходить замуж!

— Что вы делаете со мной, ваше величество! — изменившимся голосом вскрикнул Альфред де Гну.

— Оу, май квин! — моргал глазами америка-

нец.

— Нет, нет! — быстро сказала она американцу. — Я не хочу выходить замуж! Понимаете… ваше высочество? Ай ду нот вонт! К сожалению, я плохо знаю английский…

— Оу, май квин, — механически повторял он.

— Да нет же, я не ваша королева! — вырвалось у неё. — И вообще я не королева!

Она сбежала со ступенек трона, быстро прошла мимо оцепеневшего премьер-министра и скрылась за дверью. Марго догнала её уже у самой спальни.

— Ах, ваше величество! — проговорила она, слегка задыхаясь и закрывая за королевой дверь спальни. — Всё хорошо, только не нужно было говорить, что вы не королева.

Через несколько минут дверь без стука распахнулась, и они увидели на пороге встревоженного Поля.

— В королевскую спальню нельзя входить мужчинам! — вскрикнула Марго.

— Да отстань ты! — огрызнулся он. — Ваше величество, теперь и я понял, что пришло время бежать с этого корабля!

— Что ещё случилось, Поль?

— Премьер-министр уговаривает академика

Флокса признать вас душевнобольной! Я сам слышал...

Марго простонала:

— О! Я была уверена, что всё кончится сумасшедшим домом!

— Они уже идут сюда, ваше величество!

И действительно, с последним словом Поля в спальню вошёл, тряся бородкой, академик Флокс. Следом за ним с решительным видом двигался Альфред де Гну.

— Немедленно уйдите из спальни её величества, господин премьер-министр! — возмущённо проговорила Марго, загораживая ему дорогу.

Он небрежно отстранил её движением руки.

— Поосторожней, господин премьер! — вспыхнул Поль.

— Ваше величество, — очень ласково сказал Альфред де Гну, — простите меня, но достопочтенный господин Флокс сообщил мне, что ваше здоровье внушает серьёзные опасения. Ведь так, господин Флокс?

— Что? — прошамкал старик.

— Я говорю — опасения! — прокричал ему в ухо Альфред де Гну.

— Да, да, — потряс бородкой академик.

— Дедушка, — сказала ему королева, — я совер-

шенно здорова.

— Что? — снова прошамкал он.

— Я здорова, — повторила она как можно громче, рупором прикладывая к губам ладони.

— Да, да, — закивал старик и вдруг плаксиво прибавил: — Ваше величество, отпустите меня, Бога ради, на пенсию…

— Отпускаю, — невесело усмехнулась королева, — уходите, пожалуйста.

— Что?

— Отпускаю!

— Благодарю, ваше величество! — ещё быстрее затряс бородкой обрадованный старец.

Он ещё долго бормотал что-то, удаляясь, пока не скрылся за дверью совсем.

Оксана взглянула на премьер-министра. Он стоял неподвижно в своём чёрном фраке, опустив руки. Ни один мускул не двигался на его лице.

— Пойдёмте со мной, ваше величество, — негромко произнёс он, чуть шевельнув губами.

— Оставьте меня в покое, — сказала королева, со страхом глядя в непроницаемое лицо премьер-министра.

— Пойдёмте же! — повторил он настойчиво.

— Я никуда не пойду, господин премьер!

Он неторопливым жестом распахнул дверь и

приказал всё тем же спокойным голосом:

— Делайте ваше дело, господа!

В спальню вошли двое могучих мужчин в белых халатах и нерешительно остановились.

— Я сказал — делайте ваше дело! — чуть повысил голос Альфред де Гну.

Мужчины в белых халатах двинулись к королеве, но в эту минуту перед ними выросла величественная фигура генерала де Грананжа, и они снова остановились.

— Действуйте же, наконец! — покривил губы премьер-министр.

Генерал де Грананж отлетел в сторону, и похолодевшая от ужаса Оксана почувствовала, что её схватили крепкие руки. Но они сейчас же отпустили её, потому что белые халаты растянулись на ковре, и королева увидела рядом с собой побледневшего от ярости генерала.

— Ну, кто следующий? — потрясая кулаками, хрипло спросил он.

Белые халаты молча бросились на Поля. Оксана не запомнила, сколько времени длился бой — минуту или десять минут, но скоро поняла, что двое могучих мужчин бессильны что-нибудь сделать с её защитником. Кулаки Поля мелькали безостановочно, и белые халаты то и дело летели

на ковёр, но снова вскакивали и с непонятным упрямством лезли под новые удары. Это походило на цирковое представление.

В конце концов один из белых халатов не поднялся. Он разбросал руки, уткнувшись носом в ковёр, и совсем по-мальчишески захныкал. И тут премьер-министр, должно быть потеряв терпение, сам подхватил Оксану на руки и потащил к выходу.

— Прочь руки от королевы! — услышала Оксана крик Марго.

Что-то треснуло и с мелодичным звоном посыпалось на пол. Руки Альфреда де Гну сразу ослабли, и Оксана почувствовала под ногами ковёр.

Премьер-министр с выпученными глазами раскачивался на носках, ища и не находя опоры для своих рук. Вокруг валялись осколки разбитой вазы. В следующее мгновение Марго, кряхтя, схватила его за шиворот, дала пинка и вытолкала за дверь. Кто бы мог подумать, что в этой женщине столько сил!

А ещё через полминуты Поль вытолкал за дверь мужчин в белых халатах и запер её на ключ.

— Дело плохо, ваше величество, — проговорил он, тяжело дыша и потирая щёку, — мы в

западне…

Но в эту минуту произошло нечто совершенно неожиданное: длинная мраморная плита в углу комнаты неслышно задвигалась.

«Опять привидения!» — хотела сказать Оксана, но так и не сказала, потому что увидела в образовавшемся проходе королеву Изабеллу.

Королева Изабелла, раскрасневшаяся и задыхающаяся, вбежала в спальню и некоторое время не могла произнести ни слова от волнения. Оксане показалось, что её распалённое гневом лицо стало ещё красивей, а большие глаза горели, как два костра.

— Самозванка! — наконец крикнула Изабелла, останавливаясь посреди спальни. — Мало того что ты села на мой трон, но ты ещё решила отнять у меня жениха!

— Как хорошо, что ты пришла! — счастливо улыбалась Оксана. — Если бы ты знала, как я рада! Ах, как я рада!

— Отдай мне моего Джека!

— Возьми его, пожалуйста, поскорей.

— Только подумать: она, как королева, разгуливает по дворцу, а меня не пускают во дворец! Хорошо, что я не забыла о существовании этого старого подземного хода!

— Во всём виновата ты, а не я!

— Ты говоришь правду? — уже спокойней спросила Изабелла.

— Клянусь тебе!

— И ты не помолвлена с Джеком?

— Так же, как и с академиком Флоксом!

— Так слушай: по этому подземному ходу ты сможешь выбраться из дворца… Но обещай мне, что ты уедешь в свою Швецию!

— Этого я не могу обещать тебе… Я уеду в другую страну.

— О'кей! Куда угодно, но ты должна покинуть Карликию!

— Я только и мечтаю об этом!

— У выхода стоит такси, на котором я приехала… Прощай, Оксана!

— Прощай, Изабелла!

Как стремительно неслась Оксана по подземному ходу! Марго и Поль с трудом поспевали за ней, и молодая садовница время от времени обеспокоенно кричала:

— Не разбейте в темноте лоб, ваше величество! Тут кругом камни под ногами!

Ход оказался очень длинным, должно быть, он тянулся под всем дворцовым парком. Пока наши друзья спотыкаются в этом тёмном и сыром ко-

ридоре, автор, несколько забегая вперёд, может доверительно сообщить читателям, что необычайные приключения Оксаны кончились вполне благополучно, не вызвав никаких дипломатических осложнений. Что касается Изабеллы, то она, насколько известно, пока ещё сидит на троне. В своё время газеты очень подробно описывали пышную свадьбу юной королевы с его высочеством принцем Джеком. У королевы полный контакт с парламентом и кабинетом министров.

Но вернёмся к Оксане… Она вышла из подземного хода за оградой королевского парка, радостно улыбнулась солнцу, оглянулась и увидела, что предусмотрительный Поль уже сорвал с себя генеральские эполеты и аксельбанты.

— Боже мой! — воскликнула Марго. — Поль, посмотри, ведь за оградой видна черепичная крыша нашего домика!

Воспользовавшись тем, что поблизости не было королевской стражи, Поль легко поднял на ограду Марго, а потом перемахнул через неё сам.

Неподалёку от подземного хода действительно стояло такси. Оксана растолкала задремавшего шофёра и сказала:

— В загородный отель! И, пожалуйста, скорей!

— Ваше величество… — услышала она глухой,

похожий на рыдание голос Марго.

Оксана обернулась. Из-за ограды высовывались печальные лица молодой садовницы и её жениха.

— Ах, ваше величество, — кусая губу, сказала Марго, — как жаль, что вы так мало были королевой! Как жаль!

Когда машина тронулась, Оксана снова оглянулась. Марго и Поль махал и ей руками. По лицу садовницы скользили крупные, сверкающие на солнце слёзы.

